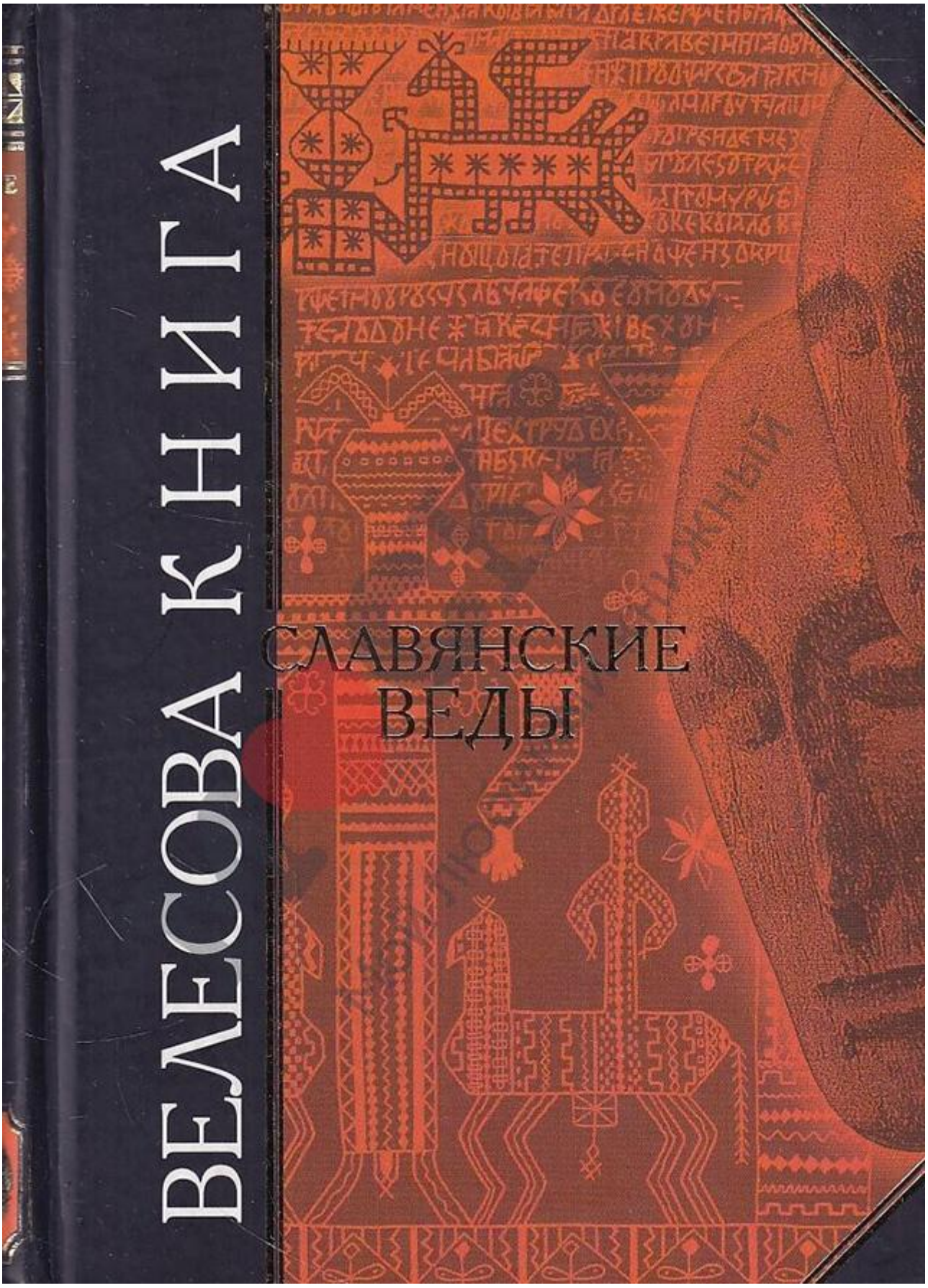
ВЕЛЕСОВА КНИГА

СЛАВЯНСКИЕ ВЕДЫ

Велесова Книга

Славянские Веды

УДК 882 ББК 63.3(2) В 27

Дизайн книги А. Пилипенко

Составление, перевод, предисловие, комментарии, статьи Д. М. Дудко

Оформление серии Е. Шамрай

Сканирование, редактирование электронной версии Айг Аргайл

Редактор сайта HECTOR Славянский

В 27 Велесова книга. Славянские Веды. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — 400 с. (Серия «Антология мудрости»).

• Из Книг Библиотеки TopLib.net •

Славяне — древняя многоликая семья народов, которая по праву гордится своей историей. Жаль только, что всем известные удаль и размах загадочной славянской души не располагали наших предков к нудным и кропотливым занятиям, требующим терпения и усидчивости. Непоправимо мало сохранилось свидетельств о том, как они жили в далекие, былинные времена. Каким виделся им мир, во что они верили, чему поклонялись. Тем ценнее для нас знаменитая «Велесова книга», повествующая «о преданьях старины глубокой». Как в случае со «Словом о полку Игореве», подлинность этой книги не раз подвергали сомнениям, вызывая не менее яростные отповеди со стороны ее защитников. Однако оставим споры ученым. Читать о своих корнях куда интереснее, чем отстаивать свою научную позицию. Белее их разберет, что там было на самом деле, но одно можно утверждать точно: «Велесова книга» — отличный подарок тем, для кого слова «Русь» и «Россия» и ныне полны глубокого смысла.

УДК 882 ББК 63.3(2)

© Составление, перевод, предисловие, комментарии, статьи.
Издательство «Око», 2002 О ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс», 2002

ISBN 5-04-009912-6

О переводе

В основу перевода положен текст (преимущественно машинописный) из архивов Ю. П. Миролюбова и А. А. Куренкова, опубликованный Н. Ф. Скрыпником и О. В. Твороговым. Традиционная нумерация «дощечек» установлена Ю. П. Миролюбовым. При этом номерами 4, 6, 7,17, 24 обозначены связки, соответственно, из 2, 4, 5, 2 и 2 дощечек. Буквами от «а» до «з» обозначены лицевые и оборотные стороны дощечек. Дощечка 20 — собрание разрозненных обломков. Дощечка 27 также найдена в обломках, но дает связный текст. Дощечки 5б («осколки»), 8(2), 8(3) и 8(27) продолжают, соответственно, тексты дощечек 4г, 2,3 и 27. Всего, таким образом, сохранились тексты 50 дощечек и 24 отдельных обломков. Еще 2 фрагмента приведены в работе Ю. П. Миролюбива «Русская мифология».

Дощечки 1—8, 9—13, 17—18, 20, 24, 27 впервые опубликовал А. А. Куренков (с многочисленными искажениями), 35— 37 — С. Лесной, остальные — Н. Ф. Скрыпник. Дощечки 32, 33 и часть дощечки 31 дошли до нас в черновых рукописях Ю. П. Миролюбова. Сохранились фотографии дощечки 16 (из них, по крайней мере, д. 16а — с прорисовки). Д. 16б известна лишь по некачественной фотографии.

1

Тщетно вспоминаем добрые наши старые времена, дабы идти неведомо куда. И так смотрим назад, и говорим, что стыдимся знать о Нави, Прави и Яви[1], и обе стороны бытия ведать, и думать.

Даждьбог сотворил нам яйцо, которое есть свет звезд и месяца. И в той бездне повесил Даждьбог землю нашу, чтобы она держалась[2]. Так вот души

пращуров светят звездами нам из Ирия[3].

Но греки напали на Русь и творили злое во имя богов, так что мы и не знаем уже, куда бежать и что делать.

Правь неведомо устроена Даждьбогом, а по ней, словно пряжа, течет Явь, и та создает жизнь нашу, а когда отойдет — смерть приходит. Явь есть текущее, созданное в Прави, а Навь есть до нее (Яви) и после нее — Навь. В Прави же есть Явь. Научились мы старому и ввергнем души наши в него, ибо это — наше. Ибо так уже пришло на Коло[4] нам. Творящую для богов силу увидели мы в себе, и то дано в дар богами, и не надо напрасно стараться. Вот души пращуров наших из Ирия смотрят на нас, и там жалеют, плачутся и кричат нам, что мы пренебрегаем Правью, Навью и Явью... Пренебрегаем тем и насмехаемся над истиной... Не достойны мы быть Даждьбожьими внуками... Потому молим богов, чтобы были чистыми души и тела наши, и имели мы жизнь с праотцами нашими в богах, сливаясь так в единую правду. Ибо мы — Даждьбожьи внуки.

Зри, русич, Ум: ведь Ум[5] великий божий един с нами. И ему творите требы и воспевайте с богами воедино. Ибо бренна наша жизнь, и мы сами также там, где нам на князей наших работать, живя в землях с тельцами и овнами и скотом нашим, а от врагов убегая на север.

2а

Муж, идущий домой правым,— не тот, кто говорит, что будет прав, но тот, чьи слова и дела совпадают. Потому сказано стариками, чтобы мы творили доброе, и как деды сказали, то во всем пусть будет. Так же во времена, обильные славой, Русь иссечена была руками врагов и зло творящих. И князь тот немощен был, и послал сыновей своих на брань, а те поддались варягам, вечем пренебрегли, а решения веча не уважили. Потому и были разбиты и в неволю взяты. И когда говорили ныне, что князья — наши, то это не так.

Пойдем на юг, чтобы иметь землю для нас и детей наших! А там греки напали на нас, как на пришельцев, и была сеча великая много месяцев... Сто раз начиналась Русь, и сто раз была разбита от севера до юга!

Так водили скот праотцы наши, и были приведены отцом Орием[6] в край Русский, ибо там, где жили, тяготы многие несли от ранних холодов. Так пришли сюда и поселились огнищанами[7] на земле Русской. То было две тьмы[8] назад. А по этих двух тьмах пришли варяги и забрали землю от хазар в свои руки. На тех ведь мы в неволе работали.

Был народ, нам родной, ильмерский[9]. Из того же корня вырос народ наш, что пришел позже в Русскую землю и поселился среди ильмерцев. Ибо они — братья наши, нам подобные, когда была война — обороняли нас от зла.

Если есть вече — что решено на вече, так и будет, что не решено — не будет. Избирали князей от полюдья до полюдья , и так они жили, мы же им помощь давали. Мы хорошо знали, как делать сосуды, обожженные на очагах, были добрыми гончарами, землю пахать и скот разводить умели. Такие были отцы наши. И пришел род злой на них, и напал, и потому...

2 б

...были вынуждены бежать в леса. Там мы жили охотниками и рыбаками, и сумели страха избежать, и так прожили одну тьму. И начали города ставить, огнища повсюду раскладывать. После второй тьмы был холод великий, и мы двинулись на юг, ибо там места злачные[11]. А там иронцы[12] десятину брали от скота нашего. Мы поладили бы с ними, если бы они данное кому слово держали. И пошли мы к южному зеленотравью, и имели скота много.

8 (2)

(продолжение д 2)

Вот прилетела к нам, и села на дерево, и поет птица. И всякое перо ее иное и сияет ночью, как днем. И поет песни к борьбе и битве. Тогда сражаемся мы с врагами. Вспомним о том, что отцы наши ныне во Сварге[13] синей и глядят на нас, а мы усмехаемся им. И так мы с отцами нашими не одиноки. Думаем о помощи Перуна, и видим, как скачет во Сварге вестник на коне белом, и тот меч поднимет к небу, рассечет облака, и загремит, и течет вода живая на нас. Пьем же ту воду, ибо она вся от Сварога[14] к нам жизнью течет, пьем ее как источник жизни божьей на земле. Корова Земунь[15] идет в поля синие и

начинает есть траву и молоко дает. И течет то молоко во хляби и светит в ночи звездами над нами, и то молоко видим сияющее — то путь правый, а иного не должны мы иметь.

Слушай, потомок, ту славу, и держи сердце свое с Русью, которая есть и пребудет нашей землей. Ее должны мы оборонять от врагов и умирать за нее, как день умирает без солнца — Сурьи[16], потому что приходит тьма, которой имя вечер, а умирает вечер — приходит ночь. Ночью Велес идет во Сварге по молоку небесному, и идет в чертоги свои, а на заре выходит к вратам. Там мы ждем, чтобы песнь свою начать и Велеса славить из века в век и храмину его, которая блестит огнями многими и становится ягницей чистой. Это Велес учил праотцев наших землю пахать, и злаки сеять, венки свивая в полях страдных, и ставить сноп к очагу, и чтить его как отца божественного. Отцам нашим и матерям слава, которые нас учили о богах наших и водили за руку по стезе правой! Так идем и не будем хлебоедами, но славянами-русами, которые богам славу поют и потому суть славяне[17]. От берега Готского моря[18] шли мы к Днепру и нигде не видели других бродников[19], кроме русов. А те гунны и языги[20] отброшены. Имели же мы боярина Оглендю, который нас презирал и раскалывал на части.

С утра до утра видим, как иное зло делается на Руси, и ждем, когда будет к добру. А того не будет иначе, если не сплотим свои силы и не возьмем одну цель в мысли наши. Это говорит вам голос праотцев, и того послушайте, чтобы другого не делать. Идем в степи наши и будем бороться за жизнь нашу, как герои, а не скоты бессловесные, что не ведают ничего!

Тут красная Заря идет и каменья нижет на уборы свои . И ее приветствуем от сердца как русичи, а не греки, которые не знают о богах наших, а говорят злое и невежественное. Мы носим имя славы, и славу показали им, когда шли на железо их и на мечи. Тут только медведи остались слушать славу ту, а уцелевшие оленями ускакали и рассказали другим о русах: эти-то не убивают их, кроме как по нужде. Ибо греки враждуют ради алчности своей. Эти русы горды, а за хлеб благодарят, не как грек, который берет, а сам

злобствует на дающего. Ту славу орлы клекочут там и тут, что русичи вольны и сильны в степи.

3а

Молим Велеса, отца нашего, чтобы повел в небе коней Сурьевых, чтобы пришла к нам Сурья вешать золотые колеса вертящиеся. Ибо это солнце наше, которое светит на дома наши. И бледен пред ним лик очагов домашних. Этого бога Огника Симаргла[21] просим показаться, и восстать на небе, и светить до голубого рассвета. Назовем его именем Огнебога и идем трудиться. Всякий день, сотворив моленье и укрепив тело едой, идем на поля наши работать, как боги велели всякому мужу, которому назначено трудиться ради хлеба своего. Даждьбожьи внуки вы, любимцы божьи, и боги уже рала ваши десницей держат.

Воспоем славу Сурье, и так думаем до вечера, и пять раз в день славим богов, и пьем сурицу[22] в знак благости и общности с богами, которые в Сварге и там пьют за счастье. Воспеваем славу Сурье, а те кони Сурьевы скачут в небе. Домой идем, потрудившись, там огонь разжигаем, едим пищу нашу. Скажем, какова милость божья к нам, и отойдем ко сну. Ведь день придет, а тьма съест его. Также даем десятую долю отцам нашим, сотую — волхвам. И так пребудем славянами, ибо славим богов наших и молимся с телом, омытым водой чистой.

3б

Кровь святая — кровь наша! Про то говорилось, как избирали князей старейшины наши, и так управлялись пятнадцать веков через вече. А собираться на него судить всякого, и подлого, и главного... И так правили собой наши отцы. Каждый мог слово сказать. И то благо утратили мы из-за хазар по веке Трояна[23], который впервые сел на престол с сыновьями своими и внуками против решения веча. Борусы[24] не имели радости от властвующих против веча. Ибо хазары шли на них, а те не имели воинов. Тот раздор шел пятьсот лет, и не скоро кончился, и стоил нам ига хазарского. Ибо покуда борусы спорили, враги на них напали многие. А внук Троянов был один, хоть и с друзьями многими, и был убит.

8(3)

(продолжение д3)

Когда наши пращуры Сурож[25] создавать начали, греки приходили гостями на торжища наши, чтобы высматривать. И, увидев землю нашу, послали в нее много юношества, и дома строили, и города для обмена и торговли. А однажды узрели мы воинов их с мечами и оружием, и скоро они землю нашу прибрали к рукам своим, и устроили игрища иные, чем мы. И видим, что греки тут праздны, а славяне рабами трудятся на них. И так земля, что четыре века была нашей, стала греческой, и мы там — словно псы. Скоро нас камнями погонят вон оттуда. И та земля отречена ныне. Должны мы добыть ее и кровью нашей полить, чтобы стала плодороднее и жирнее.

Летит во Сварге Перуница[26] и несет рог славы нам. Выпьем его до дна! И поля наши должны мы добыть у врагов наших. А та Перуница говорит: «Как же, русичи, проспали вы пашню свою? Должны вы бороться с этого дня». А Сурья говорит: «Идите, русичи, и делайте то. Куда же пойдете от края своего?» ^арим в стену ту, и проделаем дыру для нас и для наших, и будем у себя сегодня, а кому судит Перун, тот будет в раю есть пищу вечную. В Сварге восстанут погибшие ныне, и не имеем других ворот, чтобы туда идти живыми. Ибо лучше мертвым быть, чем живым рабски трудиться на чужих. Ведь никогда не живет раб лучше господина, который захватил его. Должны мы наших князей слушаться и воевать за землю нашу, как они говорят нам.

И вот Индра[27] придет к нам, чтобы мы сохранили силу среди трав и стали твердо за поля наши. Ибо сила божья превосходит нашу, и будем непобедимыми в поле стоять. Принесем жертву богам своим на руки их и повалим тех, кто еще стоит гоголем, а должен быть повержен во прах в крови своей. Если бы мы еще сколько-то биться посмели, выставили бы себя греки бессильными и обабившимися, имеющими мечи тонкие, щиты легкие, быстро устающими и землю покидающими из-за слабости своей. Ибо нет им помощи от василевсов и должны сами стать на защиту. Тот Сурож будет иным, нашим.

И не должны мы слушать их речи, будто они составили для нас письмо,

чтобы мы приняли его, а свое утратили. Вспомним того Илара[28], что хотел учить детей наших, а должен был прятаться в домах, чтобы мы его, незнающего, научили нашему письму и как нашим богам править требы.

А то поведаю вам, что победите греков, ибо видел я сон ясный о том, и узрел Кия, отца нашего, и тот сказал мне, что уничтожим мы их, и разрушим Хорсунь и Амастриду[29], мерзость, и станем великой державой с князьями нашими, городами великими и несчетным железом. И будут бесчисленны потомки наши, а греки умалятся и будут прошлому своему дивиться и качать головами. Делайте так, ибо будут на нас многие грозы и громы гремящие, и едва одна перестанет, другая начнется. И так победим до конца, продолжимся на многие века благодаря богам, и ничто нас не уничтожит.

Станьте, как львы, один за одного, держитесь князей своих, и Перун будет возле вас, и победу даст вам.

Слава богам нашим до конца концов века земли той и ради благ всяких Руси, отцовской земли нашей! И так будет, ибо эти слова мы имеем от богов.

4а

(д. 4 – связка из двух дощечек – а–б, в–г)

Настала жизнь трудная. Был в степи боярин Скотень. Он не подчинился хазарам. Были иронцы[30]. От иронцев он помощи просил, и те конницу посылали. И были хазары разбиты. Иные же русичи остались под хазарами, которые дошли до города Киева и там поселились. Те же русичи, которые не хотели под хазар, шли к Скотеню. Так Русь собралась возле него. Иронцы не трогали наших обычаев, дани не брали, и так оставили русов жить по-русски. Хазары брали на работу свою неволей, и детям и женам очень плохо было, и творили зло. Тогда и готы-грабители напали на Русь, что около Скотеня. И он вооружился, и пращуры наши двинулись на них. Тогда конница иронская ударила и разбила готов. Разгромлены были готы и бежали с поля боя. Кровь борусская лилась, и красной была земля. Будто молниями разбила Русь землю Готскую, и мечами уничтожила всякого, а страну их, как знаем, к себе присоединила.

А тут хазары уловили время для рати и напали на нас. Тогда русичи ринулись в бой, как львы, и сказали: «Пропадем, если Перун о нас не позаботится!» И тот им помог. Готы были поражены, а хазары впервые попробовали праха, впервые были разбиты. А Русь вздохнула им вслед и сказала: «Что-то еще будет?» Хазары ушли к Волге, Дону и Донцу. Там, посрамленные, разбежались воины их, бросили наземь мечи свои и удрали в тот раз куда глаза глядят. Готы сместились и отошли на север, и там исчезли, уйдя дальше, ибо Русь устроилась в этой земле, взятой в русские руки, и руки свои утерла и сказала: «Пришел ведь час милости божьей! Хвалим Даждьбога нашего и Перуна златоусого, который был с нами!». И так впервые воспели славу богам на земле чужой и сказали: «Эта земля — Русколань[31], там потрудились много, чтобы создаться земле нашей». Хазары, в боях до земли побитые возле Киева и Волги, Русколани боясь, утвердились на Донце после готов.

4б

Многие пленники шли с нами, и так же потрудились, и от того стали вольными и равными пращурам. Ибо Белее научил их землю пахать и зерно сеять, так ведь хотели те пращуры — огнищанами стать и быть земледельцами. Говорим, как сказывают в нашей земле, а не как греки, жаждущие Руси из корысти и подчинившие болгар[32].

И нужно скот свой водить в полях злачных и избирать князей из своих старейшин из рода в род, так собой управляя. За десять веков забыли это роды и зажили особыми племенами. Зовутся поляне, северяне и древляне, но то все — русичи из Русколани, а не отдельные народы, как сумь, весь и чудь[33]. Отсюда пришла на Русь усобица. За вторую тысячу лет подверглись разделу, и потеряли свободу, и стали неволей работать на чужих — во-первых, на готов, что крепко их обдирали, во-вторых, на хазар, как те объявились с каганом. И то — по нерадению нашему: поначалу гостями приходили на Русь, были велеречивы, а потом стали злы и русичей угнетать принялись. И сказали те: «Куда уйдем от них, где жизнь вольную найдем? Великие мы сироты, рука

божья от нас отвратилась!» И так за двадцать тысяч лет[34] не могли создать Русь, а потом пришли варяги и взяли ее.

Были те сыны великие. Русь творилась на севере, поскольку не было иной возможности. В лесах ильмерских она создалась и там есть. Киеву же дана часть малая: там уселись варяги, которые суть хищники, после венеда Святояра[35]. Да узреем рачительного того боярина нашего, который поразил готов со Скотенем! А было то славное деяние от прихода славянского люда на Русь лета тысяча третьего. Нагло и грабительски напали на нас. Тогда Святояр был единым князем, которого избрали борусичи на Русколани. И он взял русколань и борусов, вооружил их и пошел на готов из Воронежца[36]. Было там десять тем отборных конных бойцов и ни одного пешего. И так ринулись на врагов. Сеча была злая и короткая и лютовала до вечера, и пришел конец готам.

4в

Русь же глядит на землю ту и до сих пор. В то время шли в Киев варяги с купцами и били хазар. И каган хазарский обратился к Скотеню, моля о помощи. Отверг это Скотень и сказал: «Поможете сами себе». Вечу Русколани хватало дел, когда вся та вражья сила пошла в землю Воронежца. Воронежец был город древний, за много веков поставленный и укрепленный вокруг от нападения. А те враги пошли к Воронежцу и взяли его, и там осели. Вот, Русь ограждена от захода солнца. А иные шли к Сурье на юг и Сурож-город создали. У моря, которым владели греки, там укрепили город Сурож-Белоярь.

Криворог[37] был в то время князь русский, и белого голубя пускал: куда тот летел, туда и князь летел на греков. Криворог напал на них и разбил. Тут греки, словно лисы хвостом вертя, давали Криворогу золотое руно и коней серебряных. И тот Криворог удержался в Суроже. Греки же были на околицах. Криворог согласился, чтобы Русь открылась [для мирных связей]. Тогда греки бросили на него бойцов в железе, и было побоище великое. Пала кровь русская наземь, и несчастье было русичам. Ильмерцы сказали: «Глупцы вы, мы придем вам помогать»... Постараемся же, вспомним, как свою землю Русскую удобрили наши старейшины, какие силы потратила Русь в тех битвах с врагами нашими,

как кровь удобрила землю нашу.

Есть боги, которые с Перуном куют на наковальне мечи на врагов иных. Мы же помолимся о помощи нам.

4г

Сурожу быть святу над нами! Идем туда, где увидели землю горную и лукоморье, и то все благодаря богам узреем, как весь Свет, который мы зовем Перуном, Даждьбогом, Хорсом, Ярилой и иными именами. Так поем славу богам и живем милостью божьей, пока живы. Мы утратили Сурож, там враги наши, которые в темной яме ползают и грозят нам болезнями, Маром, Марой[38] и концом жизни всяческим. Явится бог сильный, ударит мечом-молнией, и те издохнут.

Сурья светит на нас и к нам, и видим все. Первая слава — Сурье, светлому Деду, который изгоняет зло. Из той тьмы вышло злое племя дасов[39], и то злое племя на пращуров наших набрело и напало, и были многие убиты и замучены. И тот Орий-старейшина сказал: «Пойдем из этой земли, где гунны наших братьев убивают, словно кровавые хвостатые звери, скот наш крадут и детей истребляют». Так сказал старец, и пошли все в иную землю, которая течет медом и молоком , и есть та земля... И шли все сыны Ория — Кий, Пащек и Гороват[41], от которых три славных племени произошли. Те сыны были храбрыми вождями дружин, и так сели на коней, и двинулись. За ними — дружина младшая, скот, коровы, бычьи упряжки и овцы. Шли дети, старцы, матери, жены, также и больные люди. И так двигались на юг, к морю, мечами разя врагов. Шли в горы великие и в долины травные, где было злаков много. Там освоился Кий, который построил Киев, и тот стал столицей русской.

Многой крови стоил тот исход славянам... Анты пренебрегли злом и шли, куда сказал Орий. Ибо кровь свята — и кровь наша. О том говорил он, что все мы — русичи. И не слушайте врагов, что говорят, будто вы — не добры. От отца Ория происходим, и...

5б

(«осколки») (продолжение д – 4г)

...он время от времени рождается среди нас, ибо связан с нами и после самой смерти. Не забудем также ильмерцев, которые нас хранили не один раз, и с нами слились, и кровь свою дали нам. В древности были на Руси хазары, сегодня — варяги. Мы же — русичи, а никакие не варяги.

Оставим на солнце-Сурье молоко наше в травах, а ночью растолчем в нем щавель и иные травы, как говорили праотцы, и дадим осуриться[42], и будем пить трижды во славу богов пять раз в день. Это — наше старое почитание богов должно употребить, и треба та будет связью между нами. А ни Мару, ни Морока не смеем славить, ибо эти дивы[43] — наше несчастье. Наш Дид — в Сварге.

5а

С подробностями начнем мы то, о чем говорим. Итак, лет за тысячу пятьсот до Дира шли прадеды наши в горы Карпатские, и там осели, и жили ладно. Роды управлялись отцами-родичами, и старейшиной рода был Щек родом от ариев. Паркуй[44] нам благоволил, ибо мы его почитали. И так прожили пятьсот лет, а потом двинулись к восходу солнца и шли к Днепру. Эта река к морю течет. И там на севере осели на ней. И именовался Днепр Припятью, как отцы называли. И там осев, пятьсот лет вечем управлялись, богами хранимые от многих, звавшихся языгами. Илиров было много, осевших там огнищанами. И так водили скот в степи, и там могли себя охранить силой богов. И, как сказано, отдохнули, и накопили много золота, и богато жили.

5б

(д. 5б («осколки») — продолжение д. 4г)

Вот языги повернули на юг и оставили нас одних. И так шли, ведя скот — быков своих, и встретили множество птиц, летящих к ним. А те, галки и вороны, с пира летели. Был пир большой в степях — то племя костобоков[45] напало. И вот открылись раны многие, и кровь лилась тут. Внезапно рубили головы врагам своим, и те стали едой воронам. И так стрибоги свистели в степях и Борей[46] гудел до полночи, тревожа нас. Была тут сеча великая: языги и костобоки сражались со злыми беглецами и ворами коров наших[47]. И так

тянулась эта борьба двести лет. А наши родичи ушли к ляхам и, там осев, ныне пребывают.

Через сто лет были там готы Германариха[48], и злобились на нас, и была там борьба великая. И готы были потеснены и отброшены к Донцу и Дону[49]. И Германарих пил вина братолюбные с воеводами нашими, и так сотворилась новая жизнь.

6а

(д. 6 — связка из четырех дощечек: а—б, в—г, д—е, э)

От Ория — то был общий наш с борусами отец — была от Ра-реки[50] до Днепра и Карпат держава, разделенная по родам. Они управлялись родичами и вечем, и всякий род называл своих родичей, кому из них править, пока не пришли к горам (Карпатам). А там были князья и воеводы отцами людям, дабы оборонять их от врагов во славу Перуна. И так Даждьбожья помощь приходила к нам. Такая была та держава Русская русов и борусов. Там была борьба и война непрестанная, всякий час схватки и многие сечи, бои, что врагами начинались и до конца не доходили, и так было с римлянами и готами.

Тут Германарих пришел к нам и напал на нас. И так разбиты были мы римлянами и настигнуты готами, будто меж двух огней тлели и загорались. И была тут великая беда. Жнива наши сожжены, вместо домов остались одни пепелища. Тогда прилетела к нам божественная птица и сказала: «Отойдите на север и нападите на них, когда они придут к вашим селам и пастбищам». Так и сделали: ушли на север, и нагрянули на них, и разбили.

Победили их, и пошли к ним, и стали станами по Дунаю. Римляне бросились на нас, и много бились[51]. Хотели быстро опростоволосить нас, а мы их опростоволосили, и тьма была опростоволошенных.

Великие снега, холода и голод мучили наших людей, стоявших у той реки. Оставаясь без всего, они тогда сильно пострадали, ибо независимость имели и ее создавали.

6б

Через сто двадцать лет войны готы, подпираемые сзади гуннами и

берендеями[52], пошли на север между Ра-рекой и Двиной и там пропали[53]. Германарих и Аларих[54] повели их на новые земли. Гунны с берендеями и стадами своими стояли в том крае. Там было много коней и коров, трава злачная и вода живая: Туда Аларих привел силы свои и отразил всех гуннов, потеряв много голов, и пошел на нас. Тогда родичи собрались конные и ринулись на них. Суровая сеча была там тридцать дней, и русы пустили в землю свою готов, которые поклялись не биться с нами.

Тяжкие времена настали. Напали на нас римляне от Дуная, греки с юга, а готы с севера и юга. Та война зла не делила. А римляне были в устьях дунайских, на нас взирали и так ждали.

Та борьба долго продолжалась, не угодная богам и людям. Не имели мы иного прибежища, кроме одного: выбирали князей из отцов от Овсеня до Овсеня[55], которым платили дань в полюдье. И страшась водили стада свои и обрабатывали землю, жито наше. Так жили и пятьдесят лет вели войну великую всякий день с гуннами и готами, но не с берендеями. Ибо те имели князя Саху, а тот, премудрый, мира искал с русами и был наш друг.

Берендеи ходили тихо. А гунны — воры, и борьба с ними была тяжкой, тянулась сто лет, и гунны остались на готской земле.

6в

Вот явились (греки) из-за моря и стали города ставить, Хорсунь и иные возвели. Русколань, разодранная смутами, создавалась на юге, а борусы на севере многое претерпели. Родичи не хотели, чтобы русские роды соединились в Русколани. Две ветви именовались великие и малые борусы. Сурож звался Сурожской Русью, а борусы звались от боров, так как там у Днепра — боры. И долгая вражда между родами разрывала бору сов на части. Так, борусы не могли противостоять наступлению греков и скифов. Те были желтые, а русы — русые и голубоглазые, сильные и неутомимые. Борьба шла непрестанно, когда же у сурожан не было сильного князя, то греки давали врагам больше, чем нам.

От отца Ория до Дира было тысяча пятьсот лет. Персы знали наши медные мечи. Тогда Твастырь[56] сказал делать железные и брать коней, которые

идут от богов к нам. Так была Русколань сильна и тверда — это от Перуна, что поддерживал нас всякий раз, как мы обнажали мечи. И устремлялись на врагов, отгоняя их от своих земель, отцы от рода Ория, славного и сильного, которые Ассирию били и Египет в старину. В те же времена не имели мы единства и стали, как воск, без Велеса. Ибо тот сказал нам, что мы должны ходить прямо, криво же — никогда, а мы того не слушались.

Персы забрали большую часть русов и погнали к Набсуру[57]. Не стереглись они от врагов, и те напали на них. И к морю светлому[58] пошли они клонить головы свои под вражеские бичи. Сильные враги напали с трех сторон. Те ушли со стадами на закат Сурьи и там исчезли. Наши же люди пошли в долину Набсура, а затем ходили на Ассирию и Египет[59].

6г

Долгие годы продолжалась неволя, и пришел день, когда русы ушли от Набсура, ибо персы не гнались за ними. И так шли в края наши, и там услышали песни наши об Индре и Вале[60]. Если бы мы были верующими, были бы с богами нашими, а чужим богам не принуждали бы наших отцов. Мы должны были хомут носить и никогда не называться иначе, как язычниками[61].

Когда русы неволю вавилонскую терпели, князем был Набсур, который их подчинил, и те своих юношей отдавали в воины, и били вавилоняне их палками по детородным органам, чреслам и щекам. Того терпеть мы не могли и сказали вавилонянам, что это не по сердцу нам в тот день, когда было великое землетрясение. Земля ворочалась и вздымалась до Сварги, кони и волы метались и кричали. Мы забрали свои стада, и бросились на север, и спасли души наши. И так богами хранимы будем и не утратим своих сынов, дочерей и жен, а будем просто своими среди своих. И не будем сметены, идя впереди чужой рати, а вернемся в свои земли. Ибо ходили мы хуже псов. А мы — потомки Славуни[62], и можем быть гордыми, и жизни не пожалеем. То Магура[63] песни свои поет к сече, а птица та от Индры приходит. Индра был и пребудет вовек тем самым Индрой, который дал Перуну все оружие, чтобы тот метнул его, дабы настала весна и шла на луга. И лучше мы исчезнем, но никогда не

будем жить в неволе и поклоняться богам чужим.

6д

Жрецы говорят, что заботятся о Веде, а ее у них украли, и не имеем ее ныне. Когда бы не берендеи наши и не бояны, остались бы мы невеждами до конца в том, откуда мы. А был боярин Гордыня, который бил готов в лето тысяча третье от Карпатского исхода, и он, как Триарий[64], шел без страха на них. И боярин Сегеня, который убил сына Германариха и отбросил Алариха от Воронежца. Там осталась Русь Борусская и Русколань. Так мы еще и должны стыдиться перед врагами наших слов!

О том мы должны вещать, и не можем верить до сечи всякому глупому слову, сказанному нам. Заря светит нам, и утро идет к нам, и так мы имеем вестника, скачущего в Сварге, и речем хвалу и славу богам. Та Сурож огречена и не будет вовсе русской, и там — боги греческие. Отбросим скорбь нашу и решимся на иное. Пусть выведет нас светлый сын Индры из тьмы! Имеем вышнего помощника нашего. А старые времена — то наше благо. Добудем от них твердость и крепость, дабы врагам отвечать, как надлежит!

6е

Те времена — пречистые. Тогда дни были так ясны, а засуха сурова, что жито не уродилось. Потому пошли мы в землю иную и там удержались. Разбита была Русь греками и римлянами. И те (русы) пошли по берегам морским к Сурожу и там создали город Сурож. Ибо тот край сурен (солнечен). Но Киев от того ничего не добился, потому что многое препятствовало. Тут впервые варяги пришли на Русь, и Аскольд силой разгромил князя нашего и разбил его.

Аскольд, а позже Дир, уселися на нас как непрошеные князья и начали княжить над нами, словно были отцами, хранящими очаг Огнебога дома того. И Огнебог отвратил лик свой от них, так как были они князья, от греков крещенные. Аскольд — темный воин, а ныне греками просвещен, что нет никаких русов, а есть варвары, и потому можем смеяться над тем, что были киммеры[65], также отцы наши. А те римлян потрясли, а греков разметали, как поросят напуганных.

6з

Отцы наделяли каждому по потребности его, а этот — иной и иное творит. Тот Аскольд служит богам чужим, а не нашим. Таковы были отцы наши, и мы не смеем быть иными. А греки хотят нас крестить, чтобы мы забыли богов наших и обратились к ним, словно невольники. Остережемся того, как отцы наши, которые оберегали скот свой и не давали волкам похищать ягнят, которые суть дети Сурьи. Потому трава зеленая — знак божий, и должны мы ее брать в кувшины и осуривать ее на собраниях наших, дабы пить за богов, что в Сварге синей. Отцы наши Даждьбогу жертву творили, а та на небе и так уже священна стократ.

7а

(д. 7 — связка из шести дощечек: а—б, в—г, д—е, э—ж, з)

Слава богам нашим! Имеем истинную веру, которая не требует человеческой жертвы. А ту творят варяги, которые всегда ее приносили, называя Перуна Паркуном и служа ему[66]. Мы же даем полевую жертву — от трудов наших просо, молоко, и подкрепляем ее на Коляду ягненком, и на русалии в день Ярилы, также на Красную горку[67]. Ее мы справляем в память гор Карпатских. В это время именовался наш род карпами[68]. Когда мы жили в лесах, то назывались древлянами, а в поле жили — именовались полянами. Всякое такое греки наговаривают на нас, будто мы людоеды. А это ложь, ибо нет такого воистину, а мы имеем иные обычаи. Тот же, кто хочет навредить другому, говорит злое, а глупый с тем не борется. Так и есть, и другие говорят так же.

Долго мы управлялись родами, и старейшины венедского рода шли судить родичей у Перунова дерева[69], а также были в тот день игрища перед очами старцев. Силу молодую показывая, юноши ходили быстро, пели и плясали. В тот день огнищане ходили на охоту и приносили десятину старейшинам, которые делили ее между прочими людьми. И волхвы жертву творя, богам хвалу и славу изрекали. Во времена же готов и прихода варягов отцы избирали князей, и те юношей вели в сечу суровую. Римляне же

поглядывали на нас, и замышляли злое, и пришли с возами своими и в железной броне, и ударили на нас. И потому оборонялись мы долго от них, и отогнали...

7б

...их от земли нашей. И римляне узнали, как мы отважны, защищая жизнь свою, и потому оставили нас.

Так и греки хотели поработить нас у Хорсуни. И бились мы сурово против рабства нашего, и была борьба и распря великая тридцать лет, и те оставили нас. Греки шли на торжища наши и говорили нам: «Меняйте коров ваших на мази и серебро, это нужно женам и детям». И так меняемся и доныне. Впоследствии же греки искали, как бы ослабить нас и дань взять. Потому не расслабимся, и не дадим нашу землю, как землю Трояню[70] не дали римлянам. И да нее встанет Обида[71] Даждьбожьим внукам, которые в оврагах врагов подстерегали. И потому сегодня не хулят нас, как и отцов наших.

Ведь они у берега Синего моря изрубили готов тех, и одержали над ними победу, и пели песнь хвалы. А Матерь поет — та красная птица, которая несла пращурам нашим огонь в дома[72]. И ягницу присмотрим для того. Болезнь над нами одержала силу, а мы должны врагов изрубить и позор собачий им оставить. Гляди, народ мой, как ты защищен и многочислен, а не избавишься от раны своей и не бросишься в ряды, чтобы врагов погнать, и от беды избавиться, и жизнь другую иметь. Мы стали гордыми и не отступающими от врагов. Были поражения и тяжелее у нас. За эти тысячу пятьсот лет много борьбы и боев было у нас, а все-таки живы благодаря жертве юношей и девушек наших.

7в

Тогда не было иначе, и ныне пребудем достойны. Мы могли отбиться от врагов, и ныне отобьемся. И возьмем всех своих, а первыми позовем к стягу отцов наших, которые еще не обабились и горды.

Придем воистину на площади свои и скажем, что не будет того, и должны мы идти на греков, о чем уже говорили ясно. А Индра идет за нами, как шел за отцами на римлян в Трояню землю. И ничего бы не было, если бы варяги

повели наших воинов на то: ведь и сами мы сможем. Тысячу лет бились мы с римлянами и готами. Не забудем ни Сурью ту, что была с нами, ни то, как готы соединились с гуннами против нас и Аларих вторгся с севера, а гунны с юга. И плакала Русколань Борусская, когда гунны роились вокруг готов. Русь воздвигла свои силы и гуннов поразила, создав край антов и Скифию Киевскую. А сегодня течет кровью сердце наше с утра до вечера. Ходим и роняем слезы о судьбе нашей. Жили мы немыми во время то, но знаем, что время придет, когда должны будем в сечу пойти на врагов, будь то греки или гунны, и охомутаем, и стреножим их, чтобы не стало у нас врагов, которые мерзость перед очами нашими. Аларих заплатил за то, и мы принудим Хорсунь заплатить за слезы дочерей наших уведенных и сынов, в неволю взятых. Та плата не серебром, не золотом, но отсечем головы им и в щепу изрубим.

7г

И так будем рады. Ибо та брехня собачья греков и лисья хитрость отвратила нас от травы нашей. А ту должны мы принимать, пока солнце возвращается. Наша цель — учиться, а не разрушать. Через тысячу триста лет от исхода Карпатского Аскольд злой пришел на нас. Уклонился ты, народ мой, от лада. Иди же, творя любовь, к стягам нашим. А защитит нас от врагов на Руси могучий Сварог наш, а не иные боги. А, кроме Сварога, не имеем ничего, только смерть. А она не страшна, если мы решимся. Это Сварга зовет нас, и мы идем к ней.

Идем, так как Матерь Сва поет песнь ратную, и должны мы послушать ее, чтобы не есть своей травы, а скот наш грекам не отдать. А те нам дадут камень вместо еды[73] грызть: мол, зубы у вас острые и твердые. Они нам говорят, что мы — звери и рычим в ночи на страх людям, то есть грекам.

Спрашивают нас народы, кто мы. А мы отвечаем, что мы — люди из неумытого края, а правят нами греки и варяги. Так что ответим детям нашим, которые нам плюнут в глаза и правы будут? Дружину собирали под стяг наш, а говорим всякому, что не имеем еды. Пищу будем в поле брать, и где отберем у греков – поедим, а не отберем – не поедим. Ведь Матерь Сва поет над нами, и

должны мы стяги наши дать ветрам трепать, а коннице – степями скакать, чтобы пыль военную нам поднять и врагам дать дыхнуть ею. В тот день первая битва – наша, и имеем двести убитых за Русь. Вечная слава им! Идет к нам народ, да не имеем мы бояр, что пришли бы к нам...

7д.

...чтобы справили мы тризну славную по врагам и налетели соколами на Хорсунь, чтобы взяли еду, добро и скот, но не брали в плен греков. Они-то знают нас как злых, а сами «добры» к Руси. А тьма не будет с нами, но с теми, которые, чужое беря, говорят, что добро делают. Не будем, как они. Один воевода наш – Ясунь[74], а потому вдохновимся на труд наш, и победим врагов до единого, как соколы, нападем на них и ринемся в битву сильных!

То Матерь Сва поет в Сварге о подвигах ратных. Выйдем же из домов наших и пойдем на врагов, чтобы знать им, как русские мечи рубят. Ясунь говорит, что не должны мы иначе делать, как идти вперед, а не назад. Скажем, что зада не имеем, а только перед, и пойдем быстро. А кто быстро идет, быстро славу добывает. А кто потихоньку идет, на того вороны каркают и куры кудахчут. Не скотина мы, а русичи. А то другим наука, чтобы знали: Правь с нами, а Нави не боимся, ибо Навь не имеет силы против нас. Потому будем молить богов о помощи в трудах ратных наших и стараться.

То Матерь Сва бьет крыльями, поет о трудах ратных и о славе воинам, которые испили воды живой от Перуницы в сече жестокой. А та Перуница летит к нам и дает рог, полный воды живой, на жизнь вечную герою нашему, что вражий меч получил и голову отсеченную утратил. Так смерти не имеем от того, но жизнь вечную. И всегда брат за брата трудится...

7е.

...а умрет – в луга Свароговы идет. И там Перуница говорит: «Ты ни кто иной, как рус-герой, ни грек, ни варяг, но славянин рода славного». И он идет под песни матери и Матери Свы в луга те Сварги великой, и говорит ему Сварог: «Иди, сын мой, к той красе вечной, и там увидишь твоих дедов и бабок, а они в радости и веселье, тебя видя. Плакали много до сих пор, а теперь

возрадуются твоей жизни вечной до конца концов». А краше того, что там, мы не знаем.

Как воины Ясуня имеем другую цель, чем греки, и имеем славу иную. И так же достигнем рая нашего и узреем цветы прекрасные, и деревья, и луга. И будем снопы вязать в полях тех, в жатву трудиться, и ячмень полоть, и пшено просяное собирать в закуты Сварожьи. Го богатство иное, чем земное – во прахе, болезнях и страданиях. И да будут мирные дни его вечны! А мы станем на место его и будем биться сурово, а упадем со славой – туда пойдем, как и он.

То Матерь Сва бьет крыльями по бокам своим, как возожженная сияет светом к нам. А всякое перо ее иное: красное, чермное, синее, голубое, желтое, серебряное, золотое. И она сияет, как Солнце-Царь, и вокруг идет посолонь. Она светит семью красами, которые завещаны от богов наших. А Перун, видя ее, гремит в небе ясном. То наше счастье, и должны мы свои силы отдать, чтобы увидеть то же, и отсечь старую жизнь нашу новой, как секут – рубят дрова в доме огнищанина простого. Матерь Сва бьет крыльями по бокам, а мы идем под стяги наши, а то – стяги Ясуня.

7ё.

Там Перун идет, головой золотой потряхивая, молнии посевает по Сварге синей, и та твердеет от того. А Матерь Слава поет о трудах всяких ратных. И должны мы послушать и возжелать брани суровой за Русь нашу и праотцев святых наших. Матерь Слава сияет в облаках, как солнце, и вещает нам победы и гибель. Но и той не боимся: ведь есть жизнь земная, а больше ее – жизнь вечная, а потому должны мы заботиться о вечном, так как земное против него – ничто. Мы на земле будто искры. Исчезнем во тьме, словно и не было нас никогда. Толь ко слава наша придет к Матери Славе и пребудет в ней до конца концов земных и иных жизней. Так нам ли бояться смерти, если мы – потомки славных? А Даждьбог родил нас через корову Земунь, и потому мы – кравенцы[75] и скифы, анты, русы, борусы и сурожцы. Так мы стали дедами русов и с пением идем в это небо – Сваргу синюю. В старое время рыбяне[76] остались, не хотели идти в землю нашу, и сказали, что им-де добра хватает. И

так погибли все: не плодились с нами и вымерли, как бесплодные, ничего от них не осталось. Не знаем вовсе о тех костобоках[77], которые ждали помощи от неба самого, не стали трудиться и так ожидали. Но иное сталось: были поглощены илирами. Тут скажем все по правде: не осталось и десятка от тех обоих. Так илиры были поглощены нами, и нет из них никого. Так дулебы были превращены нами в борусов[78]. Мало сохранилось илиров, что зовутся ильмерами. Те сидели у озера, а венеды осели дальше, а ильмерцы остались там, и теперь их мало, и речь свою утратили[79].

Бьет крыльями Матерь Сва и поет песни к сече, а та птица не есть Солнце-Царь, но от него происходит.

7ж.

И тут должны мы знать, что собирается род русский в десятки, а десятки – в сотни, дабы напасть на врагов, и взять их головы отсеченные, и там их оставить – чтобы звери хищные, поев их, сдохли.

Текут реки великие на Руси, и многие воды журчат песни древние о тех боярах, которые не боялись готов, в поле идущих, и многие лета боролись за вольность русскую. Те-то славные ничего не берегли, даже жизни свои. Так говорит о них Берегиня[80], и бьет крыльями Матерь Сва-Слава, и сказывает о тех потомках их, которые ни грекам, ни варягам не поддались. Речет та птица о героях борусских, которые от римлян пали около Дуная возле Троянова вала. А те без тризны полегли, и стрибоги лишь плясали, плача о них на Овсени и зимой студеной. Курлычет о них журавль степной и голуби дикие, и говорят, что погибли те во славе и не оставили земли своей врагам. Не сыны ли мы их, не потомки? Не оставим же земли нашей ни варягам, ни грекам!

Тут Заря красная идет к нам, как жена благая, и мо локо ее дает нам силу нашу и крепость двужильную. Та Заря Солнце вещает, и также слышим вестника конного, скачущего к закату Солнца, чтобы приготовить его челн золотой к ночи. И есть воз с волами смирными, влекущими его по степи синей. Там ляжет Солнце спать ночью. А когда день пройдет, настанет вечер и другой поскачет, явится перед вечером и так скажет Солнцу, что воз и волы уже там и

ждут его на Млечном Пути, что Заря пролила в степи, когда мать звала ее, чтобы поспешила[81].

7з.

Так говорим мы, что имеем прекрасные венцы веры нашей и не должны чужих добиваться. Тут князь наш сказал, что надо нам идти к ясуням-боярам, чтобы сохраниться от врагов как можно раньше, а позже будет совсем поздно. Да будут силы наши в степи построены подобно Матери Солнцу Сва: оба крыла распростерты, тело посредине, а на плечах голова ясная – воеводы славные, которые не оставят в сече головы своей ясной, а сберегут ее до того дня. Когда Щек шел на закат солнца с воинами своими, а Хорват (Хорив) забрал своих воинов, тогда другая часть чехов осталась русами и так поделила землю и образовала с ними Русколань. Кий поселился в Киеве, и ему мы покорились, и с ним доселе Русь строим. А будь какая иная сила, не пойдем с ней, но с Русью, потому что она – мать наша, а мы – ее дети и будем до конца с ней.

8.

И так стала между русов распря и усобица. И Желя[82] стала между ними и начала плакать и упрекать их: «Не пойдем за теми, ведь там будет погибель наша, и дождемся такой поры, когда не останется от нас ничего». Вспомним о том, как при отце Ории один был род славян, а по отце три сына его разделились натрое. И так стало с Русколанью и венедами, что разделились надвое. То же – с борусами, что надвое раскололись. Тогда скоро будет у нас и десять племен! А почто гряды городить и огороды устраивать, если имели боярина Оглендю, а тот боярин Оглендя сказал, что можно делиться до бесконечности? Та Борусь единая что-то может, а не десять! Роды и родичи делятся, усердствуют. А когда враг нападет на нас, придется обороняться от него, а не говорить, каков твой отец. Если имеешь десять коров, а погибнешь от врагов, мало в том радости. А пребудешь в роде до конца – твои десять обернутся тысячами. Некогда тот Оглендя коров водил по степям, и тогда говорил словеса многие о родичах своих, и почитал сам себя выше пращуров и

Ория – отца. Того вредного творить не будем, ему последуя, ведь так мы не по своему следу пойдем.

После Алариха ушли готы на север и там исчезли. И Теодорих[83] увел их, и после о них мы не знали ничего. А берендеи пришли к нам и сказали, что очень многие притеснения терпят от язычников, которые идут по стопам гуннов. Тогда Белояр[84] им сказал подождать, и пришел к ним, и пошел с пятью тысячами неожиданно, и бил язычников, которых разогнал на все стороны, как волков. Брал коров их и быков, а дочерей, юношей и старцев перебил напрочь. Мы русичи и должны гордиться происхождением нашим и, держась друг друга, бороться до смерти праведной. Вспомним еще к тому Дария персидского, который на нас напал и побил нас из-за наших разделений и усобиц[85]. Вот и варяги Рюрик и Аскольд уселись на шеи наши и мерзки нам до крайности. Мы – потомки рода славян, который пришел к ильмерцам и поселился среди готов. И было тому тысячу лет, как пошли на нас кельты[86] с железом своим, а наткнувшись на нас, возвратились на закат Солнца, которое твердой рукой держало нас, и подняло от рала к мечу, и, страх наведя тому врагу, отогнало его от земли нашей. А ильмерцы, на то глядя, не оборонялись вовсе и сгинули. Ничего мы не смогли предотвратить, так как ильмы не хотели ни железа брать в руки свои, ни обороняться от врагов. Такие роды иссыхать должны, чтобы другие им наследовали.

Гром гремит в Сварге синей, и должны мы лететь на врагов, как ласточки быстрые громовые, и то быстрота меча русского нового. А цель наша ныне иная: чтобы степь скифская была за нами, а всякие бродяги в ней исчезли, чтобы только наши коровы там ходили, а наши родичи жили. Ибо кельты вчерашние – это сегодня варяги и греки, что зовутся эллинами. А тот, кто не додумывается до сути их, будет рабом и данником. Обороняйся, земля Русская, и обороняй себя, чтобы другие не были на твоей шее, чтобы врагами не была охомутана и к возу привязана, дабы тянуть его, куда хочет чужая власть, а не куда хочешь идти сама.

Желя великая с Карной[87] тому, кто недопонимает слов тех, и гром ему небесный, чтобы свалился наземь и не встал больше! Владыки наши только Хорс и Перун, Ярило, Купала[88], Лад[89] и Даждьбог. Когда Купала приходит в венке, который лежит на голове его, сплетенный из ветвей зеленых, цветов и плодов, в то время должны мы далеко в Днепр и Рось скакать. О смерти своей не мыслим, а жизнь наша в поле прекрасна. Бьет крыльями Матерь Сва-Слава и говорит нам идти в сечу, и должны мы идти, и нам не до яств – борошна и туков жареных, ведь! должны мы спать на сырой земле и есть траву зеленую, покуда не будет Русь вольна и сильна.

В то время, когда готы шли с севера, Германарих соединился с гуннами и был ими поддержан. А мы имели двух врагов на двух концах земли нашей. И тот Белояр перед трудами великими усомнился. Вот тут Матерь летящая сказала ему смело напасть сначала на гуннов и разбить их и повернуть на готов. И он так и сделал: разбил гуннов и обратился на готов и там поразил сына Германариха насмерть (Д. 8(2), 8(3), 8(27) продолжают соответственно д. 2, 3, 27 и помещены после них.).

9а.

В то время был Богумир, муж славы, и имел три дочери и двух сыновей. Они водили скот в степях и там жили среди трав, отцу подчинялись и были богам послушны и разумом сильны. Мать их, что звалась Славуня, заботилась об их нуждах. И сказал как-то Богумир: «Мы – семь дней[90], и должен я дочерей своих выдать и внучат увидеть».

Так сказал, и повозку запряг, и поехал, куда глаза глядят. И приехал к дубу, стоявшему в поле, и остался на ночь при костре своем. И увидел вечером трех мужей на конях, стремившихся к нему. Сказали те: «Здоров будь! А что ищешь?» Поведал им Богумир печаль свою. А они ответили, что сами в походе в поисках жен. Вернулся Богумир в степь свою и привел трех мужей дочерям. От них происходят древляне, кривичи и поляне, так как первая дочь Богумира звалась Древа, вторая Скрева, а третья Полева. Сыновья же Богумира звались

Сева и, младший, Рус. От них происходят северяне и русы. А трое мужей были три вестника – утренний, полуденный и вечерний[91].

Создались роды те у Семи рек[92], где обитали мы за морем в краю зеленом и куда скот водили в древности, До исхода к Карпатским горам. И было то за тысячу триста лет до Германариха. В то время была борьба великая на берегах моря Готского, и там праотцы набросали курган из белых камней, под которым похоронили бояр и отцов своих, что в сече пали.

9б.

Пришли из края зеленого к морю Готскому и там поразили готов[93], которые нам путь преградили. И так бились мы за землю ту и за жизнь нашу. До того были отцы наши у берегов моря по Рай-реке и с великими трудностями к Днепру вели своих людей и скот. Перейдя на другой берег Дона и увидев там готов, пошли на юг и увидели Готское море и готов, стоявших с мечами против них, узрели, и так вынуждены были биться за пропитание и жизнь свою. Потому что гунны[94] шли по стопам отцов и нападали на них, убивая людей и забирая скот. И так род славян шел к земле, где солнце ночью спит, где трав много на лугах тучных, а реки рыбой полны, и где никто не умирает. Готы были еще в Зеленом крае и немного впереди отцов шли.

Рай-река велика и отделяла нас от других народов, а течет в море Фасиское[95]. Тут муж рода Белояра шел по другую сторону Рая-реки и предупредил там синьцев[96], шедших к фрягам[97], что гунны на острове поджидают гостей, чтобы ограбить их. Было то за полста лет до Алариха, а еще раньше был род Белояра сильнее гуннов. Гости оделись мужами Белояра и, говорят, дали ему за то серебро и двух коней золотых. Пошли другим путем и избежали угрозы гуннской и так прошли мимо готов, которые также алчны до (шелковых) тканей у себя на Днепре, а князья их нечестны и дважды дань берут. Потому гости денежные вернулись в землю Синьскую и не приходили уже никогда.

10.

Богумиру боги давали блага земные, а мы того не имеем... Нам выпало иное. А старейшин родов мы выбирали князьями, которые со старых времен суть наши отцы, и нанимали их каждый раз все... Те князья были долгое время, и тех не соблазнили греки, но стояли они до конца как мужи клятвы. Потому от родов должны мы давать потомкам их, чтобы те правили нами.

А после Богумира был Орий с сынами своими. Когда гунны великую войну затеяли ради создания своей великой земли, то пошли те вон оттуда на Русь. Ныне другое время, и должны мы браться за гуж и тянуть вперед, дабы не сказали, что мы оставили землю нашу, а взяли чужую. Но пусть скажут, что мы боремся крепко за себя. Борусичи, не оставляйте греков на земле вашей, но боритесь за нее! В те времена Рай-река отделяла нас от иных земель, а ныне возжаждали нас враги наши, и должны мы бороться за внуков наших, чтобы Удержать степи наши и не отдать землю иным.

Так надо нам делать, а не жечь дубы на полях своих, ни сеять после того, ни жать жатву на пепле[98]. Ведь имеем мы степи травные, чтобы скот водить и беречь его от врагов.

11а.

Вот, примите. Сначала Триглаву[99] поклонимся. И, тому великому славу воспевая, хвалим Сварога, деда богов, так как он есть роду божьему начальник и всяческому роду источник вечный, который течет летом от криницы своей, а зимой никогда не замерзает. И когда воду живую пьем, оживаем, пока не прейдем, потому что все к нему убудем в луга его райские. И богу Перуну, громовержцу и богу войны и борьбы, скажем, чтобы не переставал жизни явленной колеса вращать. А он нас ведет стезей правой к бою и к тризне великой по всем павшим, которые идут в жизнь вечную, в полк Перунов. И богу Святовиту[100] славу речем, ибо он стал богом Прави и Яви, и ему поем песни о том, что он есть свет, и видим, что через него свет зрим и Явь существует, и он нас от Нави убережет, и ему мы хвалу поем.

Поем и пляшем для него, и взываем к богу нашему, ибо он землю, солнце наше и звезды держит и свет крепким делает. Слава Святовиту великому, слава

богу нашему! Скорбит сердце наше, отречемся же от злых дел наших и пойдем к добру!

Вот, рабов отпустим, обнимемся и скажем, это сделав: о нем ведать – ум расторгнешь, лучше почувствовать – это ведь мы умеем. Ибо тайна велика есть[101]: что Сварог есть Перун и Святовит. Эти двое держатся в Сварге, а с обеих сторон ее Белбог и Чернобог[102] бьются, и тех Сварог удерживает, чтобы свет не был повергнут. А после тех обоих Хорс, Велес, Стрибог держат, а за ними – Вышень, Леля, Летница...

11б.

...Радогост, Коляда и Крышень, а за теми удерживают Сивый, Ярила и Даждьбог[103]. А иные есть[104] Белояр, Ладо, Купала, Сенич, Житнич, Венич, Зернич, Овсенич, Просич, Студич, Ледич и Лютич. И после тех – Птичич, Зверинич, Милич, Дождич, Плодич, Ягодич, Пчелич, Тростич, Кленич, Озернич, Ветрич, Соломич, Грибич, Лович, Беседич, Снежич, Странич, Святич, Радич, Светич, Крович, Красич, Травич, Стеблич. А за этими – Родич, Маслич, Живич, Ведич, Листвич, Цветич, Бодич, Звездич, Громич, Семич, Липич, Рыбич, Березич, Зеленич, Горич, Страдич, Спасич, Листьевержич, Мыслич, Гостич, Ратич, Странич, Чурич, Родич. А тут сам по себе Огнебог Симаргл – общий, яро и быстро рожденный, чистый. Это суть Триглавы общие. И со всеми ними иди, и тут же, отроче, откроешь врата те и войдешь в них – это и есть прекрасный рай славянский. А там Ра-река[105] течет, которая отделяет Сваргу от Яви. А Числобог[106] считает дни наши и говорит богу числа свои: быть ли дню во Сварге или быть ночи, и уснуть. Ибо он – явский, сущий в божьем дне, а в ночи нет никого, только бог Дид-Дуб-Сноп[107] наш. Слава богу Перуну огнекудрому, который стрелы на врагов мечет, а верных проводит по стезе, ведь он воинам – честь и суд и, как златорунный, милостив и всеправеден!

12.

Если Сурья сияет, поем хвалу богам и очагу Перуна, который назван Губителем Врагов, и речем великую славу отцам нашим, дедам, которые во

Сварге. Скажем так трижды, и идем к стадам нашим, и ведем их на травы. Когда же вести их в другие степи – идем есть, снова хвалу богам вознося, славу поем, и так до полудня. И речем славу великую Хорсу златорунному, колесо вертящему, и суряну пьем, и так до вечера. А вечером, когда костры сложенные зажжем, славу вечернюю поем Даждьбогу нашему, который зовется прадедом нашим. И омоемся, чтобы чистыми быть. И, омовения сотворив, идем ко сну, а там великое необъяснимое...

13.

Это умных выявит, храбрых укрепит, и те пойдут к солнцу восходящему и, озирая оба берега реки, там сядут, как Матерь Сва-Слава скажет. А та обоими крыльями освятит их. И так обретете землю ту и обороните ее от дасов и гуннов, а к готам обратите стрелы свои и мечи отточенные.

14.

Поскольку идет враг на нас, возьмем мечи и вдохновимся сказанными Матерью Сва словами, что будущее наше славно, и пойдем на смерть, как на праздник. Сказано нам о временах старых, когда имели мы храмы свои карпатские и там принимали гостей старых – германцев, арабов и других[108]. Ведь те гости Радогостом чтимы, и так мы стали с тех дней, гостей встречая, чествовать их, ибо их почитать боги нам велели, и чтим их. То – указание для времени нашего, чтобы мы не ошиблись и отцам почести оказали.

Не пальцами бездеятельными стучали бы по дереву, словно руки наши утруждены ралами, а мечами добыли независимость нашу. И та нам велит идти на границы наши и стеречь их от врагов. Вот дымы, поднявшись, текут к Сварге, и они означают печаль великую отцам, Детям и матерям нашим, и это час борьбы пришел, и не смеем заниматься другими делами, кроме этих.

Вот пришли варяги на Днепр, а там земля наша. И они-то стали людей и землю под свои челны брать. На то мы не смеем согласиться иначе, как на мече нашем, а Рюрика отогнать от земли нашей и турнуть в зад, откуда пришел. Вот границы наши с врагами сокращены, а землю нашу попирает враг. И то – долг наш, иной же рати не хотим.

Вот иной враг, Германарих, идет на нас с севера. Он – внук внука Одориха[109]. И бросает на нас воинов своих с рогами на лбах.

Варяги велят нам идти к ним, и не смеем воевать с ними на две стороны, хотя они враги, как и первые, и нет разницы между ними.

Вот ясы идут на нас от Танаиса и Таматархи[110] мощной конницей и ратью бесчисленной. Тьма за тьмой идет, и также на нас. Не имеем на то иной помощи, кроме воли богов с нами, и удесятерим силы свои, и двинемся на врагов.

Это Белбог ведет нашу рать и конницу, и там видим волшебников из лесов, идущих на рать и берущих меч, и зрим кудесников, чудеса великие творящих. Из праха, брошенного в Сваргу, рати встают Сварожьи, и они идут на врагов и кладут их в могилы. И там видим: птицы великие летят к нам и бросаются на врагов.

Бьет крыльями Матерь Сва и зовет нас, чтобы шли мы за землю нашу и бились за очаги племени нашего, ибо мы – русичи.

Идите, братья наши, племя за племенем, род за родом, и бейте врагов на земле нашей, которая принадлежит нам, другим же – никогда. Там умрете, но не повернете спины свои. Ничто вас не устрашит, ничто с вами не станется, ибо вы в руках Сварожьих, а те вас ведут во все дни к победам и геройству многому.

15а.

Вот, Старград[111] оставив, пошли к Ильмерь-озеру и там создали град другой, Новый, и там пребываем. И тут Сварогу, первому пращуру, молимся, Роду и рожаницам[112], источник их почитаем. Тот дуб, источник, хлеб наш – Сварог, творящий свет. Он – бог света и бог Прави, и Яви, и Нави. Имеем их воистину, и истина наша преодолевает силы тьмы и ведет ко благу.

Так и праотцы принесли, о том ведая, в жертву белого коня и вышли из края Семиречья в горы Ирские и Загорье, обитали там век и, оставив их, пошли на Двуречье, и разбили его конницей своей, и пошли в землю Сирийскую, и там

стали. И позже шли горами великими, и снегами, и льдами, и пришли в степи, и там были со стадами своими, и скифами были[113].

Это первая Правь, реченная отцам нашим. Праотцы держались ее в борьбе великой, и силы дает она отразить врагов. Шли они в борьбе той к горам Карпатским, и там были во главе с пятью князьями, и с градами и селами огнищанскими и торгами великими. И потеснены были...

15б.

...готами, которые жили на закате солнца[114]. И оттуда пошли навстречу солнцу, к Днепру-реке. И взяли мы там Киев, укрепленный город, в котором обитали славные роды иные. И там поселились, и огнище творили Дубу и Снопу, который есть Сварог, пращур наш. И раз напал на них враг новый, который в сече кровь славян пил. И вот, рать свою устремил Кий[115] на него. И увидели в Сварге воинов Перуновых, которые ринулись на них и побили силу их, до ночи разгромили, показали спины они. И вот, другое племя, языги, напало на нас, и сеча была великая, и перебиты они до последнего. И наша рать, видя то, сказала: «Боги наши гонят врагов наших».

Вот, Вышень грядет на облаках и говорит: «Дети, городите град ваш и укрепляйте его, ибо будете окружены по весне иными врагами и битва будет суровой и крепкой. И тогда Сварог меня пошлет к вам. Будете иметь силы небесные слева и справа от ваших. И также я сказал о вас, что, если пренебрежете богами, будете вы сами одни перед врагами».

16а.

Велесову книгу эту посвящаем богу нашему, в котором есть прибежищная сила.

В те времена был муж, который был благ и добр, что назван был отцом в Руси. Имел он жену и двух дочерей. Имели они скот – коров и много овнов с ними. И был он в степях. И, не имея мужей для дочерей своих, молил богов, чтобы род его не пресекся. А Даждьбог услышал мольбу ту и по мольбе дал ему просимое, как было провещано о том. Вот, грядет он между нами, и должны мы пасть ниц, ибо Ясного почитаем. Тут бог Велес пришел, неся ему [дитя].

Придем же к богу нашему и ему речем хвалу! Благословен всегда, ныне, присно и во веки веков[116]! Сказано это кудесниками, а они прошли и не вернутся.

16б.

(текст известен лишь по некачественному фото, сохранился плохо)

Говорили они тому Русу славу, который из [Семиречья] вывел нас на Дон, где мы теперь живем... Сказано отцами, учившими... во времена давние... Сказано было о великих трудах... [с какими шли ру]сы к горам Карпатским. [Там враги напали на нас и] отошли мы к реке и остались[ближе] к Дону. Матерью оставалась (нам) Матерь Слава... Так помолимся Сурье, которая нам от бояновых веков честь и силу приносила, чтобы обрушиваться на врагов Руси. До (конца) веков так суру мы пьем в месяце... Веды.

17а.

(д. 17 – связка из 2 дощечек: а-б, в)

Были князья Словен с братом его Скифом[117], и вели войны на востоке, и сказали: «Идем к земле Ильмерской и Дунаю». И так сделал Словен, и Бастарна[118], сына своего, оставил у старца Ильмера, и пошел на север, и там свой город Словенск[119] утвердил. А брат его Скиф у моря был. И вот, Бастарн имел сына Венеда и по нем был внук Кисек[120], который владел степями южными и коровами многими. И там была война упорная и суровая по обе стороны Дуная до гор Русских и до пастбищ Карпатских, и там обрели землю. Ставили круг[121] и оборонялись в нем, и так отпор врагам давали, поражали их и отгоняли от себя. И вот, родам о том сказали и созвали вече единое, чтобы создать землю нашу.

И так стояла земля та пятьсот лет. И вот, затем началась между русичами усобица, и враждовали они, и силу потеряли из-за стычек и беспорядка. И так при шли враги на отцов наших с юга, и утратили они Скифскую землю на побережье морском и степи, и ушли на север, и встретились с фракийцами. Те дали помощь на врагов. И скифы вернулись, и сразились с вражеской силой, и побили ее. И то были гунны, впервые ступившие на Русь, и в тот раз отогнаны были[122]. Это – знак наш, что должны и ныне делать. И должны мы...

17б.

...то вернуть. То есть степные пастбища хранить должны, как отцы наши и праотцы, которые пастбища имели в своих степях и травы свои и цветы хранить умели, так как кровь свою лили. А теперь Голунь[123] нашу оставили врагам. И та Голунь была поставлена кругом[124], который врагам тяжело одолеть. И так должны мы города наши кругом ставить, как и отцы наши, которые храбро бились за землю на каждом шагу, и наземь падали, и целовали ее, и там умирали, и назад не шли никогда. Куда идти в те дни, когда не имеем нигде пристанища? Говорим о том, как отцы, и боремся. Когда же будем поражены, Перун придет к нам и поведет нас. Сколько праха на земле, столько воинов Сварожьих. Они на помощь придут ратью, сходящей с облаков на землю, и дед наш Даждьбог во главе их. Когда же те не поборют, и мы не осилим? Да того вовсе не может быть! И так речем молитву богам нашим, чтобы они нам поспешили на помощь и дали победу над врагами могучими.

Еще о том скажем, что земля наша потоптана стопами ног вражеских, а мы только смотрим на то и держимся каждый около своих. И не идем на тех, и не вонзим акинак[125] в брюхо их, и не повернем его в ранах вражеских, и не убьем тех, что на нас напали. Говорим вам то...

17в.

…что сказал Кисек людям своим в час, когда напали на них. И те возненавидели врагов, и пошли на них, и побили их. Имеем мы знак той мощи и не можем проявить ее, словно слабость. Вот, имеем силу, и нас много, а врагов не так много, как нас, и мы – русичи, а враги – нет. А где пролита кровь наша, там и земля наша. И это враги знают, и стараются, и старания их будут напрасны, как то было в старые времена отцов наших.

Говорим еще: слова те запомните, чтобы ни одного из них не утратить. И скажем братьям нашим также: сила божья будет на вас, и той победите врагов ваших до конца. А кто хочет земли вашей, набейте ею полный рот, чтобы насытил ею брюхо свое и не сказал ни слова.

Будьте сынами своих богов, и сила их пребудет на вас до конца!

Не можем мы чрева наши насытить хлебом – он сожжен огнем вражеским, и коровы, наш скот, терпят печаль так же, как мы. Вот, акинаки наши булатные получим с юга скоро и будем сильнее, чем враги наши.

18а.

Поглядите вокруг, чтобы увидеть птицу ту впереди вас, а та поведет вас к победе над врагами. Брала она иных своих, и там одерживали победу. И она, красуясь перед нами, влекла к себе светом. И так было в иное время, когда русы шли с венедами. И те хотели унести богов своих к морю и там угнездились. И вот, там города, и храмы, и многие здания, потому что они богаты. И те храмы украшены золотом и серебром. И многих деревянных богов почитают, создавая искушения. И то все ведомо иным, и также те видят и завидуют тому, и бьют их, и там не имеют наши родичи покоя. Арабы ходят к ним и покупают на торжищах богатства те и там же рабов, в кабалу продавшихся. И та земля узнает еще мерзость распри и зла отведает.

А мы отошли от гор Карпатских к Киеву и там также враждовали с нами злые народы. Вот, поем – ведь мы русы – о славных днях этих. А песни те имеем от отцов наших, о прекрасной жизни в степях и о славе отцов. Воевода Бобрец вел Русь к Голуни, а по смерти обрел чин Перунов. И храброе геройство то не забудем никогда. Поскольку же мы – сыны отцов наших, возымеем любовь к памяти их и скажем, что были они силой нашей. А сила та идет к нам от них, колосья ли мы вяжем или снопы везем, говорим...

18б.

...о тех, кто заботится о нас. Не имеем мольбищ, и молимся у колодцев и родников[126], где вода живая течет. И там волшба есть, и волки хищные не ходят от нее. Вспомним время Алдориха[127]. Тот звался жрецом, и ему мы не были рады, ибо он был бесчестен, и слова не держал, и красавиц наших брал нагло, и похищал их. И то возбудило меж нами распрю: биться ли за готов? И это пережили, и пришел конец готам.

А в те века управлялись мы родами и князьями. И вот князь Бравлин[128], который одолел эллинов у берегов морских. С битвой шли мы на пастбища те и

там разводили скот. И скифам давали пасти стада в степях. Так это и будет. Но Грецколань[129] поселилась снова, и ставит города, и злобится на нас. В то время мы пошли на север, и там пробыли двести лет. И там мы живем с тех времен доныне. А теперь имеем другого князя Бравлина, правнука деда своего. И тот сказал: «Идите на юг, на Грецколань!» Греки между эллинами – племя особое[130], ведут торг в степях за скот наш, а хотят брать его задаром. Потому должны мы сбросить их в море и прогнать в их края, так как это Русская земля, и русская кровь лилась на землю ту, и та пила кровь нашу. Нам она принадлежать должна, и ее обороняем все дни, пока держим.

19.

Видел я сон в Нави: огненное облако, и вышел из него змей чудный, и окружил землю, и текла кровь из нее, и он лизал ее. Пришел муж сильный и разрубил змея надвое, и стало змеев двое. И разрубил еще, и стало четверо. И муж возопил к богам о помощи, и те пришли на конях со Сварги, и того змея убили. Та сила не людская, а черная. Змей – это враги, идущие с юга, с Боспора, и отбитые, которых деды наши ратями отбросили. И вот, хотят греки окружить землю нашу. И ее не дадим, потому что это жнивья наши, и не оставим их. А тварь эта, змей,– погибель на нас. Должны мы бороться и жизнь положить за землю нашу. А она тянется от нас до полян и дреговичей, и русы достигают моря, и гор, и степей южных. И все это – Русь. И только от Руси имеем помощь, ибо мы – Даждьбожьи внуки. Молим Питара Дыя[131], потому что он низвел огонь, который Матерь Сва-Слава принесла на крыльях своих праотцам нашим. И ее песни поем мы у костра вечернего, когда рассказываем старыми словами славу нашу о святой седмице рек наших, где города отцы наши имели, и ту землю оставили, и в землю иную пошли, где имели мы в те времена державу и в древности – Голунь нашу, и города, и села, и огнища на земле создавали.

Умоем же тела и души наши, чтобы иметь часть Руси – Голунь, которая сильна была и на врагов страх безумный наводила.

От Кисека овцы ходят там, и та земля в день тот похищена у нас...

Те же творят иное, чтобы нас от давней старины нашей оттолкнуть. И то видим, и руку я держу на вас, дабы видели, что суровый день идет и крови хочет, и ее прольем на землю свою Русскую.

Это Русского города камни вопиют[132], и должны мы идти и встретиться со смертью.

Иди, сын мой, и умри за Русь!

20.

(обломки)

...по своему также идя, птицей конницу поставили, и врагов она крыльями покрыла и головой била...

Счастье было той коннице, и, ум напрягши, обрезали ряды сечи и повели кругом пару[133]...

...Должны так делать, если хотим добыть победу и...

Изнежились они, так что мы их взяли и в тот день в жертву приносили как овец, бегущих перед нами...

...Скифы и сарматы – родичи. Тысячу лет мы скот пасем и поля пашем. А греки наше жито брали и меняли на свое добро благодатное...

...Велес научил землю пахать пращуров, а также делать...

...Потому бросим в огнище травы и ветви, чтобы Велеса славить...

Трижды Русь погибшая вставала...

Гунны совсем изрубили нас, от Иньского края[134] отбросили, а ныне... здесь...

...восстать надо на этот раз...

Так старая борьба возникла, и так должна продолжаться...

Многие племена шли в степи наши...

От стрел не видно солнца... Русь есть едина...

Вопиют к Сварге о помощи божьей...

От грохота мечей не слышно голосов...

А не хватило одного дня...

Напрягли отцы силы... тот Щек...

Сказали они детям: «Бегите в кусты, а те...»

...как будут злые времена...

...сперва начали города укреплять на границах, ибо тех не имели...

...стыда не будем иметь после...

А тут Перун впереди, и он мечет на...

Тут слава великая, и ее вещала Матерь Сва, крыльями ударяя...

Так враги бежали от нас... те мужи простые... а о славе не заботятся...

21.

Храбрый поборет ту силу злую, что нависла и опоясала вас. Должны мы были старые вещи хранить, и мы храни-храмы[135] богам ставили, и городили стену из дуба, а за ней часто вторую стену, и там хранили богов наших. Есть много храмов в Новгороде на Волхове-реке, есть у Киева-города по боголесьям. Имеем на Волыни Дулебской храмы и в Суроже на море Сурьском (Солнечном) и Синем. И это великое поражение нам, что храмы Сурожские разбиты врагами и боги наши, во прах брошенные, валяются. Так русичи не будут иметь силы одержать над врагами победу. И вот, имеем мы рвань, как странник, что идет ночью по лесам и рвет одежду свою на куски. Так и мы, русичи, носим рвань на русском теле, и не заботимся о том, и тщимся в храмах славить богов, которые не приемлют жертв наших, ибо поражены нашей леностью. Хотя Матерь Сва славу речет нам и молит нас тех отцов славу защитить, и то мы не имеем отваги стать на рать и мечами своими брать землю, врагами отторгнутую. Тысячу триста лет храним мы святыни наши, и ныне жены наши говорят, что мы блаженные и утратили разум наш. А мы, как ягненок маленький, перед ними и не смеем облачиться броней и мечом разить врагов наших.

Вот Купала грядет к нам и говорит нам, что должны мы стать гордыми и чистыми телами и душами нашими.

Повергнемся же к стопам его, чтобы он пришел за нами и нас сохранил, ведя в битву суровую, и там стали бы мы к Сварге лицом и, в сечу идя, хвалили богов наших в битве, как в мирные дни. И Купалич скажет нам, что были мы

достойны до этого времени, и будем за славу свою почтены и также с отцами нашими сопричастны.

22.

Еще рассказывают, что Квасура[136] получил от богов тайну, как творить сурыню. А она – жажды утоление, когда мы на Радогощ[137] богам радуемся, и пляшем, венки бросая в Сваргу, и песнями славу богам творим. Квасура был муж сильный и богами вразумленный. Потому Ладо, к нему прийдя, сказал ему класть мед в воду и осуривать на солнце. Тогда она сурая сделается, а потом забродит и превратится в сурицу. И пьем ее во славу божью. И то было за века до Кия. А муж тот был тогда весьма отмечен, наречен отцом Благомиром. И он получил от Сварожича поучение, как делать квасуру, что зовется сурыня. Это – в Радогоще наша [радость]. Есть у нас Овсеня дни, как жатву завершим, и тогда радуемся – урадогощиваемся. Иногда же, если кто не удержит своего естества разок и скажет безумное, то это от Чернобога. А другой имеет радость – то от Белбога. Также Должны мы искать друзей и врагов... ковать мечи наши на утверждение силы и силой божественной поражать врагов наших с обеих сторон.

Богумир назван был Твастырем, так как тот ему сказал о славянах, чтобы они были такими, как боги сказали им... То есть установил он роды отдельные, потому что боги – причина родов, а мы – от родов тех роды. Также и Сварог – отец, а прочие – сыны и должны покоряться ему. Так и мы покоряемся родичу, который есть отец в роду. А те роды существовали при Кие и до князей киевских...

После готской войны все порушилось, а Русколань оставили, к Киеву, ушли и осели на земле той, и там дождались наступления варяжского, и оборонялись от него... Итак, было тысяча триста лет от Кия-отца, триста – от жизни в Карпатах и тысяча – от Киева-града. Одна часть пошла в Голунь и там осталась, а иная – в Киеве-граде. Первая – это Русколань, а другая – киевляне, что Сурью чтят, за скотом ходят и стада водят десять веков в земле нашей.

Голунь была городом славным и триста городов сильных имела, а Киев-град имел меньше: на юге десять городов, и веси, и села немногие.

А до того были в степях всякие роды и жито меняли на юге. И так грекам давали в обмен на золотые цепи, и кольца, и ожерелья – на шее носить, меняли на питье винное у греков, и разводили овец для того обмена. И те русы на юге создали град сильный Сурож, какого не создать грекам. А те его разрушили и русов побить хотели. Потому идем к нему и разрушим поселения греческие! Эллины эти – враги Русколани и враги богам нашим. Грецколань не богов почитает, а человеков. Они из камня высечены наподобие мужей, а наши боги суть образы[138].

Когда бились мы с готами, они надевали на головы свои рога волов и коров и кожу надевали на чресла свои и так мнили устрашить русов. И те снимали сорочки свои и обнажали чресла, шли в бой и побеждали[139]. И на этот раз пойдем обнаженными в битву и победим. Ведь грецколан богатый обнажит меч свой, но скоро будет взят в Навь Ямой[140], который ждет жертву свою в земле, чтобы пить кровь ее, и жизнь ее умерщвлять, и тем жить там.

23.

Новояры[141] происходят от старых, которые были тоже русичи. Они пошли на юг и там ходили в степях десять веков. Тогда русы избирали князей своих, и тех – от родов своих, и роды заботились о племени: каждому князей своих. А из князей избирали князя старшего, и тот был отцом на войне. И так жили в земле той, когда варяги пришли на нас и там перебили их. И вот Грецколань пришла на землю ту, и осела там, и не заботилась о русах. Тогда русы взялись за мечи, и напали... на них, и отбросили их к берегам морским. Тогда Грецколань повела рати свои, в железную броню одетые, и была сеча там великая, и каркали вороны над пищей – мужами, брошенными в поле, и пили глаза их. Каркали вороны над поживой, и великий грай стоял над полем тем. И там пили очи греческие, а очей русских не трогали. Там знак мы имели, что боги не желают Руси погибнуть. Там же боролись за угодья, чтобы земля та не попала в руки

эллинские, а осталась русской. Там плачет мать о детях своих, которые пролили кровь на поле то, и то поле стало русским.

Новояры есть там доныне, и земля та пребудет нашей от мечей и крови, пролитой за нее. И также эллины сказали князю старшему нашему и поведали ему, что не хотят в землю неров[142] ходить, ни рабов брать, но оставят берега морские ему. То – указание дню нашему, что праотцы наши умирали за угодья, и не взяли враги нашей земли. Потому и сегодня имеем указания, что никто ее не возьмет.

Германарих шел с севера к нам, и должны мы были защищать землю свою – идти на него. Ведь Готская земля – наша. А то Белогорье[143] мы усеяли костями своими и кровью своей полили, и оно наше. Кричит птица Матерь Сва-Слава о нас и славу речет нам. Ибо мы взяли славу мечами нашими и идем до света в поле. Отразим врагов северных, отбросим врагов южных и пойдем на врагов восточных, дабы узнали, что русы – Громичи, отца нашего Перуна сыны, а Даждьбога внуки. Сварожич укажет нам, куда идти. И тот Германарих отошел на север, а эллины на юг, и так мы собрали землю нашу воедино, и не дали сынов своих, цены ведь не бывает сынам. Идет в степи наши великое множество родов иных, и не должны мы ни быть с ними мирными, ни ждать помощи. Она – в мышцах наших и на конце мечей, которыми рубим врагов.

Кричит птица Матерь Сва нам, чтобы мы подняли мечи свои на защиту свою. И бьет она крыльями оземь, и прах взлетает к Сварге. И вот, бросается на землю и бьется о нее, потому что страшится за нас. И тут осмелели мы, сделали, как кричит она, ведь крик тот – к сердцам нашим. И то должны знать, какую суру пьем: в сечу идем и там получим питье иное, богами приготовленное, и оно будет нам, как вода живая после, в час тризны великой по всем, кто умер за землю свою, ибо Сварожич смотрит на нас из Сварги своей чудный и видит рати наши, считает их, а пальцев ему всегда не хватает. Считает он на пальцах ног своих и знает пращур наш, что мы – сила великая, и не могут одолеть нас враги наши, и поразим их, и погоним, покуда они не падут на землю и не сдохнут от Мары, и Мор их возьмет.

Скажем в сердце нашем, что не воротимся к очагам своим, пока враги еще рыщут, и не ляжем отдохнуть, если враги берут землю нашу. И говорим об этом, что боги наши заботятся о ней.

Лучше разобьем челюсти себе и детей бросим на копья, чем повернем спины свои к врагам. Раны на бедрах наших откроем и насыпем землю нашу туда, чтобы сохранить ее до смертного часа, и Маре дать увидеть. Тогда Мара отступится и скажет: «Не имею силы такой, что-бы одолела витязей русских». И так слава потечет к Сварге, и там боги скажут: «Храбры вы, русы, и есть место для вас подле бога войны Перуна и Даждьбога, отца вашего».

24а.

(д. 24 – связка из 2 дощечек: а-б, в-г)

Вот грядет с силами многими Даждьбог на помощь людям своим. И так страха не имей, поскольку в древности, как и ныне, о нас заботится он. И говорим о нем, как он хочет, и ждем все дни того, что имели...

Воронежец был местом, в котором усилились готы, а русы бились. И тот город был мал, а после битвы той сожжен и пепел его ветрами разнесен на все стороны, и место то оставлено. Но земля та – русская. Не озирайтесь на нее, но не забудьте ее. Там кровь отцов наших лилась. И туда по праву мы приходим. О Воронежце слава течет по русам, и они рогами своими должны возглашать об этом. И силу князей своих должны поддерживать для Руси. Это – о дани. Дань надо давать князьям своим и огнищанам – слугам их. Должны содержать их еще ругой особой, чтобы имели они еду и питье в свое время до смерти и служили нам. Ведь многие сложили кости свои в поле, как во времена Мезенмира[144]. Мы – анты и должны честь и славу петь богам – на то мы и зовемся славянами – никогда не прося, но лишь славя. Моление творя, омываем тела наши и речем славу, а также...

24б.

...пьем суру – питье во славу ту пять раз в день. И костры разжигаем у дубов, и так сноп тянем, и речем хвалу ему. Мы – Даждьбожьи внуки и не смеем забывать славы нашей вековой. Были мы антами после Русколани, и в

древности были русами, и пребудем ими... Вот Волынь идет впереди и бьет врагов, потому что храбра она, и те волыняне – первый род. Осерчали они и анты Мезенмира, одержали победу над готами и разогнали их на все стороны. И после них пришли гунны, крови славян жаждущие, и та борьба сурова была. И готы соединились с гуннами и с ними на отцов наших напали и были разбиты и уничтожены[145]. Затем пришли обры[146] на князя и убили его, и синее море отошло от Руси. Боги русские не принимают жертвы человеческой, ни животной, только плоды, овощи, цветы, зерно, молоко, сурупитье, на травах настоянную, и мед, никогда же живую птицу, ни рыбу. Это варяги и эллины богам дают жертву иную и страшную – человеческую[147]. И того мы не должны делать, так как мы – Даждьбожьи внуки и не должны ходить по чужим стопам.

24в.

Жертва наша – мед, сура, с девясилом и щавелем приготовленная и на Солнце-Сурью выставленная на три дня, а потом сквозь шерсть процеженная. И она будет нашей жертвой богам правым, которые суть наши праотцы. Ибо мы происходим от Даждьбога и стали славянами, славя богов наших, и никогда не просили, не молили о благах своих[148]. Боги говорят нам ходить к Руси, никогда же к врагам.

Матерь Сва-Слава поет нам, воспевает победы над врагами, и верим мы тому, что слово птицы вышней в Сварге вырастет, летя от нас...

Князей наших избираем, чтобы власть их заботилась о нас. И чтобы пришел враг к границам нашим, а не пересек их, потому что отвратит его сам Перун. И то Сноп знает, что мы молим славу и никогда не просим об ином, никогда не требуем необходимого для жизни. Видели отца нашего Ория, по облакам ходящего, восхищенного силой в Перунову кузницу. И видел там Орий, как Перун ковал мечи на врагов, и кузнец тот сказал ему: «Стрелы и мечи есть на воинов тех, и не смейте бояться их. Ибо я уничтожу их, вобью в землю, и войско их будет смешано с прахом, словно земля, превращенная в грязь зверями. И будут они как поросята, измазанные грязью, и смрад свой понесут по следам своим, и там сказано будет о них как о смрадных поросятах

и свиньях». Так говоря, Перун мечи ковал и Орию то сказал, и тот Орий поведал отцам нашим. И такова была наша борьба за жизнь и победу много веков назад. А ныне верим, будто не было того.

24г.

Шел я от тиверцев к Синему морю[149] и Сурожу, к вам, и сказал вам, как знаем мы сами о том, что старая земля наша – союза антов, и из-за многой крови, пролитой за нее, русой-русской будет, так как руду-кровь лили мы, утоляя жажду ее до конца. И будет та земля наша, славянских племен и родов. Ибо мы славим богов, никогда не прося, но только славим силу их, и так величаем пращура нашего Сварога, который был, есть и пребудет вождем нашим во веки веков до конца.

25.

Вот что было в Карани[150]. Это – город малый на берегах морских русских. Там был князь, который сказал эллинов бить и отогнать их от Руси. И он собрал рать и конницу, и пошел на них, и победил их. И эллины плакались на печаль свою и просили его позволить им дань платить, и та дань – из резаных баранов и вина. И то эллины знали, что русы пьют много, и рассчитывали на них напасть и победить их. Пришли волхв Ухорез[151] и брат его Словен и сказали русам: «Не зарьтесь на дары те». И русы не послушали, и упились. И в тот день эллины бросились на них и разбили их, и погибли они. Увидев то, русы бежали в степь. И там осерчали, и с силами собрались, и пошли опять на эллинов, и поразили их. То боги вдохновили русов и руки их укрепили, и они одержали победу. Вот бьются они с врагами и так говорят: «Как овец, разобьем их и будем сами краями теми владеть, ибо прекрасны они, и их не отдадим».

Триглаву молимся Великому и Малому. Это Триглавы наши возглавят нас и быстро поскачут на конях, врагам поражение творя. И то увидим, как боги овладевают ними. И увидим, что мертвы они и убиты богами, и мы по ним ступаем и видим мертвые тела многие, потому что великая рать Перунова на них обрушилась и разбила их. А Сварожичи слева от нее идут, и Даждьбог принес победу нашу в руках своих роду славному, об от цах славу держащему и

доныне на поле побеждать врагов своих могущему. И вот Желя жалеет над врагами и Горыня[152] горюет о смерти их, что рукой божьей повергнуты. Карна плачется о мертвых, что встали на тропе божьей и умерли. И поля те заполнены мертвыми костями. И головы отсеченные и члены, от тел отрезанные, валяются на траве, и смрад идет от поля того, и вороны летят на него мертвые глаза выклевывать и есть мясо мужей многих уничтоженных.

Сказал Орию Сварог наш: «Я – Иствара[153]. Сотворил вас из перстов моих, и будет сказано, что вы – сыны Творца. И ведите себя как сыны Иствароговы, и будете как дети мои, и Даждьбог будет отец ваш. Его достойно слушайте, и он вам скажет, что должны вы делать, и как говорить, и что творить. И, народ великий, победите вы весь свет и потопчете роды иные, которые, извлекая силы из камня, чудеса творят, без коней повозки. И всякие будете делать чудеса без кудесников, ибо всякий будет приходить, как кудесник, и пропитание творить, заклятиями действуя на землю, и земля подчинится. И будут слова многие и многие, и теми словами обманетесь вы, и сделаетесь рабами золотых монет, и за те монеты продадитесь вы врагам, хотящим того[154]. И то боги вам говорят». И дал Орию завет: любить мир зеленый и животный, и любить друзей своих, и быть мирными между родами. И после того времени было семьдесят князей наших, как Мезислав, Боруслав, Комонебранец, Горислав[155]. И так избирались они вечем и смещались вечем, если люди не хотели их. Те князья много трудились. И Кисек был велик и мудр, а по нем были иные, и каждый творил нечто доброе для русов. Память наша то удержит, ибо должны мы их славить на всякой тризне тремя Ведами[156] и посвятить память их сынам нашим. И никто не смеет об этом забыть, ибо проклят будет от богов наших и человеков, и люди имя его забудут на века.

26.

Был в то время Оседень[157]-огнищанин, и был он благ, и боги ему давали овнов много и другого скота на пастбищах в степях. И были они при травах многих, и боги давали его скоту приплод и умножали его. Как-то шел перед глазами его странник и сказал ему: «Выйдут сыны твои из земли этой в край

чудный, что на закате солнца. Солнце спит на ложе золотом. И вот всадник скачет к нему и говорит Солнцу: «Иди, Солнце, в луга синие свои. Надо тебе вскочить в повозку твою и показаться на востоке». И так сказав, скачет он в иной край. И вечером скачет близнец его, другой всадник, и говорит, что солнце зашло за горы свои и воз свой золотой оставило, а враги хотят украсть его. И тот близнец-всадник скачет в другой край[158]. И Заря идет, и ведет искры свои, и одежды Даждьбоговы трясет, и искры летят до краев неба». Так сказал он.

И так два сына пошли на закат солнца и видели там много чудес, и травы злачные. И пришли к отцу, сказали ему, как прекрасен край тот. И многие племена и роды сказали, что хотят пойти по пути тому. И пошли все за Оседнем. И тут сказал Орий-отец сынам своим быть во главе всех родов. И не захотели они, и разделились на тех и этих. Один князь повел людей своих на юг, а Орий повел в края морские. И тут была сушь великая и пески многие, и пришли к горам, и там осели на полвека. И, прежде создав конницу великую, пошли в землю чужую. И там воины стали на пути их, и принудили их биться, и были разбиты. И так пошли дальше, и видели земли теплые, и пренебрегли, потому что многие племена там сидели. И пошли дальше. Это боги вели их как людей. И пришли они к горам великим, и там бились с врагами, и шли дальше[159].

А в этот раз должны мы вспомнить о том и идти за своими, как и отцы наши. Очиститесь молитвой в бане и мойтесь, молитвы творя о чистой душе своей и теле, как Сварог установил это омовение и Купалич о том указует. И не смеем тем пренебречь. Помоем тело и умоем дух свой чистой водой живой, и пойдем трудиться, всякий день молитвы творя, и суру пить, как прежде делали. И пьем ее пять раз в день, и хвалим богов наших за радости те, что осурится молоко наше на питье наше, и корм идет коровам для нас, и тем живем, и травы злачные варим в молоке, и так едим каждый часть свою, и идем.

То говорю тебе, сын мой, что время жизни не потеряно и не вечно перед нами. А потом увидим мы пращуров своих и матерей, которые трудятся во

Сварге, и там стада свои пасут, и снопы свои вяжут, и жизнь у них, как у нас. Там нет ни гуннов, ни эллинов, но Правь княжит над ними. И та Правь истинна, ибо она с Нави снята, но в Яви дана и пребудет во веки веков у Святовита. И вот Заребог[160] идет краем тем и говорит пращурам нашим, как живем мы на земле и как страдаем, ибо зла у нас много. А там зла нет, и травы зеленые встречают их, встречают шелестом своим о воле божьей и счастье людей тех. И так увидим степи райские во Сварге, которая синя, и та синь идет от бога Сварога. И Велес идет править стадами их, и идут на злаки и воды живые. И никто не закабален в краю том, и других рабов там нет, и жертвы иной, кроме хлеба, нет, и виноград, и мед, и зерно дают к молитвам тем.

И так говорим славу богам, которые суть отцы наши, а мы – сыны их, и надлежит нам быть в чистоте тела и души нашей, которая никогда не умирает и не замирает в час смерти тел наших. И павшему на поле боя Перуница дает воды живой испить. И испивши ее, едет он во Сваргу на коне белом, и там Перун его встречает и ведет во благой свой чертог, и там пребудет он в то время, и получит тело новое, и так жить будет в радости присно и во веки веков, о нас молитву творя.

27.

(«Готская дощечка», осколки)

...иные на север... чтобы... готы...

...жизнь иная... к Алдориху никто не шел...

...о наступившей его коню клятве... внук он Буриху...

...должны мы сказать о тех боярах, которые на готов шли...

И боярин Сегеня, который убил сына Германариха, а отрока Алариха ранил...

...Алариху дань давали от того... а должны были давать... двести то...

...во времена Германариха шли готы на север, и пришли на нас, и поработили... дань брали, и рабов мы должны были отягощать. Такое зло творили, и та... Русь пала, а враги стали над нами властвовать, и то

продолжалось... сто... лет. И восстали, и время рабства окончили... стали русы вольными, и живем так... Когда русы воспрянули, свергли... готов тех...

...ибо те угрожали земле Русколани и обещали...

...многие, и тогда шли отцы в леса у Воронежца и ударили... на готов всей силой и разгромили их...

...истинно было во времена Конориха, от которого произошли Алдорих и праправнук Готорих[161], который прадед Германариху...

...[через] сто лет были там готы Германариха и злобились на нас, и была тут война великая. И готы были потеснены и отброшены к Донцу и Дону. А Германарих пил вина братолюбные с воеводами нашими, и так сотворилась новая жизнь...

...в то время, когда готы шли на нас, Германарих соединился с гуннами и был ими поддержан. А мы имели двух врагов на двух концах земли нашей. И тут Белояр перед трудами великими усомнился. Вот тогда Матерь Сва летящая сказала ему смело напасть сначала на гуннов и разбить их и повернуть на готов. И там поразил сына Германариха насмерть. А тут Гураик, друг наш, тоже пил кровь и вино, а после того через год шел с мечом на нас. А тогда Белояр сказал изгнать готов и так сделал, как сказал. Должны мы стоять честно, торжественно, добровольно за главу своего, потому что тот борется за жизни наши. Железо отцов наших, как и круг укреплений, и кони – это сила наша, и ее мы давали другим, когда настал голод...

8 (27)

Как настал голод, тогда были мы сирыми и нищими. Но если другие с железом нападут, наши внутренности выпустят им.

Аскольд и Рюрик по Днепру ходят, людей наших созывая на войну. Но так как Дира имели у себя, не должны мы идти к ним.

Это-то пусть будет наукой, чтобы поняли мы наши ошибки и стали иными. Аскольд, имея воинов своих, посадил их на ладьи и пошел грабить других, будто бы идет на греков, чтобы уничтожить города их и поклониться богам в земле их. Но это — неправда, потому что Аскольд — не русич, а варяг,

и имеет иную цель. Он землю Русскую попирает и, злое делая, погибнуть должен. И Рюрик не русич, а лис, что идет, хитря, в степь и бьет гостей иных, которые ему доверились. На старое кладбище пойдем и там помыслим, как дышат пращуры наши под травой зеленой. Там узнаем, как быть и за что идти.

И тут все родичи начали делиться: кому старшим быть, кто происходит от отцов и праотцев давно умерших, кто от них идет, а кто останется простым. И та великая свара одолела русичей, которые дошли до разлада и разброда. Тогда греки от своей земли гнали их, поскольку не имели те силы, сцепленной в круг и на крыльях[162]. Всякий стоит один и поглядывает на соседа, а от этого веры не имеет, которая мужа бросает в сечу. Так пришли назад и начали ссориться из-за похода: кто был лучший, а кто черный. В древности была иная речь — о победе, а тогда снова о походе отцов своих. Так Русколань пала в ничто от готского и гуннского зверства, и тогда Киевская Русь создалась и Антская. А готы, устрашившись, ушли от нее прочь в Северязь[163]. Как знаем, есть Две Северязи: одна.венедская, а другая готская. Тут-то готы пришли туда, и готы усилились еще там, а венеды ослабели. Жмудь была около них, и то была Литва, и назывались ильмы у нас те, что зовутся ильмеры[164].

28

Вот раны наши, и не можем оборотиться назад и вернуться. И грады наши от тягот своих изнемогают. И говорит им князь Бравлин: «Оказывайте помощь город городу и держите воинов своих, чтобы хранили они силу Руси — единство, грозу врагам». И это так. Жмудь говорила нам о готах, что во главе с Теодорихом шли на север и там в Жмуди обратились на юг. И пошли на Рим, и там разбили легионы и иных воинов, и брали ругу великую от них, и вторглись в землю ту. И вот Теодорих: убит был им Одоакр[165]. Готы те богам противны, и боги выплевывают их.

Города наши сиры. И старшие родичи наши не выбирают иных для себя, чтобы те ими правили. Пойдем к ним, и достойно им решить о том и разрешить внезапное затруднение. А мы печалимся об этом и слезы льем. Бьет крыльями Матерь Сва и кричит нам о трудном времени, засухе и падеже скота. И знаем,

как сказано праотцами, что кельты[166] помогли им, и шли к ним, и так была сто лет помощь от них, и также от илмов, то есть илиров. Мы — родичи, и Род с рожаницами держат нас в сердце отеческом и охраняют нас от врагов. Простерлись мы ныне, и молил я богов о заступничестве за нас, и то будет так. Ибо Ясна[167] за нас и вела отцов наших через горы и степи мимо готов, и те из Дона пили. И та река — наша, потому что лили мы кровь нашу на землю, и та земля — русская и будет русской.

Мы, русичи, имеем заботу Сварожью о нас и творим труд наш ради жизни. И жмудь говорит нам, что придет на помощь и поддержит нас против врагов наших. Корысти не имею я никакой говорить это вам, и то я сказал: «Помогите борьбе русов против врагов моих и ваших». В трудное время наше пренебрежем собой и идем умирать за род наш!

Вот мерзкий Яма пожирает убитых. Вороны едят глаза их, и трава растет сквозь челюсти их. И на то спокойно смотреть мы не можем, ибо утратим добро, и землю, и силу нашу, и будем неволей взяты к плугам их, чтобы, как кони, тянуть на пашне их, и жатву их вязать, дабы ели они хлеб наш, а мы ели землю. И то не может явиться в мыслях наших, и шеи наши не должны мы клонить к земле. Вот, боги наши склонят врагов наших и сломают хребты их, так что дерзости не будет у них, чтобы связать нас и волочить жен и детей наших на торжища и там оставлять эллинам и грекам за образы серебряные и золотые.

Скажем врагам: «Исчезнете, как тьма после Сурьи, и Перун ударит на вас, и разгонит вас, как овец». И тогда задрожат воины их, Сварги убоявшись. И вот знамение, что у Днепра расцвела лоза зимой, и это Купала указал для нас знамение о победе над врагами, и то должны мы делать. Мара идет на них и Мор. Эти двое отберут силы их и бросят их под мечи наши, и сила меча отмежует их. Межа делит нас и их. Межа та полна крови, и преступить ее недостойно им, но нам.

И то Бравлин сказал, что смеем идти к ним. И то знамение нам говорит, что мы победим, потому что мы — венеды. Венеды же сидят на земле, где

Солнце-Сурья спит ночью на золотом ложе, и там их земля. Сварог-отец говорит о них, и также братья наши в том краю. И говорим о них, что придут к нам в час зимний и поддержат нас. Сила божья придет к нам, и та нас удержит до конца. А это венеды, и к ним пойдем о помощи молить — и не получим, потому что всякий народ должен себя охранять сам.

29

Говорили мы об этом некогда, и пусть идет наше слово о правде, и так... обретем правду. И это говорим от старых словес, что идут от отцов наших, которые были сильны. И надо нам вернуться к борозде их и так добраться до них. Аскольд идет с варягами своими к нам, и этот Аскольд враг наш. Говорит нам, что идет для защиты нашей, и лжет, потому что он — враг, совсем как грек. Этот Аскольд — варяг, вооруженный, чтобы охранять гостей эллинских, которые идут к Днепру-реке. И вот, Аскольд пришел к нам с Кнудом[168] через двести лет после Алдориха и хочет править нами. А Дирос греческии уговорил смириться всех и на престоле сел прежде его. И Аскольд убил Дироса, и теперь один на месте том, и также он — враг наш, и не хотим его как врага. Старые изречения поведали нам, что придет на Русь иной Аскольд и что будет три Аскольда-варяга[170]. И те варяги себе жертвы приносят, и они не наши и не чужие князья, потому что они вовсе не князья, а воины простые, и силой захватили власть.

И вот Рюрик идет. Вспомним же, как римские орлы... поражены были дедами нашими в устье Дуная. И Траян напал на дулебов, и деды наши шли на легионы и разбили их. И то было за триста лет до нашего времени[171], и это надо держать в памяти. И не дадимся Рюрику, как не дались и прежде другим. Имеем мы князей своих, и дань им даем, и будем давать до конца. Ни римляне, ни эллины не владели нами, и так пребудем. Дулебы говорят о нас, что мы братья им, и это истинная правда, так как они происходят из единого корня с нами. Вспомним, как Траян был дедами нашими разбит и легионеры его в неволю были взяты на поля наши, и там трудились на нас Десять лет, и отпущены были нами. Римляне говорят, что мы варвары, и греки твердят

повсюду, что мы варвары. И имеют те и другие корысть и жаждут земли нашей. А то земля, которую мы взяли мечом и кровью, такая это земля. Траян был за пятьсот лет до готов[172]. И также сегодня скажем, что война наша не прекратится до конца жизни нашей. Достойно биться за жизнь нашу мечами. Это говорит вам Хоругин сын от отца Хорыги. И он — проситель ваш перед богами, поскольку дают они вам силу и власть на земле вашей. Окружены мы врагами и боремся. Был Воронежец, река и город, и там отцы наши разбили готов. И так мы разобьем врагов тех. Достоинство свое вернем и скажем, что будет иной час для нас. И там Матерь Сва перед нами идет, что огонь дала пращурам нашим, и чуры наши во Сварге радуются за нас, Питара Дыя молят о нас, и Орий смотрит на свой люд. И не можем повернуть спины свои врагам. Был во время то Дирос, и это был греколанец, и он исчез, и пришли на нас Аскольд и Рюрик. И молю я богов избавить Русь от зла того.

30

Мы храним Питара Дыя, потому что он особо стоит подле Матери Протевы[173]. То бывает, когда вместе ступаем в источники, и она идет, руки воздевая к хлябям, и это дает дождь, который идет и насыщает. И от того имеем жизнь нашу, и снопы связываем во славу ее. Протева есть земля наша, и ее храним, как и отцы наши. Обвенчаем Сваргу и Землю и справим свадьбу их, как ожидаем. Творец есть Сварог, а Протева — жена его, и празднество должны мы справлять, как для мужа и жены. Мы — дети ее, и так говорим: «Быть тебе здоровой и счастливой, и иметь детей много, и собой хвалиться, и так глядя в воды, быть многоплодной, и себя давать мужу своему Питару. Обещай твоим, что будешь полна плодов, и овощей, и зерна. И мы возрадуемся о тебе, и счастье обретет тебя, и то будет так до конечного дня. Верные твои молят о благах и добре, чтобы была их жизнь насыщена потребным, и приносили они жертвы тебе за то, и уповали на власть твою».

Вергун[174] может с хлябей дать, в чем имеем нужду нашу и молим о том. Индру имеем, который есть иной Перун, и он повергает врагов на хребты, и также отсекаем им головы, и говорит с неба, и бросает молнии в море и пущу.

Засуха идет быстро в край чужой, и там она до времени, когда Питар ее отведет мощью своей. Идет он назад, и бросается на нее, и топчет ее. Молятся богам о той печали и горе том, и стоят боги на меже той перед Сварогом, и тот, воздев руки свои от бороды, повелевает Дождю идти на землю нашу. И персть высохшая насытиться может по воле божьей, и злаки могут подняться к тверди небесной и увидеть Сурью. Ведь Сурья питает их и наполняет силой зеленые кусты и злаки. И от ее рук все оживает и зеленеет, и она колосья растит, и собираем их в житницы наши, и те снопы складываем в них, и говорим, что Вергунец Индра падает к нам и растит колосья и злаки. И вот, можем мы поистине есть хлеб свой.

Так гадаем по Индре — готовим бревна очищенные и говорим: «Как выйдет?» А потом зажигаем огонь сильный и бросаем в него бревна те, так что огонь бьет до небес, и там язык его дрожит и делится надвое и натрое, и то есть знак от богов, что люба жертва та им и хотят ее. Если же есть блудник другой какой, что обманывает богов, разделяя их во Сварге,— извержен будет из рода, так как не имеем богов, кроме Вышня и Сварога, и иных множества, поскольку Бог есть един и множествен. Да не разделяет никто того множества и не говорит, будто имеем богов многих. Свет Ирия идет к нам, будем же достойны его.

31

(«Дощка с молитвами»)

Скажем тебе, боже, как даешь нам суру пить смертную и на врагов грядешь, и тех бьешь мечом твоим заговоренным, искрой и светом слепишь глаза, ночью на них приходишь, чтобы уничтожить. Ибо это Перуну мы молвим, что не избавились от врагов, грабящих нас. Да придет тот день, как хочешь ты! И убоимся мы упряжи звенящей и громов твоих на нас. Да будет сила твоя на наших полях оплодотворяющая, и гром, и дождь да льется на них! Потому мы благи, что идем по воле твоей... Я утреннюю славу тебе сказал. И так речем, что благ ты и податель благ наших... Упрошенные, они, как овцы, текут. Да владеешь нами во все дни! Да будем тебе верны до конца славы

твоей!.. Отец наш и вождь ты, и да будет так во все дни! Жертву тебе правим — борошно с бараниной, и так поем славу и величие твое.

Славим Даждьбога! Да будет он нашим покровителем и заступником от Коляды до Коляды, и плоды на полях дает, траву скоту, и даст нам во все дни стада умножить, и зерна житного много, чтобы медовики сотворить и печь, бога света славить. Солнце-Сурож отречено до зимы и идет на лето[175]. Ему поем славу как отцу в полях...

Славим Огнебога Симаргла, дерево грызущего и солому и огненную кудель развивающего утром, днем и вечером. Ему будем благодарны за сотворение еды и питья, так как он един. Храним в пепле его, и вздуваем, и горит...

Земля наша пролегла от солнца до солнца Сварожьего, и велики там Хорсовы луга, и там водим скот, чтобы расплодиться ему волей Даждьбога, которого славим...

31

(рукопись)

Идем в дома свои и дадим сушняка в огонь. Да славится имя его, Индры, ибо он — наш бог между богов, Веды знающий! Так воспеваем мы мощь его. Имеем стада скота, которые бережем от зла. Умножаются те стада убереженные.

Итак, мы — арийцы, пришли из земель Арийских в край Иньский[176]. Пытались мы добраться до рая травяного, а для скота плохие злаки там. Веселье великое нас обуяло, и там сказал голос отца Ория: трем сынам разделиться на три рода и идти на юг и на закат солнца. А то были Кий, Щек и Хорив. И так сделав, пошли три рода, и осели всякий на землю свою. А Кий сказал ставить град, а ему имя дано Киев. Там зиму мы прожили и пошли по весне на юг, и там скот пасли до первого лета.

Если кто, ведая то, не воздаст хвалу богам, триклят будет. Слава Перуну, богу нашему, который нас хранит! А также он здоровья податель, блага земные подающий. Ему палим огонь вечный в Новгороде на Волхове, и на горе у лесов,

и в дубраве, у берез или дубов, потому что боги наши там. Так как Даждьбог дает просящим, то мы тебя, боже, хвалим.

32

Была разбита Русколань готами и Германарихом, и тот захотел жену от рода нашего, и ту убил. Отцы наши пошли на него, и Германарих разбил их, и убил руса Божа-Буса, и семьдесят других распял[177]. И тут смута великая была среди русов. И восстал молодой Вендеслав, и собрал русов, и повел их на него, и на этот раз разбил готов, и не пожалел никого[178]. Бежали они на север и там исчезли. Вот лад, вот оплакивание, вот и радость. И дед наш Даждьбог веселился от того геройства, так как обрели отцы наши добычи множество, коней борзых и добра много, и также земля Готская стала Русской и до конца пребудет.

А Митридат[179] сказал русам, что могут они селиться около своих. И когда они согласились, те греки повели их на войну, потом на другую, и так без конца. И там русы перевелись совсем, и многие воины пали. Пошли русы прочь от греков и сели на Дону и Донце, а позже пошли к Днепру и Дунаю, и там мирно жили.

В тот раз вражьи обры напали на них. Если бы не одержали победу над обрами, остаться нам словно рабами до конца и работать на них. И так идем мы оборонять Русь и вызволить ее, хоть и сами погибнем.

Старые родичи говорили и принимали клятву на верность и держали ее аж до смерти. И мы должны умереть, а Русь вызволить. Говорю, если кто не желает идти в бой, а бежит в дом свой, то поймаем его за уды и отдадим его грекам, как вола, работать. Кара его будет тяжкой, а род его извергнет, и Желя не оплачет его. Имя его забудется. А сами витязи прославлены будут из рода в род наш. Мы того Митридата поддержали, а Русколанью пренебрегли. И тут вдруг увидели перед нами гуннов[180]. Те, как волки, ходили ночью рабов похищать. И мы бились с ними, и разбили их, и натерпелись много зла.

33

...их стеречь и боролся... не будет так... ибо так богам надо... воины же.

Идем истинной стезею... войдем за другими... вот оба луча... И вот Дону взять... Гонец прибежал, и тот сказал ринуться на Дунай и там волохов[181] бить... И вот, разбиты ныне...

В древнее время многие роды собирали отцы. Они же имели старцев и веча. Иные же имели князей, которых избирали по седьмому кругу[182] от Коляды до Коляды. И так всякий род управлялся. Кудесники жертвы творили, и всякий род имел старого кудесника, который другим Радогощ давал, и так первый имел на челе Даждьбога, по нему же и творил.

...волошские воины шли на нас... не могли... стать твердо... кровь... кровь от... утер...

Вот требу нашу Оседню правим, как отцы наши на берегу Понтийском и у Росии-града. И вот, русы шли от Белой Вежи и от Росии[183] к Днепровской земле, и там Кий создал город Киев. И собрались поляне, древляне, кривичи и ляхи в дом русский и стали русичами.

Это о главе говорим, который стал справа от нас, а будет начальником, и, пока он стоит, мы тому радуемся у своих очагов и пьем суру. Она ведь пришла к нам. Это силу укрепит и мудрость облачит. И вот, взяли иное в мысли — пошли на врагов отцов наших. И разобьем их.

...Не начнем... вспомним же Моуху[184], который славян в дом давний (собрал), единство земли создав... если в разуме ходят, пусть получат свое... что радуются, а после идут дорогой своей... некоторые суть справа от тех... боги наши суть большие родичи... вспомним времена Маха[185], который был один, и мы также едины были...

...Волох велик, и сего ради идем, так как братские вина пили... вот, не смеете назад глядеть, только вперед... и шли к Дунаю... ромеям же худо... а Хильбудий был... воины ромейские трусливы... одержите славу на поле... ромеям отплачено за зло их[186].

И кровь пили они у своих братьев до смерти, чтобы не исчезнуть... ибо Волос наш... и мы его... отв... радуясь о тех... как бы праздник... имеем тех не... вспять нам не надо возвращаться... в сей узде...

...особо сделать... и это кушанье (поминальное) едим за тех, кто приходил... с пастбищ и освобождал русов... и вот фракийцы идут впереди... обнажит меч свой на вас и... и та война пребудет до конца дней наших...

34

Князю Кию на ум пришло пойти на болгар[187], и ту рать повел он на север аж до Воронежца, и там стал. Своих воинов-полян должен был вернуть, так как голод их одолел. И так Голунь, град русский, отобрали по обету своему у другой земли[188]. Так-то он те края отобрал и русичами населил. Лебедень же сидел в городе Киеве у горы, словно поврежденный умом, и правил от храма. То есть увидел, как править торжищем эллинским и арабским, поскольку чин имел[189]. И вот Кий отвел полки свои от врагов. И куда бы болгары не переселились из той земли, должны были роду его дань давать. Слава ходила всюду. А потом начали с готами воевать, и сила людская их погнала прочь, и так земля наша простерлась от края до края, как Русколань. Данную богами, отбили мы ее у врагов и так ее держим у себя.

А Голунь-град был велик и богат, и враги шли на него, и подожгли его, и стену сожгли[190]. И мы должны были оборонять эту крепость нашу и для русичей удержать. Ведь земля Волжская и Ра-река по обоим берегам, то была земля отцов наших, и та была нам своя в эти годы, и уберегли ее. Там мы осели на землю и руду-кровь пролили на нее. И та будет для нас и воевод наших словно из раны сердечной. И кровь вытекла на землю, а то русская кровь и земля, которую взяли мы.

И потому видим такое указание во дни наши, и должны мы идти в степи, чтобы не утратили мы земли нашей и были навеки русами. И строгает нам Перун стрелу свою, чтобы силу его на везение взяли и врагов отбивали. И было так целый век, а та война не стихала. Так шла борьба. Узнали мы в ней силу свою, и шли к Голуни и к Сурожской земле. По правой руке — море Дулебское, а по левой — готы, и прямо на юге — эллины. С ними торги творя, поддерживали мы жизнь нашу. И собирали силы свои вместе. Говорили громкую славу богам, и там готовили суру, и пили ее во славу божью, и

говорили, что добрая она. И тут разделили степь ту между родами своими. И обрели стада великие овнов и коров, которые давали нам силу жить среди трав. И их, водя, оберегали два века.

Ныне же имеем студеную зиму и не имеем сена достаточно. Пошли на юг на зеленицу и на кормы злачные к эллинам, и те отогнали нас силой в землю студеную. И были мы при гибели и не смели остаться на зеленице из-за вражды эллинской. А те, зеленицы не беря, прямо злодеи сущие, не хотели помочь нам. И то сказали мы: отомстить за те дела и отплатить им в час их. Ведь отцы наши говорили овладеть землей той и загнать Грецколань ту в море. И станицу[192] принеся, стали грудью мы против них, и ударили вперед, и устроили битву великую. И Грецколань мира запросила, и окончили мы войну нашу. И так добыли зеленицу на зиму, и кормили скот свой, и говорили славу богам.

35а

Эта усобица наша причиной тому, что должны мы были слова обличительные говорить. Но и там говорили воистину благое о родах наших, да не солжем о тех, но истину скажем. О первом бане[193] нашем поведаем и князе избранном. Он именовался Кисек и вел родичей по степям со скотом своим на юг и там, где Сурья сияет, пребывал. И пришел к нему отец Орий, и сказал ему: «Оба мы имеем детей, и мужей, и жен, и старцев, и должны их оборонять от врагов. Итак, скажем, что есть племя, и дадим овнов своих и скот ему, и будем племенем единым. Боги помогут нам, и увидим добро на веки веков». Когда же считать начали, те говорили: «Разве имущество единое тоже?» И иное говорили. И тогда отец Орий отвел стада свои и людей от них, и вел тех подальше, и сказал: «Там заложим город». И то была Голунь, так как она в голой степи и лесу[194]. И Кисек шел прочь и вел людей своих в иные места, чтобы не смешать с людьми отца Ория. А тот был старше, и так создал в земле той города и поселения. И так Кисек отошел с людьми и создал землю иную, и там осел. И так совсем отмежевались те оба и, так скажем, были чужие друг другу, всякое богатство и силу имея, не принимали один другого. И был Кисек тот славен, и люди Ория-отца славны, так как слава предшествовала им, а поле

знало их, как стрелы и мечи знает.

35б

И вот пришли языги в край его и начали скот отбирать. И Кисек напал на них, сначала отогнал, а потом был отогнан сам. И люди его грачам пищей стали, и выедали те многим глаза, а воины были повергнуты мечами. И сказал Орий-отец, что мертвые очернены грачами, и те грают на радостях своих и еду получают. Мерзко сделалось на сердце Ория, и сказал он родичам поддержать Кисека и людей его. И те, коней оседлав, взялись и ударили на языгов, и было с ними покончено, потому что разогнали их. И то надо нам знать: пока имеем силу вместе, никто не сможет одолеть нас.

Эти степи ни от кого не взяли мы, потому что они русские, а себе славу имеем, сказанную врагами, которые взывают к нам. И, видя жизнь нашу, искушать пытаются братьев наших серебром чеканным и гончарными горшками, из которых ели сыны их.

Жизнь наша в степях — до конца нашего. Привязаны мы к своему, и там не должны нам говорить о другой жизни. Слова наши истинны, а их лживы. Ложь говорят и только ее имеют.

36а

Предсказано от старых времен, что должны мы соединиться с другими и создать державу великую, возродить Русколань нашу в Голуни. Триста городов и сел там, очагов дубовых дым, и Перун наш, и земля. Птица Матерь Сва поет о дне том, и ждем ее в час тот, когда повернутся Кола Сварожьи[195] к нам, и времена те для всех идут к нам. Говорил Матери Све, что будем оборонять землю нашу лучше венедов, которые ушли на запад Сурьи и там перед врагами землю пашут и ложную веру имеют, держась ее. Борвин[196] сказал, что силен, а люди те поверили словам тем. А мы не глупы и не безумны и верить не должны тому. Увидите еще, как венеды возвратятся в земли наши, в степи древние, и увидят еще пожары другие, как во дни исхода из Пятиречья и Семиречья[197], которые дасами отняты у нас. И та птица сказала, что она огонь Смар понесет к нам и Гылу поручит, чтобы тот вверх бил[198], а богам купалить, а дождям

дождить. Земля разверзнется и коней поглотит, так как посвятят сыновья тех коней в жертву богам. И боги отступятся от них и дасам дадут по судьбе их! О том должны мы жалеть, а не о временах антов. Те анты одержали мечом много, но погиб дом твой, потому что домов на чужбине не строят. Вот Орий-отец идет перед нами, а Кий ведет за Русь, и Щек ведет племя свое, а Хорив хорватов своих, и Землебог[199] радуется тому, потому что мы внуки богов.

36б

Отошел Хорив, и Щек отошел, и осели мы у Карпатских гор, и там иные города создали, и торговлю имели с иными племенами, и богатство имели великое. Враги напали на нас, и бежали мы к Киеву-граду и к Голуни, и там поселились, огни свои жгли до Сварги и жертвы творили благодарственные богам и также за нас. Кий умер, тридцать лет владея нами, и по нем был сын Лебедян, прозванный Славер, и тот жил двадцать лет, а потом был Верен из Великограда также двадцать лет, потом Сережень — десять и остальные[200]. Одерживали они победы над врагами, и тьмы лиха неслись на них, и вот, нагрянули на них, как ныне на нас. То готы приехали в степи наши, зло творя.

Доброе время имели праотцы наши, воюя за жизнь. Мы — славяне, ибо славим богов, и мы — богов внуки, Исварога нашего и Даждьбога. И также терпим зло, а прежде силу имели великую и оборонялись много от нашествий готов скоро шестьсот лет. И тут ильмеры нас поддержали, и так победили мы врагов. Те десять рихов-королей имели, и те великие бойцы были и воины храбрые. И вот, на нас напали по прошествии времени, и зло творили, и не было на них оружия другого, кроме мечей фряжских[201], обмененных на овнов и овец, а те Твастырь делает в самой Сварге.

37а

Бьет крыльями Матерь Сва-птица, потому что германцы идут на нас. Они рога на лбы надевают и, так идя, нападают на нас. Течет печаль великая по краю нашему, потому что дымовые столбы вздымаются к Сварге, и Желя плачется о нас, и кличет Матерь Сва к Вышнему, который дал ей огонь для очагов наших. И он прибудет с помощью и силу обрушит на врагов.

И Германарих отступил, и готы поселились на Калке Малой, и ушли к берегам морским, и так завладели землей до Дона. И после того Дона-реки есть Калка Великая — граница между нами и прочими племенами. И там готы бились четыреста лет со своими врагами[202]. И потому взяли мы землю нашу и возделывали ее спокойно, и с эллинами торговали, меняя скот, шкуры и туши на серебряные и золотые кольца, и питье, и еду всякую. И жизнь наша была в ту пору спокойна и мирна. И готы напали на нас еще, и была война десять лет, и удержали мы землю нашу.

Так должны мы обороняться от врагов, которые идут с трех концов света, откуда праздники идут к нам. И те праздники: первый — Коляда, второй — Ярила, и Красная Горка, и Овсень великий и малый[203]. Идут те праздники, как муж идет из города в село огнищанское, и, посохом землю меряя, приходит от нас к другим и от других к нам.

37б

Идите, братья наши, племя за племенем, роды за родами, и бейтесь за себя на земле нашей, которая принадлежит нам и никогда — другим. Мы — русичи, славящие богов наших песнями нашими, и плясками, и игрищами, и зрелищами во славу их.

Сядем на землю и положим землю в раны свои, и набьем ее туда, чтобы по смерти стать перед Мар-Морой, и она бы сказала: «Не смею винить его, так как он полон земли, и не могу его отделить от нее». И боги, пребывающие там, пусть скажут о том: «Ты — русич, и пребудешь им, ибо взял землю в раны свои и несешь ее в Навь».

В те времена, после Кия, князей избирали многие отцы, и князей особых, и всяких, так что те, после княжения отрешенные на вече, становились простыми мужами и землю пахали. И так князьям было назначено заботиться о людях и хлеб получать, и еду, и всякие пожитки от людей своих.

Ныне же имеем другое: и полюдье князья берут, и сыновьям власть передают — от отца к сыну и аж до правнука.

38а

И снова был великий стыд. Родичи боролись за владения, и многие говорили: «Не идем в род, потому что нет покоя огнищанам, а будем лучше сами в лесах или горах обитать». С теми словами родичи были отвергнуты, и начали много сердиться и лютовать. Бог Сварог наказующий, великое трясение горам устроил, и славянских внуков пробудил великим громом и земли дрожанием. И слышали, как кони наверху кричали, страхом обуянные. И испугались, и бежали прочь, села и овнов оставили, а утром увидели дома разбросанные: один вверх, другой вниз, иной в большой дыре земляной, а по иному и следа не осталось. Стали те славичи очень бедны, и прокормиться ничем не могли, и сказали Орию-отцу: «Веди нас прочь!» И сказал Орий: «Я — на вас с сынами моими». Сказали ему они: «Мы им подчинимся». И пошли с Кием, Щеком и Хоривом, тремя сынами Ориевыми, иную землю искать, и с того начался род славян — и доныне.

Поскольку видеть не дал Бог-Даждь будущее смертным, то восхвалим премудрость его, и старое вспомним, а его зная, скажем. Прежде был род славян в горах великих высоких, там землю пахал, и об овнах заботился, и овец хранил, пас во травах. Однажды люди пробудились и услышали, как кони под облаками от страха вопили. И тем страхом объятые, уберечься не могли. Был после того мор и голод великий, и, выйдя из края Иньского, пошли куда глаза глядели мимо земли Фарсийской, и пошли дальше, так как не годилась для овец земля та. Шли горами и видели камни, а там проса не посеять: также мимо прошли. И увидели степи цветущие и зеленые. Там стояли года два, а потом дальше пошли, поскольку хищники появились. Пройдя мимо Каялы[204], пришли к Днепру, ибо он всякой войне предел кладет и врагам злым преградой становится.

На том Днепре должен был поселиться род славян, а они были огнищане, поскольку каждый имел яму-землянку и огнище — Сварога славить и Даждьбога, которые в Сварге пречистой, Перуна и Стрибога. Перун громами и молниями повелевает, а Стрибог ветры ярит на земле. И тех: Ладобога, который правит ладом родовым и благостями всяческими, и Купалобога, который

банями правит и всяческими омовениями, и Яробога, который правит весной цветущей и русалками, водяными, и лешими, и домовыми, да и Сварог теми правит. Всякий род имеет чуров и пращуров, которые пред веками умерли. Тем богам почитание должны мы воздавать, и от них радости имеем. И поставил сначала род славян мольбище во граде Индикиеве[205], который зовется Киев, и вокруг него поселился.

А в лесах дубовых лешие в ветвях качаться стали, а бороды их хмелем утыканы, и волосы в травах. Те суть листья зеленые и Мокошины[206], кто на земле спит, у того в бороду воткнуты.

38б

Даждьбог на струге своем пребывает в Сварге премудрой, которая синя. А струг тот сияет и видится, как золото, Огнебогом распаленное... Его дыхание — жизнь всякой твари и прибежище... Всякий муж благой то видеть может, но не злой, который о богах не заботится. Тот пребудет, как слепой, да не имеет с ними части, потому что всякий, ко злу идущий, с ним до конца пребудет.

...Наши праотцы пришли в землю сухую и позаботились о ней, а мы живем в другом месте и не имеем края того на земле нашей. И крещена Русь в такой день...

...мы взялись, и стали гунны... Которых мы забрали у них... Днепра племена суть русы... и костобоки Русколань творили...

С Мор-Марой не смеем части иметь, или будем отлучены от рода нашего, и будут такого гнушаться все борусы.

Фрагменты

(Ю.П.Миролюбов. Русская Мифология // Миролюбов Ю.П. Сакральное Руси. М., 1996. Т II, С. 156)

Если будешь раб богам и человекам опора, избежишь зла и Сварги пречистой хранителя узришь в день Нави, дива дивные и Велеса мудрого.

Мы гадаем по Велесу, и будет по тому, так как боги ведают славу нашу и направляют бросание жребия всегда, присно и в будущем.

Комментарии

1 Явь, Правь и Навь — важнейшие философские понятия «Велесовой книги» (далее — В. К.). Явь — земной, материальный мир. Правь — небесный, идеальный мир, управляющий миром Яви. Навь — загробный мир смерти. Это соответствует универсальному мифологическому делению Космоса на верхний (небесный), средний (земной) и нижний (подземный) миры. Термин «Навь» родствен чеш. Nav — «загробный мир», древнерус. и болг. «навье» (духи вредоносных мертвецов), укр. «навка (мавка)» (лесная девушка).

2 Миф о Мировом Яйце универсален. Даждьбог — Солнце в славянских текстах не выступает как демиург, но в римском митраизме Митра (иранский бог солнца) рождается из яйца (или скалы) и творит мир. Представление о Земле, висящей в пространстве без опоры, впервые появляется у Анаксимандра (VI в. до н. э.). В народных верованиях славян земля лежит на спине животного (кита, рыбы, змея, быка и др.) или руке Бога.

3 Ирий — рай, страна, куда улетают перелетные птицы и души умерших.

4 Коло — временной цикл (годовой и др.), связанный с понятием судьбы и мирового закона.

5 Ум — здесь: философское понятие, близкое индийскому «Ом (аум)» и греческому «Нус (ум)»: абсолют, идеальное начало бытия.

6 Орий (Орь, Орей), т. е. «Арий» — первопредок славян, отец Кия, Щека и Хорива. Известен только в В. К. Воплощает «арийские» истоки славянства. «Ариями» себя называли древние индийцы и иранцы. Именование «арийцами» древних индоевропейцев или германцев — не научно.

7 Огнищанин — домохозяин, глава семьи. В Древней Руси — княжеский управляющий.

8 «Две тьмы» — букв, «двадцать тысяч (лет)». 20 тыс. лет назад — эпоха максимума последнего (валдайского оледенения). (Это напоминает

«нордическую» теорию происхождения индоевропейцев.) Однако память первобытных (бесписьменных) народов не датирует отдаленные события столь точно. Судя по другим текстам (д. 25, 45), «две тьмы» («20 000 лет», «2 000 лет») — эпическая цифра, означающая весь цикл истории славяно-русов — от прихода с прародины до подчинения варягам. В большинстве текстов В. К. Орий приводит славян не с севера, а с востока, из Семиречья или Индии (в соответствии с другими теориями индоевропейской прародины).

9 Ильмеры (ильмы, илиры) — в В. К. народ, родственный славянам, обитавший до них в Восточной Европе и слившийся с ними. Вряд ли он тождествен иллирийцам (предкам албанцев), населявшим запад Балканского полуострова и Средний Дунай. По данным археологии и гидронимии, на Среднем Днепре и в Полесье славяне были аборигенами, на Верхнем Днепре им предшествовали балты, у озера Ильмень (Ильмерь) — финно-угры.

10 Полюдье — ежегодный объезд князем своих владений для сбора дани.

11 Другой вариант сказания о «двух тьмах». В III тыс. до н. э. племена скотоводов и земледельцев культуры шнуровой керамики (в т.ч. предки славян) расселились из степей в леса Европы, сохранив и там производящее хозяйство. Городища у лесных праславян (милоградская культура) возникли в I тыс. до н. э. В I — II вв. н. э. лесостепные славяне зарубинецкой культуры под натиском сарматов переселились в леса по Верхнему Днепру и Десне. В VI в. их потомки, племена колочинской культуры, вернулись в лесостепь.

12 Иронуы — вероятно, потомки сарматов (аланов), оставшиеся в лесостепи после гуннского нашествия (у сирийского историка VI в. Псевдо-Захарии — «амазонки», соседи росов). Иронцами называется одно из племен осетин (потомков аланов).

13-14 Сварга — небо, рай Индры (санскр.). Этому арийскому (индоиранскому) слову родственно имя славянского Сварога — бога неба, культурного героя (первого кузнеца, земледельца и скотовода, учредителя брака), отца Даждьбога

— Солнца и Огня. К славянам это слово попало от скифов.

15 Земунь — небесная корова (известна лишь в В. К.). Соответствует чудесной корове Сурабхи, обитающей в Сварге.

16 Сурья — обожествленное солнце (инд.). В В. К., как и в Ригведе (X, 85),— женское божество. Чаще, однако, Сурья в Индии представлялся мужчиной. У славян Солнце выступает и мужчиной, и женщиной. Слова «солнце» и «Сурья» родственны (на общеиндоевропейском уровне).

17 Выведение имени славян от «слава» было популярно среди славянских историков начиная с XV в. Древнейшая форма этого имени, «словене», означает «знающие слова, говорящие» (в отличие от «немцев» — «немых»).

18 Готское море — Азовское море (В. К.).

19 Бродники — предшественники казачества (XII—XIII вв.); здесь — кочевники, переселенцы.

20 Гунны — тюркоязычныи народ, создавший кочевые «империи» в Центральной Азии (в III в. до н. э.— II в. н. э.) и Восточной Европе (IV—V вв.). Языги — сарматское племя, обитавшее во II в. до н. э. — I в. н. э. между Днепром и Днестром, с I в. н. э. — в долине Тисы.

21 Симаргл — восточнославянское божество иранского (скифо-сарматского) происхождения: крылатый пес, стерегущий древо жизни. В В. К. — бог огня (м. б., от древнерус. «смага» — «огонь, жар»).

22 Сура — священный хмельной напиток (инд.) В В. К. также «сурица», «сурыня», осмысливается как «солнечная». Приготовление суры описано в д. 5 б (осколки), 24в и в фольклорных записях Миролюбива (Сакральное Руси. Т. 1. С. 271—272). Оно несколько напоминает приготовление другого арийского священного напитка — сомы (хаомы). Но сура, в отличие от сомы, не вызывает галлюцинаций.

23 Троян — в В. К. русский (борусский) князь II или III в., впервые сделавший свою власть наследственной. В списках древнерусских богов упоминается

Троян. В южнославянском фольклоре Троян — демонический трехглавый царь-людоед, боящийся солнечного света. О Трояне «Слова о полку Игореве» исследователи спорят, считать ли его божеством, русским князем или римским императором Траяном (98—117).

24 Борусы — в В. К. часть русов, поселившаяся не в степи, а севернее, в лесах (борах). Соответствуют борускам — народу, упоминаемому Птолемеем в Европейской Сарматии рядом с саварами (северянами). Они же, видимо, бораны (боряне?), участвовавшие в морских походах готов III в.

25 Сурож — древнерусское название Судака (алан. Сугдея — «святая»). Этот греко-аланский город основан в 212 г. В VI—VII вв. им владели византийцы, в VIII—X вв.— хазары, в XI—XIII вв. — половцы. По В. К., основан русами и захвачен греками. В XII—XIII вв. в Сугдее был русский квартал.

26 Перуница — в В. К. богиня войны. Соответствует Царице — Молнии русских сказок, южнославянской Огненной Марии, чешской Летнице (супруге Перуна).

27 Индра — бог грома и войны, царь богов (инд.) В В. К.— бог, близкий Перуну или отождествляемый с ним. В фольклоре и литературе восточных славян Индрик-зверь — мамонт, обитающий под землей. Это напоминает Айравату, слона Индры.

28 Илар — вероятно, просветитель славян Кирилл—Константин. В Херсонесе он изучал русский язык по Евангелию и Псалтырю, написанным по-русски, и, видимо,использовал это при создании алфавита, названного его именем.

29 Амастприда — город на южном берегу Черного моря. В начале IX в. подвергся нападению русов с моря, как и Хорсунь (Херсонес).

30 Иронцы — здесь: аланы салтовской культуры, обитавшие в VIII—X вв. в лесостепи по Северскому Донцу и Дону, куда их переселили хазары с Северного Кавказа. Или же сарматы — «амазонки» VI—VIII вв. (см. прим. 12).

31 Русколань — в В. К. мощная держава (племенной союз) славяно-русов, простиравшаяся от Карпат до Волги. Соответствует роксоланам («сияющим аланам») — сильному сарматскому племени, обитавшему в северном Приазовье во II в. до н. э.— II в. н. э. Ветвью его, очевидно, были сарматы —

росы, в I в. н. э. поселившиеся в бассейнах Роси и Тясмина и постепенно ославянившиеся. В племенной союз роксоланов могли входить и лесостепные славяне. В. К., однако, не различает в составе Русколани славян и сарматов.

32 В 865 г. болгары, потерпевшие поражение от византийцев и зажатые между ними и войсками Великой Моравии, были вынуждены принять православие, что означало политическое подчинение Византии.

33 Поляне (на Среднем Днепре), древляне (на восточной Волыни), северяне (в левобережной лесостепи и лесном Подесенье) — восточнославянские племена. Сумь, весь, чудь — финно-язычные племена, предки соответственно финнов, вепсов и эстонцев. В более широком смысле «чудь» — все финно-угорское население севера Восточной Европы.

34 Еще один вариант сказания о «двух тьмах» (где 2 000 и 20 000 лет — цифры «равнозначные» и одинаково условные). Согласно В. К. (д. 22), Русколань распалась в конце IV в. под ударами готов и гуннов. В античных источниках роксоланы как отдельная политическая сила после II в. уже не упоминаются (возможно, они вошли в состав племенного союза аланов с центром в Прикаспии). Лесостепные славяне (и осевшие среди них сарматы) во II— V вв. были носителями Черняховской культуры. Эта же культура охватывала племена готского союза в Северо-Западном Причерноморье. Не позже IV в. эти славяне были объединены племенным союзом антов (куда входили, видимо, и росы — росомоны).

35 Венеды — общее название славян в начале н. э. (у Плиния, Тацита и др.). В средние века венедами (как и в В. К.) называли западных, преимущественно полабских и поморских, славян. Святояр — киевский князь IX в., известный лишь по В. К.

36 Воронежем, — славянский городок. Видимо, в районе совр. Воронежа. Упоминается лишь в В. К. в связи с событиями IV и IX вв. На Среднем Дону имеются скифо-сарматские городища VI в. до н. э.— IV в. н. э. и славянские VIII—IX вв.

37 Криворог — русский князь IX в. Помимо В. К. известен лишь в фольклорных

записях Миролюбова — как царь из рода Белояров, правившего 360 лет до прихода варягов (т. е. в VI — середине IX вв.); народ его пас скот, носил одежду, подобную скифской, а сам царь имел тамгу — «вилы» (что напоминает тамги — трезубцы сарматов, антов-русов и Рюриковичей) (Сакральное Руси. Т. II. С. 395 — 396, 442—448).

38 Мар (Мор, Морок) и Мара — бог и богиня смерти (по В. К.). Морана (Маржана, Марена и др.) — богиня смерти и весны (типа Персефоны), известная у западных

и восточных славян по письменным источникам, весенним и купальским обрядам. В моравских обрядах у нее есть спутник — Маржак. Мара (мора, змора) у славян — привидение, дух, давящий во сне.

39 Дасы (даса) — в Ригведе враждебные ариям аборигены Индии, а также род демонов. В В. К. сближаются с гуннами.

40 Библейская характеристика Палестины (Исх. 3, 7—8; Числ. 13, 28). До Палестины доходили скифы в своих походах VII в. до н. э. Здесь, однако, речь идет скорее о Северном Причерноморье, завоеванном тогда же скифами, пришедшими с востока.

41 Кий, Пащек к Гороват — летописные Кий, Щек и Хорив. Здесь — сыновья Ория, вместе с ним пришедшие с азиатской прародины. Согласно другим текстам В. К., они поселились в Карпатах, позднее же Кий основал Киев, Щек стал родоначальником чехов, а Хорив — хорватов (д. 7з, 31, 36а-б). или же Кий, придя с Карпат, завоевал уже существовавший Киев (д. 15б). Или русы пришли с Карпат и основали Киев через 300 лет после Кия (в V в. до н. э.) (д. 22). Или Кий основал Киев, идя с востока к Днепру (д. 33, 38а). Или, наконец, Кий воевал с болгарами, вероятно, в VI в. (д. 34). Таким образом, в В. К. выступают два или три Кия. Предки хорватов и, возможно, чехов действительно обитали в Карпатах. Племя белых хорватов населяло Верхнее Приднестровье еще в X в.

42 Осуриться — забродить на солнце-Сурье.

43 Дивы — злые божества. Под иранским влиянием этот индоевропейский термин (санскр. deva, лат. deus — «бог») у славян стал означать демона, великана,

зловещую птицу (в «Слове о полку Игореве» и др.).

44 Паркун (точнее, Перкун, Перкон) — балтский вариант имени бога грома (Перуна).

45 Костобоки — дакийское племя, обитавшее в I—II вв. на Верхнем Днестре и на севере Дакии.

46 Борей — северный ветер (греч.).

47 Неясно, с кем боролись языги, костобоки и славяне в I в. (за 300 лет до Германариха). Фарзой, царь сарматов-аорсов, в середине I в. создал в Северо-Западном Причерноморье сильное царство. При атом славяне зарубинецкой культуры были оттеснены в леса, костобоки покорены, а языги изгнаны в долину Тисы. Однако царство Фарзоя просуществовало не 200 лет, а чуть более тридцати.

48 Германарих (265—375) — могущественный король готов (остготов), подчинивший ряд народов Восточной Евопы. Был тяжело ранен князьями росомонов (росов) Саром и Аммием, мстившими ему за жестокую казнь их сестры Сунильды, жены Германариха. Вскоре после этого его царство было разгромлено гуннами, а сам король погиб.

49 В древнерусское время Доном называли Северский Донец (и низовья Дона), а Донцом — р. Уды. Территория Черняховской культуры охватывала верхнюю часть бассейна Донца, но основным ареалом готов в ее составе была область между Карпатами и Нижним Днепром.

50 Ра-река — Волга (у античных авторов — Ра, Рас, Рос). Она же Раса Ригведы и Рангха Авесты.

51 В начале IV в. римляне воевали на Нижнем Дунае с карпами (см. прим. 68), в 360-х гг. — с готами (вестготами). В этих войнах могли участвовать и славяне.

52 Берендеи — кочевое племя, в XII—XIII в. осевшее в Поросье и ставшее верным союзником Руси. По устным преданиям (использованным А. Н. Островским в «Снегурочке»), берендеи обитали также возле Переяславля-Залесского. В В. К. берендеи — участники событий IV в. и также союзники русов.

53 Пребывание готов между верховьями Волги и Западной Двины не

засвидетельствовано ни письменными, ни археологическими источниками.

54 Аларих (Гуларех) — готский вождь. Вряд ли он тождественен королю вестготов Алариху, в 410 г. взявшему Рим.

55 Овсень — в русских обрядовых песнях олицетворение Нового года. Согласно фольклорным записям Миролюбова, Овсень — праздник Воздвижения (14. IX) или

Покрова (1. X) (Сакральное Руси. Т. 1. С. 112—113,414 —415). Полюдье на Руси начиналось осенью, в ноябре.

56 Твастырь — ведический Тваштар, бог-творец, покровитель ремесла.

57 Набсур (Набусар, Набусарсар) — вавилонский царь. В этом образе, видимо, слились цари Набупаласар (627—605 гг. до н. э.) и Навуходоносор (605—562 гг. до н. э.). Оба они вели войну с Ассирией и Египтом с помощью скифов.

58 Море светлое — видимо, Персидский залив.

59 В конце VII в. до н. э. скифы то поддерживали Ассирию, то воевали с ней, доходя до границ Египта. В 612 г. до н. э. Навуходоносор и скифы разбили под Харраном ассирийцев и египтян, в 600 г. до н. э.— совершили поход на Египет. В ближневосточных походах скифов участвовали, видимо, и лесостепные праславяне.

60 Вала — ведический демон, враг Индры, прятавший в пещере похищенных коров.

61 Христианский термин «язычники» в устах вавилонян (VII— VI вв. до н. э.) — явная модернизация (возможная, однако, для волхва IX в., уподобляющего византийцев древним поработителям скифов-русов).

62 Славуня — праматерь славян, жена Богумира (д. 9а).

63 Магура — божественная птица, подобная Матери Сва — Славе (см. прим. 72). Как и та, известна лишь по В. К. Укр. «магура» — «холм, курган» (из слав. «могила» через молд. magura).

64 Триарий (Триедорий) — видимо, Теодорих, сын Триария, король фракийских готов, соперник Теодориха Великого, короля остготов. Погиб в 481 г.

65 Киммеры — здесь спутаны киммерийцы (ираноязычные кочевники, нападавшие

в VII в. до н. э. на малоазийские греческие города) и кимвры (германское племя, угрожавшее Риму во II в. до н. э. и с трудом побежденное им). Их, впрочем, путали и античные авторы. Киммерийцы, обитая в Северном Причерноморье, тесно общались с праславянами, участвовавшими в их походах на Ближний Восток.

66 Паркуном (точнее, Перкуном) называли громовержца не варяги (скандинавы), а балты. Человеческие жертвы приносили не только скандинавы и балты, но и славяне, как западные, так и восточные, о чем сообщали не только византийские авторы (Лев Диакон), но и «Повесть временных лет» (под 983 г.).

67 Коляда — праздник зимнего солнцестояния (Рождество). День Ярилы — праздник весеннего солнца. 27 апреля отмечался приход Ярилы, 4 июня — его похороны. Позднее их заменили Юрьев день и Семик (Троица). Русалии — обряды в честь русалок, приуроченные к святкам, дню Ярилы (Троице) и Купале (24.VI). Красная горка — весенний праздник молодоженов (в христианское время приуроченный к первому воскресенью после Пасхи).

68 Карпы — дакийское племя, обитавшее в I—IV вв. в нынешней Молдавии и северо-восточной Румынии. С ним связывают также культуру карпатских курганов III—VI вв. Ее носители — северные дакийские племена — ославянились и дали начало белым хорватам.

69 Прибалтийские славяне (вагры) справляли суд у священного дуба бога Прове, отождествляемого исследователями с Перуном.

70 Земля Трояня — в «Слове о полку Игореве» район устья Дона (при Траяне — владения подвластного Риму Боспорского царства). Здесь, видимо, какая-то пограничная с римскими территориями славянская земля (владение князя Трояна).

71 Обида — крылатая богиня печали, поражения (в «Слове о полку Игореве» связана с землей Трояновой).

72 Матерь Сва — Слава — божественная огненная птица, воспевающая победы славян и зовущая их к битвам, принесшая людям огонь и способная вызвать катастрофический пожар. Известна лишь в В. К. Близка к Жар-Птице русских

сказок и к ведическому Матаришвану — богу, принесшему людям небесный огонь.

73 Камень вместо хлеба — евангельский образ (Матф. 7, 9, Лука, 11,11).

74 Ясунь — бог, предводитель ясуней, воинов добра (д. 7з). Очевидно, это Даждьбог (иранский Митра): по славянским и индоевропейским представлениям, Солнце — защитник справедливости. В д. 16а Ясный — Даждьбог.

75 Кравенцы — «коровичи», потомки коровы Земунь и Даждьбога. Иван Коровий сын восточнославянских сказок, как показали исследования Б.А. Рыбакова, соответ

ствует Даждьбогу.

76 Рыбяне — неизвестный народ. Возможно, ихтиофаги (рыбоеды), обитавшие в совр. Белуджистане. Мимо них мог проходить путь русов (В. К.) из Индии в Месопотамию.

77 Костобоки, разбитые в конце II в. вандалами, были вскоре ассимилированы славянами.

78 Дулебы — славянское племя, обитавшее в раннем средневековье на Волыни и в Чехии. Предки летописных волынян. Борусы (боруеки, боряне) в русских летописях не упоминаются.

79 Финноязычные обитатели Приильменья ассимилировались со славянами.

80 Берегиня — одно из имен Великой Богини восточных славян; богиня земли, воды и урожая, защитница людей. Берегинями назывались также водяные богини типа русалок.

81 Согласно индоевропейскому мифу, восходящему к бронзовому веку, Солнце днем движется по небу в колеснице, запряженной конями, ночью же плывет под землей в ладье. Колесница, запряженная быками, более свойственна богу луны (у иранцев и славян). Мифы о происхождении Млечного пути, изложенные здесь и в д. 8(2), противоречат друг другу. Но такое сосуществование логически несовместимых мифов обычно для мифологического мышления.

82 Желя — богиня смерти и плача (в «Слове о полку Игореве»; древнерус. «желя», «желенье» — «плач по мертвым»).

83 Теодоры* Великий — остготский король (471—526), в 489—493 гг. завоевавший Италию.

84 Белояр (Болояр, Болорев) — русский князь IV в., победитель язычов, готов и гуннов. Известен лишь по В. К. Его имя напоминает имя Баламбера (Баламира), вождя гуннов, победителя готских королей Германариха и Винитара. Владения Белояра простирались до Ра — Волги (д. 9б). В фольклорных записях Миролюбива фигурирует династия Белояров, правившая (по его мнению) в V—IX вв. на юге, в районе Сурожа (см. прим. 37).

85 Дарий I Ахеменид — персидский царь, вторгшийся в Скифию в 512 г. до н. э. Поход завершился поражением персов и бегством царя. Лесные праславяне — невры (в отличие от лесостепных — «скифов-пахарей») не поддержали скифов, но все же были втянуты в войну и пострадали.

86 Кельты в III в. до н. э. овладели Закарпатьем, южной Польшей, Молдавией, став на два века сильными и агрессивными соседями славян на юго-западе, но покорить их, видимо, не смогли.

87 Карна — богиня смерти и плача (в «Слове о полку Игореве»; древнерус. «карити» — «оплакивать мертвых»).

88 Купала — божество праздника летнего солнцеворота. В купальских песнях Купала — богиня, мать Мораны. Ее изображало дерево, а Морану — чучело. В В. К. Купала (Купалич) — божество мужское, бог омовения, очищения.

89 Лад (Ладо) и Лада — славянские божества. Лада — одно из имен Великой Богини. Она — богиня плодородия, брака, мать богини весны Лели и богов-близнецов Леля и Полеля. Ладо в польских источниках — бог войны, видимо, тождественный с Даждьбогом: его «герб» — лев с мечом — совпадает с иранской солярной эмблемой. В В. К. Лад — бог добра и родового порядка.

90 Т. е. семь членов семьи Богумира соответствуют семи дням недели (возможно, также семи планетам и их божествам).

91 В русском народном искусстве выделяется три положения Солнца: восход,

полдень и закат. Три брата, герои восточнославянской сказки «Три царства», рождаются на закате, в полночь и на восходе. Самый младший из них, как показал Б. А. Рыбаков, соответствует Даждьбогу.

92 Семь рек (Зеленый край) — Семиречье, долины рек Или, Каратал, Биен, Аксу, Лепса, Баскан, Сарканд в юго-восточном Казахстане.

93 Готы до середины I в. н. э. обитали на юге Швеции, затем переселились в устье Вислы, а во второй половине II в.— на Волынь и в Северо-Западное Причерноморье. В В. К. они приходят, как и славяне, из Семиречья. Это соответствует теории среднеазиатской прародины индоевропейцев.

94 Гунны в В. К. нападают на славян еще на их прародине и преследуют до самого Причерноморья. Однако во времена Ория (VII в. до н. э.) гунны обитали в восточной Монголии и Забайкалье. От Семиречья их отделял массив тохарских племен, которым гунны подчинялись до конца III в. до н. э.

95 Море Фасиское — видимо, Фарсиское (Персидское), т. е. Каспий. Или, что менее вероятно, Черное море (Фасис — совр. Поти). По мнению А. И. Асова, Волга в древности впадала в Азовское море, сливаясь с Доном.

96 Синьиы — китайцы. В I в. н. э. к сарматам Предкавказья и Нижней Волги попадали китайские зеркала и арбалетные стрелы.

97 Фряги (букв, «франки») — древнерусское обозначение итальянцев. Здесь, очевидно, римляне.

98 Т. е. не надо бежать из степей в леса и заниматься там подсечно-огневым земледелием, на которое степняки-скотоводы смотрели свысока.

99 Триглав — у западных славян бог Вселенной (трех миров) с чертами божества тьмы (черный конь, слепота). Ему соответствуют южнославянский Троян и трехликий подземный бог на Збручском идоле. В В. К. боги сгруппированы в триады — Триглавы, главный из которых Сварог — Перун — Святовит.

100 Святовит — у балтийских славян четырехликий верховный бог Вселенной, бог света. Соответствует Белбогу и восточнославянскому Роду (его изображает Збручский идол).

101 Библейское выражение (Еф., 5, 32).

102 Белбог и Чернобог — верховные боги света и тьмы, добра и зла, творцы и владыки мира.

103 Из этих 12 верховных богов славян известны лишь В. К. Вышенъ, Крышень и Сивый — индийские Вишну (бог солнца у вишнуитов верховный бог), Кришна (главное воплощение Вишну) и Шива (бог-разрушитель, у шиваитов верховный бог). Культы этих трех богов (особенно Кришны) сформировались преимущественно в послеведический период. В фольклорных записях Миролюбова Вышень (Вышний) — верховный бог, Крышень (Крышний) — солнечный бог (почитаемый на Рождество, как и Вышний), Сивый — бог зимы (Сакральное Руси. Т. I. С. 178, 425. Т. II. С. 164—168,182—183, 525—527 и др.).

104 Перечисляются боги 12 месяцев (с марта по февраль), известные, кроме Ладо и Купалы, лишь В. К. Далее — две группы по 24 мелких божества, преимущественно природных, также встречающихся лишь в В. К. и отчасти в записях Миролюбова (Сакральное Руси. Т. I. С. 111, 217. Т. II. С. 160,169, 209, 518,540).

105 Ра-река — здесь: мифологическая река, граница неба и земли. В верованиях славян загробный мир часто отделяется от земного рекой или морем.

106 Числобог — бог счета и времени. Один из «приллвицких идолов», подделанных в XVIII в. В других источниках неизвестен.

107 Дид-Дуб-Сноп — «триглав», видимо, соответствующий главному: Сварог — дед богов и людей, дуб — дерево Перуна, праздник Святовита — после сбора урожая.

108 Славянские храмы в Карпатах описаны арабским географом X в. ал-Масуди.

109 У готского историка Иордана (VI в.) прапрадед Германариха зовется Острогота.

110 Ясы — средневековые аланы (северокавказские и салтовские), предки осетин. Танаис — греческий город в устье Дона, запустевший в V в. Таматпарха — совр. Тамань (античная Гермонасса); в IX в. принадлежала хазарам, позже — русским (Тмутаракань).

111 Спгарград — предшественник Новгорода. Возможно, совр. Ольденбург в

земле славян-вагров (позднее восточная Голштиния).

112 Род — верховный бог Вселенной, громовник, отец богов и людей. Рожаницы — верховные богини, мать и дочь (Лада и Леля), а также второстепенные богини — личные покровительницы людей. По мнению Миролюбова, «Род-Рожаниц (Рожанич)» тождествен Сварогу (Сакральное Руси. Т. II. С. 460, 484).

113 Здесь скифы-русы переселяются из Семиречья в Северное Причерноморье через Иранское нагорье, Загрос, Месопотамию, Сирию и Кавказ. Скифы, по Геродоту, пришли в причерноморские степи из-за Волги, позднее же совершали походы на Ближний Восток. Ранее, во II—I тыс. до н. э. арии — иранцы,— придя из степей (через Среднюю Азию или Кавказ), заселили Иранское нагорье и в IX в.

до н. э. столкнулись с ассирийцами в горах Загроса. Еще раньше, во II тыс. до н. э. другие арии (индоарии) пришли в Индию и Северо-Западную Месопотамию (Митанни). Индоиранцы всюду славились как всадники, колесничие и коневоды.

114 «Карпатский исход» датируется в В. К. по-разному: V в. до н. э. (д. 7г), IV в. до н. э. (д. 22), II в. до н. э. (д. 5а). Готы появились в Восточной Европе лишь в I в. н. э.

Но в V—IV вв. до н. э. западных славян теснят с северо-запада племена поморской культуры, возможно, пришедшие из Скандинавии.

115 Кий здесь не сын Ория, а предводитель Карпатского исхода или князь днепровских русов более позднего времени. С сарматами-языгами славяне могли столкнуться не ранее падения Великой Скифии (III в. до н. э.).

116 Православный литургический оборот (например, в литургии Иоанна Златоуста).

117 Легенда о Словене и Скифе известна в поздних новгородских летописях XVII в. и в Иоакимовской летописи, сохранившейся в изложении В.Н. Татищева. В основе этой летописи (также поздней), возможно, лежит сочинение первого новгородского епископа Иоакима Корсунянина (конец X в.).

118 Бастарн, сын Словена, фигурирует в Иоакимовской летописи. Бастарны —

смешанное кельто-германское племя, обитавшее в III в. до н. э.— III в. н. э. в Молдавии и Прикарпатье. Его история была тесно связана с историей славян (возможно, входивших в племенной союз бастарнов).

119 Словенок — в поздних летописях предшественник Новгорода. Возможно, Рюриково городище в истоках Волхова (возникло в IX в.).

120 Сисек — вождь степных славяно-росов, современник Ория (д. 35а).

121 Круг (коло) — видимо, укрепленный лагерь, огражденный повозками, или круглое городище.

122 Великая Скифия была разгромлена сарматами в III в. до н. э. Гунны появились в Восточной Европе во второй половине II в. н. э., вскоре были, видимо, отброшены и снова вторглись туда лишь во второй половине IV в.

123 Голунь — Гелон, крупнейший город Скифии. Его остатки — огромное Вельское городище на Полтавщине, населенное в VII—III вв. до н. э. лесостепными «скифами», в т. ч. праславянами.

124 Вельское городище имеет треугольную форму, но в него встроены, словно камни в перстень, три городища округлой формы (Западное, Восточное и Куземинское).

125 Акинак — короткий скифо-сарматский меч.

126 Здесь простые святилища восточных славян (священные источники) противопоставлены богатым храмам славян западных. Но открытые святилища и храмы были и у восточных славян, о чем говорит как В. К. (д. 21), так и археологические данные.

127 Алдорих — король готов (очевидно, крымских) VII в., известный лишь по В. К.

128 Бравлин — русский князь, в конце VIII — начале IX вв. разграбивший греческие города в Крыму от Херсонеса до Боспора (Керчи), в т.ч. Сурож. Бравлин II, правнук его — князь, возглавивший сопротивление русов грекам и варягам во второй половине IX в. (выступает только в В. К.).

129 Грецколань — греко-аланы. В городах раннесредневекового и позднеантичного Крыма греки и аланы постоянно смешивались.

130 Греки, противопоставляемые эллинам,— возможно, греческое население причерноморских городов.

131 Питар Дый — ведический Дьяус-Питар, Небо-Отец. Образ индоевропейский, в т. ч. славянский. В древнерусских источниках Дый — верховный бог, соответствующий Зевсу.

132 Евангельский образ (Лук. 19, 40), неуместный по отношению к деревянным городам Руси IX в.

133 То есть конница разбила врага на флангах и окружила его.

134 Иньский край — очевидно, Индия. Гунны, однако, в Индию не проникали до VI в. н. э. («белые гунны», или эфталиты).

135 Слово «храм» здесь выводится из слова «хранить». В действительности «храм» — форма слова «хоромы».

136 Квасура — эддический Квасир, премудрый карлик, сотворенный богами из слюны в чаше. Из его крови приготовлен мед поэзии. «Квасир» родственно рус. «квас». В В. К. он отождествляется с праотцем Богумиром (Благомиром).

137 Радогощ — осенний праздник, тождественный Овсеню (известен только В. К.). Радогост — западнославянское имя Даждьбога.

138 Имеется в виду не отсутствие у славян идолов (они упомянуты в д. 21) или антропоморфных представлений о богах, а то, что боги славян — зримые образы почитаемых стихий и самого верховного Бога (Сварога).

139 Обычай антов идти в бой без сорочек описан Прокопием Кесарийским (VI в.).

140 Яма — ведический бог смерти и загробного мира. В В. К. слово «яма» в профанном смысле заменяется словами «дира земская».

141-142 Новояры (неры) — невры (навары) античных источников. Невры — лесные праславяне милоградской и зарубинецкой культур, обитавшие в Полесье, позднее на Верхнем и Среднем Днепре. Навары (возможно, тот же народ) упоминаются Плинием-старшим и Птолемеем (I— II вв.) на Нижнем Днепре, у города Навар — видимо, одного из позднескифских городов, среди обитателей которых были и праславяне-зарубинцы.

143 Белогорье — вероятно, меловые горы правого берега Дона, Донца или Оскола.

144 Мезенмир — князь антов, убитый аварами в 561 г. на переговорах с ними.

145 Готы здесь, очевидно, крымские, а гунны — кочевые тюркоязычные болгары (протоболгары), потомки гуннов.

146 Обры (авары) — кочевой народ смешанного (тюрко-угро-иранского) происхождения, в 560-х гг. вторгшийся в Восточную Европу. Обосновавшись в нынешней Венгрии, авары покорили многие славянские племена (в т. ч. дулебов) и разгромили в начале VII в. антский союз племен. В конце VIII в. франки и славяне уничтожили Аварский каганат.

147 Греки приносили человеческие жертвы еще в 480 г. до н. э. (но, конечно, не в IX в. н. э.), а скандинавы — в эпоху викингов. У восточных славян жертвоприношения животных и людей хорошо известны по данным раскопок даже в X — XIII вв., после крещения Руси. В В. К. также упоминаются славянские жертвоприношения ягнят (д. 7а) и людей (д. 20).

148 Молитвы-просьбы, как и молитвы-славления, хорошо известны и в Ригведе, и в обрядовой поэзии славян, и даже в христианском богослужении.

149 Синее море — Черное море (у скифов Ахшайна — «темно-синее», откуда греческое «Понт Эвксинский»).

150 Карань — видимо, Керчь — Пантикапей, Иордан называет этот город «Кареон».

151 В оригинале «волсев укре Ухорензе». Б. И. Яценко читает «волхви укри Ухоріз...». Скорее это простая описка.

152 Горыня — богиня горя и смерти, подобная Карне и Желе (только в В. К.).

153 Иствара — в этой форме сближены слова «Сварог», «сотворить» и «Ишвара» («Повелитель», эпитет Шивы), в действительности не родственные между собой.

154 В пророчестве речь идет о событиях XX в.: успехах науки и техники (угольной энергетике, самодвижущемся транспорте, научном земледелии), победе СССР в Великой Отечественной войне и поражении его в войне экономической и информационной.

155 Мезислав, Боруслав и др.— русские князья, упоминаемые лишь в В. К.

156 Три Веды (Ригведа, Самаведа, Яджурведа) — священные книги индоариев (сборники гимнов, напевов, жертвенных формул). Четвертая веда, Атхарваведа (сборник заклятий) — более поздняя. Сложенные во второй половине II тыс. до н. э., Веды долго бытовали лишь в устной форме.

157 Оседень — Орий, праотец славяно-русов.

158 Индоевропейские близнецы — всадники (индийские Ашвины, греческие Диоскуры и др.), воплощающие, в частности, утреннюю и вечернюю зарю.

159 Очевидно, народ Ория-Оседня шел из Семиречья через Кара-Кумы к Каспию (или из Пенджаба через Синд и Белуджистан), затем через Иранское нагорье, Загрос, Месопотамию и Кавказ. Тот же путь описан в д. 36а, 38а.

160 Заря у славян — женское божество. Однако полабские славяне почитали бога зари Ютробога.

161 Конорих и Готорих — предки Германариха. У Иордана им соответствуют Авгис и Хунуил.

162 Имеется в виду воинский строй наподобие птицы и круговая оборона «кулом» (см. д. 7з, 17а, б).

163 Северязь — видимо, низовья Вислы (где готы обитали рядом с венедами в I—II вв.), либо Восточная Пруссия (где в VI—VII вв. были распространены застежки — фибулы «готских» типов).

164 Жмудь — жемайты (северные литовцы). Ильмы-ильмеры здесь, возможно, восточные балты.

165 Во второй половине V в. готы Теодориха находились не в Восточной Европе, а в Паннонии (западной Венгрии). В 489—493 гг. они завоевали Италию, которой с 476 г. правил Одоакр, вождь германских племен (скиров, ругов и др.). Сам Одоакр был коварно убит Теодорихом. Б. И. Яценко и здесь видит укров («Дітеріх убитий був од укрів»), хотя Теодорих умер своей смертью в 526 г., а укры в Италии никогда не были.

166 Кельты в III—I вв. до н. э. оказывали немалое культурное влияние на славян, о чем говорят частые находки кельтских (латенских) вещей на Среднем Днепре и статуи кельтских типов на священной горе Соботка (Сленжа) в Силезии.

Очевидно, отношения между славянами и кельтами были то немирными, то союзническими.

167 Ясна — женская ипостась Ясуня — Даждьбога (только в В. К.).

168 Кнуд — варяжский вождь, союзник Аскольда (упомянут лишь в В. К.).

169 Лскольд и Дир в летописях упоминаются вместе вплоть до их убийства Олегом в 882 г. (хотя погребены они были в разных местах). Имена их — скандинавские.

По летописи, они бояре Рюрика, по Яну Длугошу (польскому историку XV в.),— потомки Кия.

170 Т. е. за летописным Аскольдом скрываются три одноименных князя. Источники не дают оснований для такого вывода.

171 Явная ошибка (вместо «за 700 лет»). Траян в 106 г. покорил Дакию. О войнах его к северу от нее и поражении там античные источники не сообщают.

172 Снова ошибка: готы пришли в Восточную Европу в конце II в., менее чем через век после Траяна.

173 Матерь Протеея — ведическая Притхиви Матар, Земля — Мать, супруга Дьяуса Питара, Неба — Отца. Миф о браке Земли и Неба — общеиндоевропейский и общечеловеческий. Известен он и славянам.

174 Вергун (Вергунец) — другое имя Перуна — Индры (только в В. К.).

175 Т. е. Солнце (солнечный день) убывает с Купалы до Коляды (от летнего до зимнего солнцестояния), а затем прибывает.

176 Земли Арийские — очевидно, Семиречье. Край Иньский — Индия.

177 Согласно Иордану, царя антов, его сыновей и 70 старейшин распял не Германарих, а его внучатый племянники преемник Винитарий. Этот царь у Иордана именуется Boz или Booz (Бож? Бус?), а в «Слове о полку Игореве» — Бус.

178 По Иордану, и Германариха, и Винитара разбил царь гуннов Баламбер. Судя по сказанному в д. 27 о 100-летнем готском иге, победа Вендеслава над готами относится к концу V в.

179 Митридат VI Евпатор — царь Понта (120—69 гг. до н. э.) и Боспора (107—69

гг. до н. э.). К своей многолетней борьбе с Римом он старался привлечь «варваров» Северного Причерноморья.

180 Гунны появились в Европе во второй половине II в., через два с лишним века после Митридата.

181 Волохами славяне в средние века называли итальянцев и восточных романцев (предков румын и молдаван), а ранее, вероятно, кельтов. Здесь «волохи» и «ромеи», видимо, византийцы. До конца VI в. латынь оставалась языком византийской армии и канцелярии, а Рим и Италия в VI в. были завоеваны Византией.

182 Возможно, князь избирался кругом (народным собранием) на год до семи раз.

183 Белая Вежа (Саркел) — хазарский город на Нижнем Дону, основанный в 839 г. В 965—1117 гг. принадлежал Руси. Росия — Керчь; в XII в. она именовалась Росией (в византийских источниках) или Русией (у арабского географа Идриси). Для времен Ория и Кия все эти названия — анахронизм.

184-185 Моуха (Мах) — Маджак, князь волынян, объединивший ряд славянских племен (согласно ал-Масуди); он же, возможно, славянский князь конца VI в. Мусокий, известный по византийским источникам.

186 Хильбудий — византийский полководец, часто нападавший на славян и в 534 г. разгромленный и убитый ими.

187 Болгары — здесь: кочевые протоболгары, видимо, VI в. О походе Кия на болгар говорит Никоновская летопись XVI в.

188 На Восточном Вельском городище раскопано славянское поселение VI в., где найдена, в частности, антская фибула с надписью.

189 Торг и храм Велеса в Киеве находились на Подоле, под горой.

190 Стены Западного Вельского городища были сожжены в VI в. до н. э., возможно, персами.

191 Дулебы у моря никогда не жили. Море окажется справа, а страна готов (в юго-западном Крыму) — слева, только если идти из Руси не в Сурож, а в Херсонес.

192 Станица — у балтийских славян священное знамя Святовита.

193 Бан — воевода (серб.-хорв.).

194 Вельское городище находится в лесостепи, на границе степи и леса.

195 Коло Сварожъе — временной цикл, состоящий из благоприятных и неблагоприятных периодов.

196 Борвин — князь венедов. Имя Генрих Борвин носили два герцога мекленбургских (они же князья славян-бодричей) в XIII в.

197 Пятиречъе — Пенджаб, именовавшийся также Сапта Синдхавах (Семиречье). Семь рек здесь: Сатледж, Джелам, Чинаб, Рави, Биас, Инд и Сарасвати.

198 Древнерусские переписчики «раздвоили» Симаргла на двух богов — Сима и Ргла. Здесь Огнебог Симаргл тоже раздвоен на Смара (небесный огонь) и Гъла (огонь земной).

199 Землебог — бог земли (только в В. К.). Возможно, Велес — бог плодородной земли и урожая.

200 Аебедян (Славер), Верен, Сережень — киевские князья из династии Кия, известные лишь по В. К. Великоград — Велеград (Мекленбург), столица бодричей, или Велеград — будущая столица Великой Моравии.

201 Фряжские мечи — франкские мечи, популярные в IX—X вв. в Скандинавии и на Руси. Изготовлялись на Нижнем Рейне, в Восточнофранкском королевстве.

202 Калка Малая и Великая — видимо, рр. Кальчик и Кальмиус. По В. К., между ними, Азовским морем и Доном готы обитали и нападали оттуда на славян в IV — VIII вв. Однако в этом районе нет никаких археологических следов готов.

203 Овсень великий и малый. — согласно фольклорным записям Миролюбова, Великий Овсень — день Покрова (1. X) или Воздвижения (14. IX), или праздник обжинок, Малый Овсень — неделя перед Покровом (Сакральное Руси. Т. I. С. 112—113, 414—415. Т. II. С. 169, 505—506).

204 Каяла — река, упоминаемая в «Слове о полку Игореве». Возможно, р. Мокрые Ялы (у верховьев Кальчика) или Макатиха (у совр. Славянска).

205 Индикиев — названия, подчеркивающие индийские истоки рода Кия и Ория.

206 Мокошь — одно из имен Великой Богини. Богиня влаги, прядения, овцеводства.

Содержание «Велесовой Книги»

(в хронологическом порядке)

Мифологические и философские тексты.

Три мира: Явь, Навь и Правь (д. 1, 26). Их источник — Сварог (д. 15а). Даждьбог сотворил мировое яйцо — свет месяца и звезд, подвесил землю в бездне, устроил Правь (д. 1). Божий Ум — основа мира (д. 1).

Все боги — воплощения Вышня и Сварога. Великий Триглав: Сварог, Перун и Святовит. Борьбу Белбога и Чернобога сдерживают Сварог и 12 главных богов (д. 11а). 12 богов-месяцев. 48 малых богов. Триглав Дид-Дуб-Сноп (д. 11б). Владыки — Хоре, Перун, Ярила, Купала, Лад и Даждьбог (д. 8). Боги: Сварог, Даждьбог, Перун, Стрибог, Ладобог, Купалобог, Яробог (Ярила) (д. 38а).

Молитвы Перуну, Даждьбогу, Симарглу, Индре (д. 31).

Сварог — Иствара (творец); его пророчество и завет Орию (д. 25). Питар Дый (Сварог, Небо-отец) и Протева (Земля-Мать) (д. 19, 30). Ночной путь Солнца (на возу или золотом челне); два близнеца — вестники Солнца (д. 7ж, 26). Красная Заря (д. 8(2)). Заребог (д. 26). Млечный Путь: молоко коровы Земунь (д. 8(2)); молоко, пролитое Зарей (д. 25). Перун высекает живую воду из облаков (д. 8(2)); кует мечи для русов (д. 24в). Индра дает Перуну оружие, посылает птицу Магуру (д. 6г). Индра (Вергун) — иной Перун. Боги молят Сварога о дожде. Сурья и Индра растят урожай (д. 30). Золотой небесный струг Даждьбога (38б). Белее утром водит коней Сурьи (д. 3а). Ночной путь Велеса (месяца) по небу, его звездный дворец (д. 8(2)). Велес научил людей земледелию (д. 8(2), 4б, 20). Праведник увидит Велеса в день смерти (фр. 1). Землебог [Велес?] (д. 3ба). Симаргл — Огнебог (д. 3а, 11б). Купала — бог омовенья (д. 8, 21,38а). Ладо учит Квасуру приготовлять суряницу (д. 22).

Числобог — бог времени (д. 11б). Лешие, русалки, водяные и домовые; ими правят Яробог (Ярила) и Сварог (д. 38а).

Запрет поклоняться Мору и Маре (д. 5б (оск.), 38а). Земля в ранах —

защита от Мары на том свете (д. 37б).

Перуница, Индра, Сурья зовут в бой, Индра помогает в битве (д. 8(3)). Небесные рати Триглава, Сварога и Сварожичей, Перуна, Даждьбога помогают русам в бою (д. 14, 25). Перуница подносит рог живой воды павшим воинам (д. 8(3), 7д). Птица Матерь Сва-Слава зовет на битву (д. 8(2), 7г, 7д, 7е, 7э, 8,13,14,18а, 21, 2,2в, 3ба); происходит от Солнца-Царя (д. 7э); подает советы князю Белояру (д. 8, 27); ей подобен воинский строй (д. 7з); предвещает несчастья (д. 28, 3ба); принесла людям огонь с неба (д. 19); вызывает катастрофу — пожар (д. 36а). Карна, Желя и Горыня оплакивают погибших в бою (д. 8, 25,32).

Павшего в битве встречают на небе Перуница, Сварог, Перун и предки. Пращуры там пасут скот и пашут землю, но не знают рабства и кровавых жертв (д. 7д, 7е, 26).

Обряды и обычаи славян.

Праздники: Коляда, Ярила, Красная горка, Овсень (Радогощ) (д. 7а, 22, 37а). Игрища у Перунового дерева (д. 7а). Изготовление суряницы (д. 5б (оск.), 26). Отрицание жертв человеческих и кровавых (д. 7а, 24б, 24в). Гадания Индры и Велеса (д. 30, фр. 2). Храмы (д. 21). Власть веча, выборность князей (д. 2а, 3б, 7а, 33). Обычай снимать сорочки перед боем (д. 22), класть землю в раны (д. 37б).

Прародина и переселение. III тыс. до и. э.— I тыс. н. э.

Праотцы-скотоводы во главе с Орием пришли на Русь с севера, две тьмы назад, из-за холодов. Там уже жил родственный народ — ильмерцы; они — братья и союзники русов (д. 2а). Русы — скотоводы, земледельцы и гончары — бежали в леса от «рода злого» и жили там охотой и рыболовством. Через одну тьму стали ставить города, через две — из-за холодов ушли на юг, там пасли скот и давали дань иронцам (д. 2а, 2б). 1000 лет славяне были едины, потом за 1000 лет разделились и были покорены готами, хазарами и варягами и так за 20

000 [2000] лет не смогли создать Русь (д. 4б).

X в. до н.э.

За 1300 лет до Германариха в Семиречье жили Богумир и Славуня. От их дочерей Древы, Скревы и Полевы и трех вестников Солнца происходят древляне, кривичи и поляне; от Севы и Руса, сыновей Богумира,— северяне и русы (д. 9а). Ладо научил Квасуру (Благомира, Богумира) приготовлению суряницы (д. 22). «Отец в Руси», муж благой и добрый (Богумир?), продолжил свой род благодаря Даждьбогу и Велесу (д. 16а).

VII в. до н.э.

Русы-арийцы пришли из Арийской земли в Иньский [Индийский] край (д. 31). Нападения дасов (д. 4г, 3ба) и гуннов (д. 10, 20). Землетрясение и пожар в Пятиречье (Семиречье) (д. 3ба, 38а). Переселение возглавили: Орий (Оседень) и его сыновья Кий, Щек(Пащек) и Хорив (Гороват) (д. 4г, 31, 36а, 38а); Рус (д. 16б). Орий— после Богумира (д. 9а). От Ория до Дира — 1500 лет (д. 6в). Орий на небе, в кузнице Перуна (д. 24в). Пророчество и завет Сварога Орию (д. 25). Путь переселенцев: на запад (д. 26); на юг и запад (д. 31); Семиречье — горы Ирские — Загорье [Загрос] — Двуречье — Сирия — великие горы, снега и льды [Кавказ] — степь — Карпаты (д. 15а); степь — морские края — горы [Загрос] — теплые земли [Междуречье] — великие горы [Кавказ] (д. 26); Иньский край — Фарсийская земля — каменистая земля — степь — Каяла — Днепр (д. 38а). Зеленый край (Семиречье) — берег моря у Ра-реки — Дон — Готское [Азовское] море — Карпаты — Днепр (д. 9а); горы — степи — Дон (д. 28); Семиречье — Дон (д. 16б). Рыбяне [ихтиофаги?] отказались идти и родниться с русами, исчезли (д. 7э).

Борьба у Дона и Готского моря с готами, пришедшими туда раньше из Зеленого края; сзади наседали гунны и языги (д. 9а, 9б, 28). Идя от Готского моря к Днепру, русы не встречали других бродников. Боярин Огландя сеял раздоры (д. 8(2), 8). Русы шли от Белой Вежи и Росии к Днепру, там Кий основал Киев* (д. 33). Славяне во главе с Орием и его сыновьями пришли к Днепру и основали Киев (Индикиев) (д. 38а).

* Это могут быть и события VI в. н.э.

Держава Ория — от Ра-реки до Карпат (д. 6а). Русколань и борусы (д. 6б). Придя из Семиречья, русы основали Голунь (д. 19). Она поставлена кругом (д. 17б). Кисек не пожелал объединиться с племенем Ория. Тот ушел и основал Голунь. Языги разбили Кисека, Орий пришел на помощь (д. 35а, 35б).

Скифские времена. VII—VI вв. до н.э.

Русы Ория бились с персами медными мечами, затем от Твастыря научились делать железные (д. 6в). Персы пленили русов и привели в неволю к Набусару, царю вавилонскому. Русы под его властью ходили на Ассирию и Египет, после землетрясения восстали и ушли на север (д. 6в, 6г). Князья Словен и Скиф воевали на востоке, пришли к земле Ильмерской и Дунаю. Словен, оставив сына Бастарна у старца Ильмера, ушел на север. Скиф поселился у моря (д. 17а). Праотцы, придя из Семиречья в степи (севернее Кавказа), пасли там скот и были скифами (д. 15а). «Дарий персидский напал на нас и разбил из-за наших усобиц» (д. 8).

VII—II вв. до н.э.

Кисек, сын Венеда и внук Бастарна, пас скот в южных степях. После упорной войны на обоих берегах Дуная до гор Русских и пастбищ Карпатских русичи обрели там землю. Через 500 лет они ослабли из-за усобиц. Гунны [сарматы?] пришли с юга, отняли у них Скифскую землю на побережье моря и степи. Русы ушли на север, соединились с фракийцами и отогнали гуннов (д. 17а).

V—II вв. до н.э.

Греки пришли из-за моря и основали Хорсунь и другие города. Раздоры ослабляли Русколань на юге и борусов на севере. Большие и малые борусы. Сурожская Русь. Натиск греков и скифов на борусов. Греки давали дань то сурожским русам, то их врагам* (д. 6в). Отделение венедов от Русколани, раскол борусов (д. 8).

* События, связанные с Сурожем, могут относиться и к раннему средневековью (ср. д. 18б).

Жизнь в Карпатах и переселение на Днепр. VII в. до н.э.— IV в. н.э.

Праотцы пришли в Карпаты за 1500 лет до Дира, прожили там 500 лет [VII—II вв. до н.э.], потом переселились на Днепр («Припять»), в землю илиров. Там жили 500 лет [II в. до н.э.— IV в. н.э.], управляясь вечем и борясь с язычами (д. 5а). Старейшиной в Карпатах был Щек, родом от ариев (д. 5а). Славянские храмы в Карпатах (д.14).

V в. до н.э.

Карпатский исход — за 1300 лет до Аскольда (д. 7г).

VII—IV вв. до н.э.

1300 лет от Кия-отца [VII в. до н.э.], 300 лет жизни в Карпатах [VII —IV вв. до н.э.], 1000 лет от Киева-града [IV в. до н.э.]. Часть русов ушла с Карпат в Голунь (Русколань), часть — в Киев. Голунь имела 300 городов, Киев — 10 городов и села (д.22).

V—I вв. до н.э.

(?) Щек и Хорив ушли со своими племенами (чехами и хорватами) на запад. Часть чехов вместе с русами образовала Русколань. Кий поселился в Киеве (д.7з). Венеды отделились от русов и ушли к морю. Города и храмы венедов богаты, они торгуют с арабами, но вера венедов ложная, и соседи с ними враждуют. Их ждут распри и бедствия (д. 18а, 3ба). Русы с Карпат пришли к Киеву, боролись со злыми народами. Поход воеводы Бобреца к Голуни (д. 18а). Праотцы в Карпатах управлялись пятью князьями. Под натиском готов (с запада) ушли к Днепру, взяли город Киев. Кий победил племя, пившее кровь в бою, затем язычов (д. 15а, 15 б). Русы с Карпат ушли на Дон (д.16б).

II—I вв. до н.э.

1000 лет назад кельты напали на русов, но были отброшены на запад. Ильмерцы не оборонялись и сгинули (д. 8). 100 лет кельты и илмы (илиры) помогали праотцам (д. 28). Митридат разрешил русам селиться возле своих [на юге], но греки часто водили их на войну. Ослабленные этим русы ушли на Дон и Донец, затем на Днепр и Дунай (д. 32).

II в. до н. э.

Новояры (неры, [невры]) 1000 лет назад переселились на юг, в степи у моря. Грецколаны пришли туда, но были разбиты новоярами и запросили мира (д. 23).

I—III вв. Языги, костобоки и русы 200 лет боролись с враждебным племенем («злыми беглецами и ворами коров» [аорсы?]). Часть русов ушла к ляхам и живет там доныне. Через 100 лет пришли готы Гёрманариха (д. 5б).

II—III вв.

(?) Князь борусов Троян сделал княжескую власть наследственной. Это вызвало раздоры, тянувшиеся 500 лет [II—VII или III—VIII вв.] и кончившиеся хазарским игом (д. 3б).

Борьба с римлянами. II в. до н.э.— IV в. н.э.

1000 лет борьбы с римлянами и готами (д. 7в). Римляне пришли с возами и в броне, но были разбиты и не смогли захватить землю Троянову (д. 7а, 7б, 7в).

II—IV вв. Борьба борусов с римлянами у Дуная и Троянова вала (д. 7ж).

II в. Траян напал на дулебов 300 лет назад [?], за 500 лет до готов [?], был разгромлен, его легионеры 10 лет работали в плену (д. 29).

Борьба с готами, гуннами и римлянами. III—IX вв.

600 лет борьбы с готами (д. 3бб).

II—IV вв. После 120 лет войны готы под натиском гуннов и берендеев ушли в земли между Ра-рекой и Двиной (д. 6б).

IV в. За 50 лет до Алариха муж рода Белояра защитил синьских купцов на Ра-реке от гуннов, а на Днепре — от готов. Еще раньше род Белояра был сильнее гуннов (д. 9б). Гёрманарих — потомок Конориха и Готориха (д. 27). Германарих и Аларих привели готов на юг, в землю гуннов и берендеев. Аларих разбил гуннов, напал на русов, был побежден. Русы пустили готов в свою землю. Мир с Гёрманарихом (д. 6б). Готы Гёрманариха отброшены к Донцу и Дону (д. 5б). После поражения Гёрманариха готы осели между Калкой, Доном и морем и 400 лет [IV—VIII вв.] боролись там с соседями (д. 37а).

360-е гг.

Наступление готов (с севера и юга), римлян и греков. Союз русов с берендеями Сахи (д. 6б). Германарих, потомок Одориха, шел с севера (д. 14). Война с готами Гёрманариха и римлянами (д. 6а). Битва в Белогорье. Германарих отступил на север, греки — на юг (д. 23). Победа над готами. Победа над римлянами у Дуная (д.6а). Болояр (Белояр) помог берендеям: разбил напавших на них языгов (д. 8). 50 лет борьбы с готами [IV в.]. 100 лет борьбы с готами и гуннами [IV—V вв.] (д.6б).

Союз готов с гуннами. Нашествие Алариха с севера, гуннов с юга (д. 7в). Нападение готов Германариха (с севера) и гуннов. Белояр (Болорев) разбил гуннов, затем готов, убил сына Германариха (д. 8). Боярин Сегеня убил сына Гёрманариха и отбросил Алариха от Воронежца (д. 6д). Русы осадили и разгромили готов в Воронежце, Сегеня убил сына Гёрманариха и ранил отрока Алариха (д. 24д). Готы усилились в Воронежце, русы его сожгли (д. 24а). Победа над готами Алариха и гуннами. Возникновение Антии и Киевской Скифии (д. 7в).

Ок. 375—400 гг.

Германарих [Винитарий ?] разгромил Русколань, распял Божа-Буса и 70 знатных русов. Готы шли с севера, покорили русов. 100 лет готского ига [конец IV — конец V вв.]. Русколань разрушена готами и гуннами. Возникновение Руси Киевской и Антской (д. 8(27)).

Конец V в.

Вендеслав разбил готов, они бежали на север и исчезли, Готская земля стала русской (д. 32). Готы УШЛИ в Северязь по соседству с венедами и Жмудью (д. 8(27)). После Алариха готы ушли на север и пропали; увел их Теодорих (д. 8). Готы Теодориха ушли на север в Жмудь, оттуда — в Италию (д. 28).

Времена антов. Конец V—VI вв.

Русы правили требу Оседню (Орию) на берегу Понта и у Росии-града. Русы пришли от Белой Вежи и Росии на Днепр. Здесь Кий основал Киев.

Поляне, древляне, кривичи и ляхи собрались и стали русичами (д. 33). Поход Кия на болгар, возвращение Голуни. Лебедян (сын Кия) правил в Киеве от храма, сидя у горы. Болгары обложены данью. Победа над готами. Восстановление границ Русколани. Борьба шла 100 лет [VI—VII вв.]. Походы русов к Голуни и Сурожской земле; про правую руку — море Дулебское, по левую — готы, впереди, на юге,— эллины (д. 34). Династия Кия: Кий правил 30 лет, его сын Лебедян (Славер) — 20, Верен из Великограда — 20, Сережень — 10 лет и другие (д. 366).

531—534 гг.

Борьба с волохами (ромеями) на Дунае, разгром Хильбудия (д. 33).

560-е гг.

Кровопролитная война при Мезенмире (д. 24а). Волыняне и анты Мезенмира разбили готов, затем готов и гуннов (д. 24б). Победа над готами у Синего моря (д. 7б). Нашествие обров (д. 24 б).

Конец VI в.

(?) Моуха (Мах) объединил многих славян (д. 33).

VII в.

За 200 лет до Аскольда. Алдорих, готский король-жрец, потомок Конориха, нарушал слово, похищал русских женщин. Русы спорили, стоит ли воевать за готов (д. 18б, 27).

VI—IX вв.

Словен, брат Скифа, ушел на север и основал Словенск (д. 17а). Переселенцы из Старграда основали Новгород у Ильмерь-озера (д. 15а). Илиры (ильмеры) жили у озера [Ильмень]. Венеды осели дальше и ассимилировали ильмеров (д. 7з).

Борьба с хазарами и готами.

VII—VIII вв. Хазары приходили гостями, потом стали угнетать русов (д. 4б). Хазары дошли до Киева и осели там, подчинив русов (д. 4а).

IX в.

Боярин Скотень собрал в степи непокорившихся русов и в союзе с

иронцами разбил хазар. Готы напали на него, он с помощью иронцев победил их (д.4а). Скотень и боярин Гордыня разбили готов в 1003 г. от прихода славян на Русь (д.4б). Гордыня победил готов в 1003 г. от Карпатского исхода (д. 6д). Святояр, избранный князем Русколани и Боруси, выступил из Воронежца с 10000 конницы и разгромил готов (д. 4б). Хазары и готы напали на русов, но были разбиты у Киева. Готы ушли на север и там исчезли. Хазары ушли к Волге, Дону и Донцу, на Волге были снова разбиты и утвердились на Донце после готов. Русы завладели прежней землей Русколани (д. 4а).

Борьба с греками за Сурож. III—VII вв.

Русь разбита греками и римлянами. Походы русов к морю, основание Сурожа (д. 6е). Торговля с греками, создание Сурожа (д. 22). Сурож создан славянами и 400 лет [III— VII вв.] принадлежал им (д. 8(3)).

III—IX вв. В Карани (Керчи) русский князь победил греков. Они, пообещав дань, напоили и перебили русов, не послушавших предостережения волхвов Ухореза и Словена. Уцелевшие собрали силы и разбили греков (д. 25). Деды отбили греков, наступавших с юга, с Боспора (д. 19). На юге греки напали на русов; долгая война (д. 2а). Греки разгромлены и бежали. Алчность и неискренность греков (д. 8(2)). Греки хотели поработить русов в Хорсуни. 30 лет борьбы с ними. Торговля с греками. Они стремятся ослабить русов и сделать данниками (д. 7б).

V—VII вв. Походы русов к Голуни и Сурожской земле при Кие и позже. Греки отогнали русов на север, не пускали их на пастбища. Русы разбили Грецколань (д. 34).

VII—IX вв. Князь Бравлин победил греков у моря [конец VIII в.]. Русы пасли скот и давали пасти скифам. Грецколаны ставили города и 200 лет назад [VII в.] вынудили русов уйти на север (д. 18б). Греки торговали, основывали поселения, затем напали, поработили славян и огречили их землю (д. 8(3)). Греки разрушили Сурож (д. 22). Сурожские храмы разрушены греками, боги повергнуты (д. 19).

IX в. Поход русов на юг (при Скотене), создание Сурожа-Белояра. Поход

русского князя Криворога в Сурож, борьба его с греками. Ильмерцы обещали ему помощь (д. 4в).

860—870-е гг.

Греки подчинили болгар, хотят покорить Русь (д. 4б). Греки якобы дали славянам письменность. Илар (Кирилл?) тайком изучал славянское письмо и обряды (д. 8(3)). Бравлин II, правнук Бравлина I, призывает к походу на Грецколань. Не надо надеяться на венедов (д. 18б, 28). Призывы вернуть Сурож (д. 8(3)); отбить Сурож у врагов (д. 4г); идти на Хорсунь (д. 7г); разрушить Хорсунь и Амастриду (д. 8(3)); разрушить греческие поселения (д. 22); сбросить греков в море (д. 18б, 34). Греки заберут скот и дадут камень вместо еды. Презрение их к «зверям» — русам. Первая битва с греками; 200 погибших за Русь (д. 7г).

Борьба с варягами.

IX в. Варяги сменили хазар (д. 2а). Варяги пришли в Киев с купцами и били хазар. Каган просил Скотеня о помощи, тот отказал. Борьба Русколани с врагами (варягами?), захватившими Воронежец (д. 4в). Варяги захватили Киев после венеда Святояра (д. 4б). Аскольд пришел через 1300 лет после Карпатского исхода [V в. до н.э.] (д. 7г). Аскольд разбил русского князя. Аскольд, затем Дир — непрошеные князья (д. 6е). Аскольд охранял греческих купцов на Днепре, потом вместе с Кнудом пришел, чтобы захватить власть, якобы для защиты Руси. Дирос греческий завладел киевским престолом, потом был убит Аскольдом. Будут три Аскольда-варяга (д. 29). Аскольд и Рюрик ходят по Днепру и созывают людей на войну. Они — не русичи. Аскольд идет на ладьях грабить и лжет, будто уничтожит города греков и поклонится богам в их земле. Рюрик в степи бьет доверившихся ему купцов (д. 8(27)). Варяги пришли на Днепр. Призыв изгнать Рюрика. Нашествие ясов от Танаиса и Таматархи (д. 14). Аскольд крещен от греков (д. 6е). Он служит чужим богам (д. 6э). Крещение Руси (д. 38б).

Глоссарий к «Велесовой Книге»

**Звездочкой обозначены имена, известные лишь в «Велесовои книге» (В. К.).*

Аларих (Гуларех)* — король готов, соправитель Германариха (IV в.).

Алдорих* — готский король-жрец (VII в.).

Анты — восточнославянский союз племен (IV—VII вв.).

Аскольд — киевский князь, варяг (IX в.).

Бастарн — сын Словена, князь карпато-дунайских русов.

Белая Вежа (Саркел) — город на нижнем Дону (IX—XII вв.).

Белогорье — местность по правому берегу Дона, Оскола или Донца.

Белояр (Болояр, Болорев)* — а) князь русов (IV в.), победитель языгов, готов и гуннов; б) бог месяца марта.

Берегиня — верховная богиня, богиня воды и земли.

Березич* — бог берез.

Берендеи — кочевое племя, союзное русам.

Беседич* — бог беседы.

Благомир* — см. Богумир.

Бобреи* — воевода, предводитель похода с Днепра к Голуни.

Богумир (Благомир, Квасура)* — прародитель славян.

Бодич* — неизвестное божество.

Бож (Бус) — князь антов, распятый готами (IV в.).

Борвин* — князь венедов.

Боруслав* — князь славяно-русов.

Борусы — северные (лесные) русы.

Бравлин — а) русский князь, воевавший с греками за Сурож (конец VIII в.); б) князь, его правнук, возглавивший борьбу с греками и варягами (IX в.).

Бурих* — предок готского короля Алдориха.

Вала — демон, противник Индры.

Ведич* — бог знания.

Велес — бог луны и звезд, мудрости, земледелия, загробной жизни.

Венед — сын Бастарна, родоначальник венедов.

Венеды — балтийские славяне.

Венич* — бог месяца августа.

Вергун* — см. Индра.

Верен* — киевский князь из династии Кия.

Весь — финно-угорское племя, предки вепсов.

Ветрич* — бог ветра.

Волохи — византийцы VI в. (первоначально — кельты).

Воронежем, — город (у совр. Воронежа), место битв русов с готами в IV и IX вв.

Вышень* — верховный бог или его посланец; индийский Вишну.

Германарих — король готов (IV в.).

Голунь (Колунь)* — город, центр Русколани: Гелон Геродота.

Гордыня* — боярин, союзник Скотеня, победитель готов (IX в.).

Горислав* — князь славяно-русов.

Горич* — бог гор.

Гороват* — см. Хорив.

Горыня* — богиня горя, оплакивающая павших воинов.

Гостия* — бог гостей (купцов?).

Готорих* — прадед Германариха.

Готское море* — Азовское море.

Грецколань* — греко-аланы.

Грибич* — бог грибов.

Громич* — бог грома.

Гураик* — вождь, неверный союзник росов (IV в.).

Гъл — бог земного огня.

Даждьбог (Ясунь, Ясный) — бог солнца, покровитель праведных воинов, творец мира.

Дасы — народ, враждебный ариям, в Индии.

Дид — Дуб — Сноп — Триглав (триада богов), воплощение Сварога.

Дир (Дирос) — киевский князь, греко-алан (IX в.).

Дождич* — бог дождя.

Древа* — дочь Богумира, прародительница древлян.

Дулебское море* — Черное море (?).

Дулебы — восточнославянское племя, предки волынян.

Желя — богиня печали, оплакивающая павших воинов.

Жывич* — бог жизни.

Житнич* — бог месяца июля.

Жмудь — жемайты (западные литовцы).

Заребог* — бог зари.

Звездич* — бог звезд.

Зверынич* — бог зверей.

Зеленич* — бог зеленой растительности.

Зеленый край* — см. Семиречье.

Землебог* — бог земли (Велес?).

Земунь* — небесная корова.

Зернич* — бог месяца сентября.

Илар* — грек, «создатель» славянской грамоты (Кирилл?).

Илиры — см. ильмеры.

Ильмер — старец, воспитатель Бастарна, сына Словена.

Ильмеры (ильмерцы, илиры) — а) коренные обитатели Приднепровья, родственные славяно-русам; б) аборигень Приильменья.

Индра (Вергун) — бог грома и войны, Перун (или его помощник); индийский Индра.

Иньский край — Индия.

Ирий — рай.

Иронцы — сармато-аланы, аланы салтовской культуры.

Ирские горы — Иранское нагорье.

Иствара — Сварог, бог-творец; индийский Ишвара (Шива).

Калка Большая — р. Кальмиус.

Калка Малая — р. Кальчик.

Карань — Керчь.

Карна — богиня печали, оплакивающая павших воинов.

Квасура — см. Богумир.

Кий. — князь русов, основатель Киева: а) сын Ория; предводитель исхода из Семиречья; б) предводитель Карпатского исхода; в) русский князь конца V—VI вв.

Киммеры — а) киммерийцы (ираноязычные кочевники, предшественники скифов в Причерноморье); б) кимвры (германское племя, воевавшее с Римом во II в. до н. э.).

Кисек* — а) вождь славян, современник Ория; б) вождь карпато-дунайских русов, сын Венеда, правнук Словена.

Кленич* — бог кленов.

Кнуд* — варяжский вождь, союзник Аскольда.

Красная Горка — весенний праздник молодоженов.

Коло — временный цикл.

Коляда — праздник зимнего солнцеворота.

Комонебранец* — князь славяно-русов.

Конорих* — предок Германариха.

Костобоки — дакийское племя в Прикарпатье.

Красин* — бог красоты.

Криворог* — русский князь, взявший Сурож (IX в.).

Крович* — бог крови.

Крышень* — бог солнца; индийский Кришна.

Купала (Купалобог) — бог омовения, очищения; месяца мая.

Лад (Ладо, Ладобог) — бог родового порядка; месяца апреля.

Лебедян (Славер)* — князь, сын Кия (VI в.).

Ледич* — бог месяца января.

Леля — богиня весны.

Летница — богиня, жена Перуна.

Липич* — бог лип.

Листвич* — бог листьев.

Листъевержич* — бог листопада.

Ловим* — бог охоты.

Лютич* — бог месяца февраля.

Магура* — см. Матерь Сва.

Мар (Мор, Морок) и Мара, Мар-Мара — бог и богиня зла и смерти.

Маслин* — бог масла.

Матерь Сва (Матерь Сва — Слава, Магура)* — чудная огненная птица, божество войны.

Мах (Моуха) — князь волынян, объединитель славянских племен.

Мезенмир — князь антов, убитый аварами (VI в.).

Мезислав* — князь славяно-русов.

Милич* — бог любви.

Митридат — царь Понта и Боспора (120—63 гг. до н. э.), соперник Рима.

Моуха — см. Мах.

Мокошь — верховная богиня, божество воды, растений, прядения, овцеводства.

Мыслич* — бог мысли.

Набсур (Набусар, Набусарсар)* — царь Вавилона, покоривший славяно-русов.

Навь — загробный (подземный) мир.

Новояры (неры) — славянское племя, переселившееся из лесов в степи Причерноморья; невры античных авторов.

Обры — авары, кочевое племя, пришедшее в Причерноморье в VI в.

Овсень (Радогощ)* — осенний праздник (в В. К.); Новый год.

Овсенич* — бог месяца октября.

Оглендя* — боярин, современник Ория.

Огнищанин — домохозяин, глава семьи.

Одоакр — варварский король Италии, убитый Теодорихом.

Одорих* — предок Германариха.

Озерич* — бог озер.

Орий (Оседень)* — «арий», вождь славяно-русов, отец Кия, Щека и Хорива, предводитель исхода из Семиречья.

Пащек* — см. Щек.

Перун (Индра, Вергун) — бог грома и войны.

Перуница — богиня грома и войны.

Питар Дый* — бог неба; индийский Дьяус Питар.

Плодич* — бог плодов.

Палева* — дочь Богумира, прародительница полян.

Правь — духовный (небесный) мир.

Просич* — бог месяца ноября.

Протева* — Мать-Земля; индийская Притхиви.

Птичич* — бог птиц.

Пчелич* — бог пчел.

Пятиречье — Пенджаб, северо-западная Индия.

Ра-река (Рай-река) — а) Волга; б) мифологическая река, граница Яви и Прави.

Радич* — бог радости (или совета?).

Радогост — бог торговли.

Радогощ* — см. Овсень.

Ратич* — бог войны.

Род и рожаницы — верховный бог неба и судьбы и две верховные богини (Лада и Леля).

Родич* — бог рода.

Росия — Керчь.

Рус — сын Богумира, предок русов, предводитель исхода из Семиречья.

Русколань* — племенной союз славяно-русов (роксоланы).

Рыбич* — бог рыб.

Рыбяне — племя, встреченное славяно-русами (ихтиофаги?).

Рюрик — варяжский князь Новгорода.

Саха* — вождь берендеев (IV в.).

Сварга — небо.

Сварог — верховный бог неба.

Светич* — бог света.

Святич* — бог святости (праздников?).

Святовит — бог света, Яви и Прави.

Сева* — сын Богумира, предок северян.

Северязь* — а) север; б) Восточная Пруссия (готская Северязь); в) устье Вислы, Поморье (венедская Северязь).

Сегеня* — боярин, победитель готов (IV в.).

Семич* — бог семян.

Семиречье (Зеленый край) — прародина славяно-русов: а) юго-восточный Казахстан; б) Пенджаб (Сапта Синдху)

Сенич* — бог месяца июня.

Сережень* — князь из династии Киевичей (VI в.).

Сивый* — бог зимы; индийский Шива.

Симаргл (Огнебог, Огник, Смар и Гьл) — бог огня (в В. К.); крылатый пес, страж древа жизни.

Синее море — Черное море.

Синьцы — китайцы.

Скиф — предок скифов, брат Словена.

Скотень* — боярин, победивший хазар и готов (IX в.)

Скрева* — дочь Богумира, прародительница кривичей.

Славер* — см. Лебедян.

Славуня* — жена Богумира, прародительница славян. Словен — а) предок славян, брат Скифа; б) волхв, брат Ухореза.

Словенок — город, предшественник Новгорода (Рюриково Городище?).

Снежич* — бог снега.

Соломин* — бог соломы.

Спасич* — бог-спаситель.

Старгород — город, предшественник Новгорода (Ольденбург в Голштинии?).

Стеблич* — бог стеблей.

Страдич* — бог полевых работ.

Странич* — бог странников.

Стрибог — бог ветров.

Студии* — бог месяца декабря.

Сумь — финно-угорское племя (предки финнов).

Сура (сурица, сурыня) — ритуальный напиток; индийская сура или сома.

Сурож — славянский город в Крыму (совр. Судак).

Сурья — солнце, бог солнца; индийский Сурья.

Танаис — греческий город в устье Дона.

Таматарха — совр. Тамань

Твастырь — бог-ремесленник; индийский Тваштар.

Теодорих — король остготов (471—526)

Травич* — бог трав

Траян — римский император (98—117)

Триарий — король фракийских готов (конец V в.)

Тростич* — бог тростника.

Троян — русский князь, впервые сделавший свою власть наследственной (II или III в.).

Триглав — триада богов; великий Триглав: Сварог — Перун — Святовит.

Ум (Оум) — абсолют, духовная первооснова мира.

Ухорез — волхв, брат Словена.

Фасиское море — Каспийское море.

Фракийцы — древнее население Болгарии, Румынии, Молдавии и Прикарпатья.

Хорив (Хорват, Гороват) — сын Ория, предок хорватов (балканских и карпатских).

Хоре — бог солнца.

Хорсунь — Херсонес.

Хоруга (Хорыга)* — отец автора «Велесовой книги».

Цветич* — бог цветов.

Чернобог — бог зла и тьмы.

Числобог — бог времени.

Чудь — финно-угорские племена севера Восточной Европы (в т.ч. предки эстонцев).

Чурич* — бог предков.

Щек (Пащек) — сын Ория, предок чехов.

Явь* — земной, материальный мир.

Ягодич* — бог ягод.

Языги — сарматское племя на Волге и Днепре.

Яма — бог смерти; индийский Яма |

Ярила (Яробог) — а) бог весны и плодородия; б) весенний праздник.

Ясна* — богиня, покровительница праведных воинов (женская ипостась Даждьбога-Ясуня).

Ясунь — см. Даждьбог.

Ясы — кавказские аланы (предки осетин).

О ИСТОРИИ, ЧТО О НАЧАЛЕ РУССКОЙ ЗЕМЛИ И О СОЗДАНИИ НОВГОРОДА И ОТКУДА ПРОИСХОДИТ РОД СЛОВЕНСКИХ КНЯЗЕЙ, А В ИНЫХ ХРОНОГРАФАХ ЭТА ПОВЕСТЬ НЕ ОБРЕТАЕТСЯ

Эта летописная повесть создана в Новгороде в первой половине XVII в. на основе как книжных источников, так и местных преданий.

В лето от Сотворения Мира 2344 [3164 г. до н. э.], во второе лето после Потопа, по благословению Ноя-праотца разделилась вся вселенная на три части для трех сыновей: Сима, Хама и Афета. И лишен был за нерадение Хам благословения отца своего Ноя, поскольку Нои упился вином и когда протрезвел и уразумел, что сделал ему Хам, сын его, то сказал: «Проклят будь, Хам-отрок, и да будешь рабом братьям своим». И благословил Ной сынов своих Сима и Афета, которые прикрыли наготу отца своего, назад глядя, наготы же его не видя. И благословил сына своего Сима, дабы вселился в пределы Ханаанские, Афет же по благословению отца своего Ноя расселился в западных и северных странах до самой полуночи.

Через малое же время правнуки Афетовы Скиф и Зардан отлучились от братьев своих и рода своего, от западных стран и коснулись полуденных и поселились в Евксинопонте*, и жили там многие годы, и от них родились сыновья и внуки, и весьма умножились, и прозвались по имени прадеда своего Скифа скифами. И были между ними распри, и междоусобиц, и крамолы много из-за тесноты места. Родоначальники же тогда у них княжили, одного отца сыновья, пять единокровных, имена же их: первый Словен, второй Рус, третий Болгар, четвертый Коман, пятый Истер. От этого же племени в последнее время и каган-сыроядец объявился, о котором греческая история изъясняет**.

---

* Евксинопонт — Черное море.

** Колеаны — половцы. Истр — древнее название Дуная. Здесь ТК)ркоязычные степняки (половцы, хазары) представлены как сородичи славян.

О Словене и Русе

Князья скифские Словен и Рус мудростью и храбростью в роде своем всех превзошли, и начали размышлять с подданными своими премудро, и сказали так: «Или только всей Вселенной, что под нами ныне? Или нет в уделе праотца нашего Афета еще земли благой и для поселения людей пригодной? Слышали от отцов своих, что благословил праотец наш Ной прадеда нашего Афета частью земли всего западного, и северного, и полуночного ветров. И ныне, братья и друзья, послушайте совета нашего. Оставим подальше вражду эту и несогласие, что ныне из-за тесноты творится у нас, и двинемся, и идем от земли этой и от рода нашего, и пойдем по части света, которая, в уделе прадедов наших, куда нас приведет счастье и благословение прадеда нашего Афета и подаст нам землю доброплодную для обитания нам и родам нашим».

И люба была речь эта Словена и Руса всем людям, и все, словно едиными устами, сказали: «Благ совет князей наших, и добра и чудна речь премудрых держателей наших». И было в лето от Адама 3099 (2409 г. до н. э.), Словен и Рус с родами своими отлучились от Евксинопонта, и пошли от роду своего и от братьев своих, и. ходили по странам Вселенной, словно острокрылые орлы пролетали сквозь пустыни многие, ища себе места благоприятные, и во многих местах отдыхали, мечтая, но нигде не нашли селения по сердцу своему. 14 лет пустые страны обходили, пока не дошли до озера великого, Мойским называемого, потом же оно Словеном было названо Ильмер по имени сестры их Ильмери. И тогда волхвование велело им быть насельниками места того.

О начале Великого Словенска, Волхове и Волховце

Старший же Словен-князь с родом своим, что под рукой его, сел на реке, звавшейся тогда Мутной, потом же она Волхов прозвалась по имени старшего сына Словенова, звавшегося Волхвом. И поставили град и назвали его по имени князя своего Словенск Великий. Начало Словенску, что позже Новгород Великий прозван, от устья великого озера Ильмера вниз по великой реке по имени Волхов полтора поприща*. И от того времени пришельцы скифские

начали именоваться словенами, и реку некую, в Ильмер впадающую, прозвали по имени жены Словена Шелони, по имени же младшего сына Словенова Волховца назвали протоку, что течет из Великой реки Волхова и снова обращается в него. Старший же сын того князя Словена Волхов, бесоугодник и чародей, лютый среди людей, тогда бесовскими ухищрениями видения творя многие, превращался в лютого зверя кро-а, и преграждал в той реке Волхове путь водный, и не покорявшихся ему одних пожирал, других, выбрасывая, топил. Из-за этого люди, тогда невежды, богом сущим того окаянного нарицали и громом или Перуном называли, ибо белорусским языком гром «перун» именуется. Поставил же он, окаянный чародей, ради ночных видений, для бесовского собрания городок малый на месте некоем, называемом Перынь, где и кумир Перунов стоял**. И баснословят об этом Волхве невежды, говоря: в бога сей окаянный превратился.

---

* Словенск — видимо, Рюриково городище (возникло в IX в.).

** В Перыни раскопано святилище Перуна IX—X вв. Устная легенда о Перуне-змее известна не только под Новгородом, но и в Днепровском Надпорожье.

Наше же христианское истинное слово, неложным испытанием много испытанное, известилось о сем окаянном чародее Волхве, что он зло разбит был и удавлен бесами в Волхове, и чарами бесовскими окаянное его тело несено было вверх по той реке Волхову и выброшено на берег против волховного городка его, что ныне зовется Перынь. И со многим плачем тут невеждами погребен был окаянный, с великой тризной поганской, и могилу насыпали над ним весьма высокую, по обычаю поганых. И по трех днях после окаянного того тризнища просела земля и поглотила мерзкое тело крокодилово, и могила его просыпалась с ним на дно адово, так что и поныне, как говорят, след ямы той не наполнился.

Другой же сын Словенов, младший, Волховец, жил с отцом своим во граде своем Великом Словенске, и родился у Волховца сын Жилотуг, и проток

назвался по имени его Жилотуг, в нем же и утонул ребенок этот. Другой же брат Словенов Рус поселился на месте некоем расстоянием от Словенска Великого стадий 50, у соляного источника, и создал град между двух рек, и назвал его по имени своему Руса, которая и поныне именуется Руса Старая; реку же тамошнюю одну прозвал по имени жены своей Порусы, другую же назвал по имени дочери своей Полисты.

И иные города многие Словен и Рус поставили, и от того времени по именам князей своих начали зваться люди эти словянами и русами. И от Создания Мира до Потопа 2242 года, а от Потопа до разделения языков 530 лет, а от разделения языков до начала Великого Словенска, что ныне Великий Новгород, 327 лет, и всех лет от Сотворения Мира до начала Словенска 3099 [2407 г. до н. э.]. Словен же и Рус жили между собой в любви и преуспевали там, завладели многими странами тамошних краев.

Так же по ним сыновья их и внуки по коленам своим, и нашли себе славу вечную и богатства многие мечом своим и луком, обладали же северными странами и по всему Поморью До самых пределов Ледовитого моря, и окрест желтовидных и зеленовидных вод, и по великим рекам Печоре и Выми, и за высокими непроходимыми каменными горами в стране называемой Скир, то есть Сибирь, по великой реке Оби до устья Беловодной реки, вода которой бела, как молоко*, там брали дорогую шкуру зверя, называемого «дынка», то есть соболь. Ходили же и на Египетские страны и воевали, многую храбрость показывая; в Иерусалимских и варварских странах большой страх тогда из-за них царил. <...>

---

*Это самое раннее упоминание о Беловодии — блаженной стране, которую русские старообрядцы искали на восток от Алтая. Здесь Беловодия лежит на севере, подобно Шамбале и Швета-двипе (Белому острову) индийско-центральноазиатской традиции.

О запустении Великого Словенска и о поставлении и начале Великого Новгорода

По малом же времени пришел на землю Словенскую праведный гнев Божий, умерли бесчисленно во всех городах и весях, так что некому и погребать мертвых. Оставшиеся же люди из-за запустения бежали из городов в дальние страны: одни на Белые воды, что ныне зовется Белоозеро, другие на озере Тинном, и назвались весь, другие же снова на Дунай к прежним родам своим в старожитные страны вернулись. Великий же Словенск и Руса опустели до конца на много лет, так что дикие звери обитали и плодились в них.

По некотором же времени опять пришли с Дуная словене, взяли скифов и болгар с собой и начали снова грады те населять. И пришли на них угры белые, и разбили их до конца, и привели Словенскую землю в конечное запустение*. Через многое же время того запустения услышали скифские жители, беглецы словенские о земле прадедов своих, что лежит пуста и никем не бережена, и о том пожалели весьма и начали мыслить, как бы им унаследовать землю отцов своих, и снова пошло с Дуная множество их без числа, с ними же скифы и болгары и иностранцы пошли на землю Словенскую и Русскую, и сели снова у озера Ильмеря, и обновили град на новом месте, от старого Словенска по Волхову поприще и больше, и назвали Новгород Великий, и поставили старейшину-князя от рода своего именем Гостомысла.

Также и Русу поставили на старом месте, и иные грады многие обновили, и разошлись каждый с родом своим по широте земли: одни сели в полях и назвались поляне, то есть поляки, другие же мазовшане, те же жмутяне, те бужане, по реке Бугу, те дреговичи, те кривичи, то есть смоляне, те чудь, иные же меря, то есть ростовцы, иные древляне, иные морава, сербы, болгары, иные же северяне, иные лопь, иные же мордва, иные мурома, а иные же различными именами прозвались**.

---

* По данным археологии, славяне пришли в Приильменье в VI —VII вв., в эпоху войн с Византией на Дунае. Угры белые — хазары, господствовавшие в Восточной Европе со второй половины VII в.

** Здесь финно-угры (весь, меря, лопь — саамы и др.) представлены соплеменниками славян.

О пространстве Земли русской и о княжении князя Гостомысла

И так начала расширяться страна Русская весьма, и общим именем прозвались от старейшего князя Гостомысла и сына его молодого Словена. Он отошел от отца своего в Чудь, и там поставил град во имя свое на месте, называемом Ходницы, и нарек имя граду Словенск, и княжил в нем три года, и умер. Сын же его Избор, змеей укушенный умер. Земля же Русская тогда сняла с себя ризы печальные и снова облеклась в порфиру и виссон, и к тому уже не вдовствуя, не сетуя, но снова по сем детей расплодила и, на много лет отдыхая, пребывала с премудрым Гостомыслом.

Когда же он в глубокую старость пришел и не мог уже ни рассуждать, ни владеть такими многочисленными народами, ни уменьшить многомятежных кровопролитий в роде своем, тогда этот премудрый муж, седой умом и волосами, призывает к себе всех властителей русских, что были под ним, и говорит к ним с улыбкой на лице: «О мужи и братья единокровные, я уже состарился весьма, крепость моя исчезает и ум отступает, но только смерть приближается. А вот вижу, что земля наша добра и всеми благами изобильна, но не имеет у себя властодержца и государя от рода царского; от того у вас мятеж великий и неутешный и междоусобица злая. Молю вас, послушайте совета моего, что скажу вам: по смерти моей идите за море в Прусскую землю и молите там живущих самодержцев, что от рода кесаря Августа*, родичи кровные пусть идут к вам княжить и владеть вами. Нет для вас стыда таким покориться и в подданстве у них быть».

---

* Книжная легенда о происхождении Рюрика из Пруссии и от Августа сложилась в XVI в. под влиянием легенд о римском происхождении литовских князей.

И возлюбили все речь старейшины, и, когда он умер, тогда всем градом проводили до гроба с почестями, до места, называемого Волотово, и погребли его*. По смерти же Пгстомысла послали всей Русской землей послов своих в Прусскую землю. Они же шли и отыскали там курфюрста, или князя великого, по имени Рюрик, из рода Августова, и молили его, чтобы шел княжить к ним. И умолен был князь Рюрик, и пошел на Русь с двумя братьями Трувором и Синеусом, а третий с ними Олег, и от того времени начал править на Руси первый великий князь Рюрик.

_____

* Курган Гостомысла на Волотовом поле раскопан в начале XIX в. З. Доленга-Ходаковским.

Иоакимовская летопись*

О князьях русских старобытных Нестор-монах был плохо осведомлен, что делалось у нас, славян, в Новгороде, а святитель Иоаким, хорошо осведомленный, написал, что сыновья Афетовы и внуки отделились, и один из князей, Славен с братом Скифом, имея многие войны на востоке, шел к западу, многие земли у Черного моря и Дуная себе покорил. И от старшего брата прозвались славяне, а греки их то похвально алазонами, то поносно амазонами (т. е. женами без грудей) именовали**, как о том стихотворец древний Ювелий говорит.

_____

* Татищев В.Н. История Российская.— М. Л., 1962. Т. 1.— С. 108—113. Иоакимовская летопись была открыта В. Н. Татищевым, но затем утеряна и сохранилась лишь в его сокращенной копии. По языку Датируется XVII в., но в

основе ее, возможно, лежит подлинное сочинение Иоакима Корсунянина, первого новгородскою епископа (конец X — начало XI вв.).

**Алазоны (греч. «прославленные» или «хвастуны») — оседлое скифское племя на Южном Буге. Потомками амазонок греки считали сарматов. Амазонские легенды известны и славянам (чехам, русским).

Славен — князь, оставив во Фракии и Иллирии на краю моря и по Дунаю сына Бастарна*, пошел к северу и град великий создал, по своему имени Славенск назвал. А Скиф остался у Понта и Меотиса в пустынях обитать, кормясь скотом и грабительством, и прозвалась страна та Скифия Великая.

После устроения Великого града умер Славен-князь, а по нем владели сыновья его и внуки много сот лет. И был князь Вандал, владея славянами и ходя всюду на север, восток и запад морем и сушей, многие земли на краю моря завоевал и, народы себе покоря, возвратился во град Великий.

После этого Вандал послал на запад подвластных своих князей и свойственников Гардорика и Гунигара** и с великими войсками славян, руси и чуди. И они пошли и, многие земли завоевав, не вернулись. А Вандал разгневался на них, все земли их от моря до моря себе покорил и сыновьям своим отдал. Он имел троих сыновей: Избора, Владимира и Столпосвята. Каждому из них построил по одному городу***, и по их именам назвал, и, всю землю им разделя, сам пребывал в Великом городе годы многие, и в старости глубокой умер, а по себе Изберу град Великий и братьев его во власть предал. Потом умерли Избор и Столпосвят, а Владимир принял власть над всей землей. Он имел жену из варягов Адвинду, весьма прекрасную и мудрую, о которой многое старые повествуют и в песнях восклицают.

---

* Бастарны жили в Нижнем Подунавье, но не во Фракии (южной Болгарии) и Иллирии (Югославии).

** Вандалы — германский племенной союз, сложившийся в начале н.э. в Польше; включал в себя, возможно, и часть славян-венедов. Гярдарики —

(«страна городов») — скандинавское название Руси. Гунигард («гуннский город») — Киев (в хронике Гельмольда XII в.).

*** Видимо, города Изборск (возник в VIII в.), Владимир на Клязьме (основан в 1108 г.) и д. Столбово (у Тихвина).

По смерти Владимира и матери [?] его Адвинды княжили сыновья его и внуки до Буривоя, который был девятый после Владимира, имена же этих восьми неведомы, ни дела их, разве что в песнях древних вспоминают.

Буривой, имея тяжкую войну с варягами, много раз побеждал их и обладал всей Бярмией до Кумени*. Впоследствии при той реке побежден был, всех своих воинов погубил, едва сам спасся, пошел в город Бярмы, что на острове крепко устроен, где князья подвластные пребывали, и, там оставаясь, умер. Варяги же, снова придя, градом Великим и прочими обладали и дань тяжкую возложили на славян, русь и чудь.

---

* Бярмия — Биармия скандинавских саг (низовья Северной Двины;, здесь Финляндия и Карелия. Кимени — р. Кюмени-йоки (на юто-востоке Финляндии) или Кемь в Карелии. Бярмы — по мнению В. Н. Татищева, Кексгольм (Корела, ныне Приозерск).

Люди же терпели печаль великую от варягов и, послав к Буривою, испросили у него сына Гостомысла, чтобы княжил он в Великом граде. И когда Гостомысл принял власть, то варягов, бывших там, одних избил, других изгнал, и дань варягам отменил, и, пойдя на них, победил, и город во имя старшего своего сына Выбора при море построил*, учинил с варягами мир, и была тишина по всей земле. Этот Гостомысл был муж сколь храбрый, столь мудрый, всем соседям страшен, а людьми его любим из-за справедливости и правосудия. Потому все окольные чтили его и дары и дани давали, покупая мир с ним. Многие же князья из далеких стран приходили морем и сушей послушать его

мудрости, и увидеть суд его, и просить совета и поучения его, так как тем он прославился всюду.

_____

* Выборг был основан шведами в 1293 г. возле русского поселения XII-XIII вв.

Гостомысл имел четырех сыновей и три дочери. Сыновья его одни в войнах погибли, другие дома умерли, и не осталось у него ни одного сына, а дочери выданы были за соседних князей. И была Гостомыслу и людям его о том печаль тяжкая. Пошел Гостомысл в Колмогард* вопросить богов о наследии и, взойдя на вершину, принес жертвы многие и вещунов одарил. Вещуны же ответили, что боги обещают дать ему наследника от чресел его. Но Гостомысл не поверил этому, поскольку стар был и жены его не рожали, и послал снова в Зимеголы** к вещунам вопросить, и те сказали, что должны унаследовать ему свои. Он же, и этому не поверив, пребывал в печали.

_____

* Холмоград — скандинавское название Новгорода («островной город» или от славянского «Холмоград»); Славенский холм — древнейшая часть города.
** Зимеголы — Земгалия (южная Латвия).

Однажды спал он в полдень и видел сон, будто из чрева средней дочери его Умилы произросло дерево великое плодовитое и покрыло весь град Великий, от плодов же его насыщались люди всей земли. Восстав же от сна, призвал вещунов, чтобы истолковали ему сон этот. Они же сказали: «Сыны ее должны унаследовать ему, и земля обогатится княжением его». И все радовались тому, что не унаследует сын старшей дочери, поскольку негоден был. Гостомысл же, видя конец жизни своей, созвал всех старейшин земли от славян, руси, чуди, веси, мери, кривичей и дреговичей, объявил им сновидение и послал избраннейших к варягам просить князя. И пришли по смерти Гостомысла Рюрик с братьями и родичи их.

(Здесь об их разделении, кончине и пр. согласно с Нестором, только все без лет.)

Рюрик по смерти братьев обладал всей землей, не имея ни с кем войны. В четвертое лето княжения его переселился из старого в Новый град к Ильменю, заботясь об управлении и правосудии, как и дед его. И дабы всюду суд и расправа не оскудели, посадил по всем городам князей из варягов и славян, сам же назвался князем великим, по-гречески «архикратор» или «василевс», а они — князья подручные. По смерти же отца своего обладал варягами, получая дань от них.

Имел Рюрик несколько жен, но больше всех любил Ефанду, дочь князя урманского*, и, когда та родила сына Игоря, дал ей обещанный при море город с Ижорой в вено.

_____

* Урманский — норманнский (норвежский).

Славяне, живущие по Днепру, называемые «поляне» и «горяне», будучи притесняемы хазарами (что градом их Киевом и прочими обладали, собирая дани тяжкие и работами изнуряя), прислали к Рюрику знатных мужей просить, чтобы послал к ним сына или иного князя княжить. Он же дал им Аскольда и воинов с ним отпустил. Аскольд же, придя, овладел Киевом и, собрав воинов, разбил сначала хазар, затем пошел в ладьях к Царьграду, но буря разбила на море корабли его. И, возвратясь, послал в Царьград к царю. (Здесь на странице подписано: утрачены в летописце 2 листа. А начато: Михаил же возблагодарил бога, пошел к болгарам...)

Рюрик после ухода Аскольда был очень болен и начал изнемогать; видя же, что сын Игорь весьма юн, передал княжение и сына своего шурину своему Олегу, варягу, князю урманскому.

Олег был муж мудрый и воин храбрый, слышал от киевлян жалобы на Аскольда и, позавидовав власти его, взял Игоря и пошел с войсками к Киеву.

Блаженный же Аскольд предан киевлянами и убит был, и погребен на горе, где стояла церковь святого Николая, но Святослав разрушил ее, как будет сказано.

<...> В Новгороде люди, узнав, что Добрыня идет крестить их, учинили вече и поклялись все не пустить в город и не дать идолов свергнуть. И когда пришли, они, разметав мост большой, вышли с оружием, и хотя Добрыня уговорами и ласковыми словами увещевал их, но они слушать не хотели и, выведя два камнемета больших со множеством камней, поставили на мосту, словно на сущих врагов своих. Высший же над жрецами славян Богомил, за сладкоречив нареченный Соловьем, весьма запрещал людям покориться.

Мы же стояли на торговой стороне, ходили по торжищам и улицам, учили людей, сколько могли. Но гибнущим в нечестии слово крестное, как апостол сказал, кажется безумием и обманом. И так пробыли два дня, несколько сот крестя. Тогда тысяцкий новгородский Угоняй, ездя всюду, вопил: «Лучше нам умереть, чем богов наших дать на поругание». Народ же той стороны, рассвирепев, дом Добрынин разорил, имение разграбил, жену и некоторых из родственников его убил.

Тысяцкий же Владимиров Путята, как муж смышленый и храбрый, приготовил ладьи и, выбрав из ростовцев 500 мужей, ночью переправился выше города на ту сторону и вошел в город. Никто же его не устерег, потому что все увидевшие думали, что это свои воины. Он же, дойдя до двора Угоняя, того и других знатных мужей схватил и послал к Добрыне за реку. Люди же той стороны, услышав это, собрались до 5000, окружили Путяту, и была между ними сеча злая. Некоторые по пути церковь Преображения Господня разметали и дома христиан грабили. На рассвете Добрыня со всеми бывшими при нем приспел и велел у берега некоторые дома поджечь. Люди, этим еще больше устрашенные, побежали огонь тушить; и, когда прекратилась сеча, знатные мужи, придя к Добрыне, просили мира*.

---

* В Новгородских слоях 989 г. найдены следы пожара и клады, что подтверждает рассказ Иоакимовской летописи.

Добрыня же собрал воинов, запретил грабеж и идолов сокрушил: деревянных сожгли, а каменных, изломав, в реку бросили, и была нечестивым печаль великая. Мужи и жены, видя то, с воплем великим и слезами просили за них как за сущих своих богов. Добрыня же, насмехаясь, им отвечал: «Что, безумные, сожалеете о тех, которые себя оборонить не могут? Какую пользу вы от них чаять можете?» И послал всюду, объявляя, чтобы шли ко крещению. Воробей же посадник, сын Стоянов, что при Владимире воспитан был и весьма сладкоречив, пришел на торжище и больше всех увещевал.

Шли многие, а не хотевших креститься воины волокли и крестили, мужей выше моста, а жен ниже. Тогда многие некрещеные сказали о себе, будто крещены. Потому велели мы всем крещеным кресты деревянные либо медные и оловянные на шею надевать, а тем, кто того не имеет, не верить и крестить их. И разметанную церковь снова соорудили. И так крестя, Путята ушел в Киев. Из-за этого люди поносят новгородцев: «Путята крестил мечом, а Добрыня огнем».

Сказы и сказки, записанные Ю. П. Миролюбовым

Сказ Юрьевской ткачихи

У Бога Небо-Земля сырая, у людей корова молочная, у Бога Даждь идет, а у бабы — ведро молока в руке! А повелел Бог звездам горети, а повелел коровам телиться, а и людям плодиться. А як не было еще света, так один Бог был, Млга* была, а взял Бог Млгу ту, та натянул кросна, та основу, та пряжу спрял, а с того и свет стал! А после мывся Бог да терся, а вехоть вниз упал, так Земля стала, из того, из Божьего вехтя!**

---

* Млга (мгла) — здесь: изначальная материя, а также местопребывание души до рождения (соответствует Нави «Велесовой книги»).

** Образ ткача — демиурга свойствен некоторым мифологиям (например, платоновский миф о веретене Ананки — Необходимости).

А осталася Млга по балкам, а в той Млге души томилися, все души христианские, что на свет Божий еще не родилися, а молили Христа, Божью Матерь, чтоб до света явитись, чтоб с людьми жити. Отвечала им Божья Матерь: «Души человечьи, христианские! Не може до вас Сын мой отповедати, а не може до часу на землю пустити».—«А мы ж, Матерь Божья, не грешники, та пока мы души, безгрешные, по милости Божией, а станем грешными в людях, так покаемся!»

Сказ Захарихи про Поранко*

Миф о создании человека из тряпки, которой Бог утирался в бане, известен славяно-финским волхвам («Повесть временных лет» под 1071 г.) и мордвинам.

---

* Поранко — Перун.

А родился Поранко в час, когда Гром гремел, а зачался, когда Дуб в лесу цвел, а когда вырос он, мужать стал, да Богу молиться стал часто, и сказал ему

Бог: «Чего хочешь ты?» — «Силы моей попытать хочу!» — «Ну, так видишь вон ту гору? Взойди на нее и жди, а я дам тебе возможность силы твоей попытаться». Пошел Поранко на гору ту и видит, все горы с земли сдвинулись, пошли плясать, перву гору подпирать, и стала та гора самая высокая, ибо все горы земли вошли в нее. «А что, Боже, уже кончилось все?» — спросил Поранко у Бога тогда. «Нет, еще не кончилось! — отвечал ему Бог.— Стой на горе той да жди еще!»

И видит Поранко, все леса задвигались, а все Дубы в один Дуб срослись, а Бог взял тот Дуб за верхушку, выдернул, как травинку, на гору поставил. Стал такой Дуб, что всем Дубам Дуб! И спросил Поранко: «А что же теперь, Боже? Кончилось все теперь, что Ты сказал?» — «Нет, еще не кончилось, подожди еще!» И видит Поранко, что все моря и реки в одно море слились, в одно великое море. И спросил Поранко: «А что, Боже, теперь?» И ответил ему Бог: «Возьми Дуб тот, с корнями вырви его да ударь по морю, изо всей твоей силы ударь по нему!» И схватил Поранко Дуб тот, с корнем вырвал, размахнулся да ударил по морю! И такой шум-гул пошел, это такое, что оглох Поранко, не слышит ничего, а такой свет пошел от удара того, что ослеп Поранко, ничего не видел после. И узнал он, что Бог его коснулся, и снова увидал свет Божий, и услышал все.

Сказ Захарихи про тот свет

За старую годину, за часы давние ходили Пращуры по степям, стада гоняли, в телегах жили, и все добро на возу, и жена с детьми, и все добро — скотина в степи, овцы, коровы, лошади. А был в те времена старик один, он был Дед из Дедов, самый старый, самый древний, всем дедам дед. <.. .> И скажет Пращур такой людям добрым: «А теперь вы, люди добрые, не знаете, как было в часы, когда Пращуры наши могилы копали, царей хоронили, а с теми царями коней его добрых, а с ними и вояков его верных слуг, а с теми слугами и жену его, что сама на себя руки наложила, перед саньми царскими убиваючись, чтоб с ним ехать в Край Дальний, на Святую Воду Реки Большой, а где Семь Рек течет, где Рай стоит, а тому Раю имено Ирий есть, и там цветы

цветут, не вянут николи, и там Ангелы летают, как птицы поют, в кущах зеленых садятся, и николи лист с тех кущей не падает.

А тамо и сын мой родимый живет, сын родимый, что в бою убит был, от руки поганца, злого недруга, а и там Деды наши и Прадеды, что пошли на вень Богу жати, а что больше до нашего поля не придут, на коров, овнов не глянут больше, а и те там живут, стада гоняют, а и царь ихний — Бог один наш, а Ему, Богу, ответ держать, и Его одного только слушаются. И в том Раю — Ирию Ясном, в зиме птички живут, весны ждут, а по весне, коли зелено все, коли вишни цветут, домой летят, под крышу нашу в гнездо свое, что о прошлый год птенцов водили, а и в этот еще, гляди, выведут.

И летят скворцы, ласточки наши, летят жаворонки, Бога славят, летят весной под крышу нашу, и щебечут нам, а мы не разумеем, а щебечут они слово ясное, несут привет нам с Того Света, от Родичей наших, что пошли на вень, на жатву Божию, а что нас помнят, а хотят нам сказать про добро наше, а хотят помочь, зла уберечь!

И знают они все, что будет с нами, а им Бог сказал и Ангелы Его, и говорят они ласточкам малым: «Ты лети, лети, ласточка малая, лети домой, весточку неси, а скажи отцу с матерью, чтоб по мне не плакали, не тревожили! Я свое отжил, отстрадал уже, и пускай они свое доживают, а пускай они свое дострадают!» И летит ласточка, грудка белая, прилетит домой, на дерево сядет, защебечет, засвищет, за сердце возьмет, а что она говорит, не разумеешь ее! А говорит она, чтоб не печалился, не тужил понапрасну по отце с матерью, что отжили свое, и ты живешь, а отживешь, и ты с ними будешь!

Сказ Захарихи про старые могилы

Ой, что же там за старые могилы стали, ой, что ж там за курганы стоят? А в тех курганах счастье наше лежит, а в тех зеленых — люди лежат! А лежат там люди, цари наши старые, а лежат царицы, вояки с коньми, а лежат угодники Божьи, дети, старцы, а ждут они Страшного Суда Божия, а и выйдут они потом на радость нашу, а и станут они: «То же дети наши! А коли они в чем виноваты, так мы здесь, а мы за них отвечаемо, за них страждемо! А коли ж они что

наделали греховного, так мы за них ответ несем! А коли они добра делали много, так и наш общий грех нам позбавится! А коли ж они ни добра, ни зла не делали, так и то им в добро сочтется! А коли ж они зло делали, да прятались, да умерли, что ни одна душа не знала, как жили они, что творили, так те люди — не наши дети, а за них стыдимся, от них отрекаемся! А несем ответ только за тех из них, кто признал грехи свои и в них каялся!»

И скажет Бог в ответ им всем: «Идите до Рая Моего, ибо не знали Меня, но жили, как если бы знали, за то прощаю вас, и детей ваших грешных прощаю тоже, а тех не прощаю, что не прощаете и вы, а те пойдут от Меня в Ад Вечный, и будут там мучиться до скончания Веков!» И скажут угодники Божьи самому Богу: «А что же будет с ними по скончании Веков?» И ответит Бог, скажет им: «Гляньте! А что в Книге Моей написано, то прочтите, но никому не говорите о том ни слова!» И прочтут угодники Божьи слова те, перекрестятся, поклонятся и отойдут прочь.

Сказ Прабки Варвары о царе Свароге

Когда Земля Ойразская* и погибала в огне и воде, снеге и льде, царь Сварог с 12 царями Сварожичами спас всех, кто послушался. Непослушные все погибли. Отплыли Ойразы в бурю по морю и поплыли, как царь Сварог Трезубом показывал, все на полдень и на полдень. Взяли они с собой только немного коров, коней и овец, да птиц, кур, гусей, уток. Плыли они не день и не два, пока нашли горы и Зеленую землю. И когда отплыли, уже утром видели на том месте, где Земля Ойразская раньше была, туман и тучи. Над теми туманом и тучами летали птицы.

---

* Земля Ойразкая соответствует Атлантиде и Арктиде-Гиперборее

Приплыли ойразы до твердой земли, и царь Сварог повернул назад, хотел еще спасти, кого можно. Однако, когда приплыли до того места, где Земля Ойразская раньше была, ничего не нашли. Только плавали еще в воде трупы, доски, разное хозяйство. Поплакали ойразы и назад повернули. Поставил царь

Сварог над Пращурами нашими царя Вентыря, а сам с 12 царями младшими поплыл еще дальше на полдень, Игипетской земли искать*. Скоро вернулся, бо не нашел Игипету. Стал царь Сварог землю устраивать, людей расселять, коров разводить. Запретил три года мяса есть. Поплыл снова на полдень искать Игипету. На тот раз нашел и 30 лет учил людей, как пшеницу сеют, как плуги, шабли куют. Тем часом русы обжились на новой Земле. Тридцати царей-Родовиков было над ними. Старший царь — Вентырь был главным над ними. <...>

---

* Вентырь — Индра (?). Сварог как царь Египта и культурный герой выступает в летописной статье 1114 г. и в славянском переводе хроники Иоанна Малалы.

Когда царь Сварог уплыл в первый раз искать Игипету, то он приказал своему воеводе Яношу сшить из кожи одежду, на которую нашить разрезанные копыта. Когда царский челн зашел на большую реку, царь приказал Яношу зайти в воду и набросить на кол веревку, чтобы причалить. Люди той земли, видя Яноша, его узнали и кричали: «Янош! Янош!» Между тем, пока Янош выходил из воды, вода с него текла, и он был, как рыба*.

---

*Янош — Оаннес (Эа, Энки), месопотамский бог воды, изображавшийся в виде человека-рыбы.

Сказ Прабки Варвары про царя Гуряна*

---

* Гурян соответствует Орию «Велесовой книги». Путь предков здесь, очевидно, лежит из Индии через Месопотамию в Малую Азию, затем двумя путями (через Кавказ и через черноморские проливы и Дунай) в Северное Причерноморье.

Жили Пращуры наши далеко, в земле, где жарко было и где дождей мало было. И гоняли они стада коров и баранов и тем жили. И сказал им царь Гурян

однажды, чтобы к пути-дороге готовились, потому что без воды тяжко им было. Пращуры царя Гуряна любили и во всем слушались. Приготовились люди и пошли, погнали коров впереди, баранов с ними, а сзади повозки с волами. Скоро пришли они к берегу Великой реки. Стали поить скот, сами напились. На другой день многие захворали. И сказал царь Гурян, чтоб шли дальше. Пошли люди дальше. Скоро другую реку нашли. Пили из нее воду, скотину поили. На другой день никого хворого не было.

Царь Гурян сказал: «Отут будемо! И вода тут добрая, и трава по берегу растет. То будет земля наша». Отырло-вались Пращуры на новой земле. Все бы хорошо было, да раз почалась Земля та трястись, да почали змеи из-под камней вылазить, людей кусать. Поумирало много людей. Тогда царь Гурян сказал: «Пойдем дальше!» И пошли Пращуры дальше. Скоро нашли новые места. Нашли реку, земли, степи и лески небольшие. Остались на той земле. Прилетела туда сарана и все как есть съела. Приказал царь Гурян и ту землю покинуть.

Пошли Пращуры дальше. Что ни придут, все не так: то хвороба на людей нападет, то стада хворают, а то засуха траву бьет, скотину нечем кормить. Царь Гурян все водил да водил людей с места на место, все лучшего края искал. Стали люди на него сердиться. Стали против царя Гуряна вставать. Слушаться его перестали. Собрал он тогда стариков и сказал: «Не хотите меня слухать, так живите вашим стрыбом! Я же зову за собой тех, кто мне еще верит». И набралось больше половины таких, что верили царю Гуряну. Повел он их кудась на полночь, и там они исчезли.

Остальные Пращуры себе стали царя выбирать. Да что ни скажут, люди не хотят. Выберут другого, и другого не хотят. Так дошли до того, что уже никто и в цари не хотел идти. Да и кому охота, чтобы его не слухались? И что можно сробить с людями, которые никого не слухаются? И встал тут старшина Зарян и сказал: «Мои дети, сыновья с женами умеют стрелять и шаблюкою играться умеют! Они меня слухаются беспрекословно. Отхожу с ними и стадами моими на три версты. Завтра кто хочет, пускай пристает к нам. Обиды

никому не будет. Однако у меня приказ будет такой: кто не слухается, голову ему долой! Не можно, чтобы дети да старики из-за них погибали!» И забрал свою скотину, отошел вбок, стал там станом. В ночи на него разбойники напали, но Зарян их отбил. Утром стали к нему люди приставать, и скоро увидали, что смутьянов-то — кучка малая, и десятка нет. Пошел Зарян-старшина вперед, а смутьяны остались, да скоро их разбойники побили и пограбили.

Повел своих людей Зарян-воевода все насмер западу, коро дошли до берега моря, и все берегом, берегом дошли до гор, потом до больших степей. Там долго стада гоняли, затем еще пошли, через протоку прошли, опять долгой землей шли, дошли до такой реки, что ни вплавь, Ни людями не переплыть. Однако Зарян-воевода перешел с людьми и скотом и эту реку. А когда за Дунаем стал, в степы пошел, там уже и остался. Живут люди в степу том, от врагов берегутся и видят: перед ними тоже кто-то скотину пасет. Стали присматриваться, а то же — Пращуры царя Гуряна! Обрадовались им зарянские люди, соединились с ними, и великая сила у них стала. Царь Гурян пришел до Заряна пешки и просил по-прежнему править людьми своими. Но Зарян-воевода отвечал так: «Был ты царь наш и остался, а я как был воевода, так и буду». Обнял его царь, поблагодарил, и стали пращуры наши все вместе жить.

Сказ Захарихи про Трояна-царя*

---

* Орай — Орий, его три сына («Троян») — Кий, Щек и Хорив. Путь с прародины (Семиречья) здесь проходит через Трою и Дарданеллы.

Когда деды дедов наших да бабы баб наших пришли с краю дальнего в степи наши, а было то неподалеку от Ирия — Рая Птичьего, где мостили они гать большую, чтоб через семь рек быстрых ходить да ездить, да мостили, а сами поссорились, да разошлись одни на полдень, другие на сход сонечка, а третьи на закат, да ни одна волость не пошла до полночи, так пошли они на полдень, а затем на закат, а дошли до моря узкого.

И долго там жили, да пришли другие, люди чужие, на них напали, город разбили, разорили, сожгли, а пошли тогда наши деды на тот берег, через море узкое на кубышках спасались, а много скота потопло, много коней пропало, а рады были, что вырвались, так там Орай-царь сказал им: «Три сыны у мене, а в Троицу веримо, так и пусть они будут вам по мне Троян-Царем, а судить будете друг друга сами, а собираться на сборы сами, они ж будут за час войны, та чтоб всех их за тот час послухались!»

И стал у дедов дедов дедов наших, у пращуров, у праб, у прад наших царь Троян, а то три браты, и первый шел до Киева, град ставил, и другой шел до Хурвати-Гор, а там жил с людьми, и третий шел до чехов и там жил. И стали жить прады наши под Троян-царем, а Бог дал ему жизнь долгую, бо то во имя Святой Троицы, а жил он семьсот лет, а коли отжил, так помер, Богу преставился. А наши правды были с ним счастливые, и никогда уж такими не будут!

Сказка про царя Золоча*

---

* Здесь землетрясение вынуждает предков покинуть не индийскую, а карпатскую прародину, откуда они уходят на восток.

Жили люди в степу, скотину водили, от ворогов береглись, Богу молились, ели, пили, плясали, про старовину рассказывали. И тут стал старик кобзарь и начал петь про стари часы, про Родовиков наших и Родичей. А спевал он про то, как бились деды наши за землю, скотину, за водопои, а как отличалися. И спевал кобзарь про трудные часы, когда пришли Пращуры наши в край горный, а там засели. Да однажды проснулись они в страхе, все горы и долы плясали, камни валились вниз, а скотина, что была в долине, стояла на верхах новых гор, выросших в одну ночь, и ревела. Схватились они за скот свой, за детей и жен и кинулись, поспешая, в ту сторону, откуда солнце встает. Долго шли они, долго скитались, с врагами бились, пока не пришли сюда, где и мы живем.

Сказ Захарихи про царя-пахаря*

---

* Миф о царе-пахаре — общеиндоевропейский (легенды о чешском князе Пржемысле, готском короле Вамбе и т. п.). Ритуальную пахоту совершал на Руси еще Иван Грозный. Подобные обряды известны в Египте, Перу и др.

Коли прадеды наши пастухами были, да не было у них хлеба, не было проса, а надо было им все у соседей менять за коров, телят, овец тучных, а коли хотелось свежего, так траву ели, корешки варили, щавель крошили, да мяса положат, воды дольют, да так и едят каждый день. А пошли бабы ягод собирать, нашли грибы, катран нашли, а с ним морковку, лук дикий, а зимой мяса много надо, а хлеба не хватает, менять на жито надо, вот и пошел царь ихний, коня оседлал, солдат забрал, поехал с ними к соседнему царю в гости, а подъезжает к его царству-государству и видит: народу много вышло в поле, думал, чтоб его встречать, а после видит, что царь соседский Житняк волов ведет, в плуг запрягает, да того плуга в землю ставит, да благословился, и пошел вперед, борозду первую сам своей рукою правит от выхода Солнца до заката.

Поглядел царь Орай, да и назад повернул, волов приказал подать, в землю корень дубовый воткнуть, на волов покликнул, вперед погнал, а пошли волы, земля поднялась, а за той бороздой первой вторая легла, а за ней третья, и так до конца поля. И когда полежала земля дня два-три, зачерствела, сыпаться стала, приказал царь Орай пень Дубовый выкорчевать, привязал к нему волов своих и пошел боронить, землю равнять. И глядят на него люди старые, покивают: «И что царь наш Орайко с ума сошел! И на что он землю дерет, над ней знущается?»

А царь Орай землю боронил, зерно сеял, а затем, посеявши, стеречь стал, чтоб ни птица не ела, ни зверь какой, а тут Бог из туч на него глянул, увидал, что посев лежит, тучу смял, а из тучи той дождина хлынул, полил землю тую засеянную, напоил, а коли напоил, зерно прибил, землей прикрыл, а там солнце

взял, из туч выпустил, землю согрел. Через три дня зелень вышла, крохотная, маленькая, живучая, а вышла зелень, всходы пошли, стали к солнцу пьясться, к Богу тянуться, дождя просить малого, тучного.

Глянул Бог из тучи седой, смял тучу, выдавил из нее Дождину нужную, и пошел всходы жита нового, и пошло оно расти, цвести, колоситься, а там солнце припекло, повысушило, и созвал царь Орайко баб своих всех, чтоб колосья рвать, жито венить, в снопы класти, на ток везти, молотити, зерно веяти, а коли зерно свеяли, между двух камней терли, муку стерли, хлеба сделали, и стало тут по куску и старому, и малому, и хвалили все Орайко царя за ум его, и несли ему хлеба первого, а тот сказал: «Хлеб Богу дайте!»

Послухались мужики его, царя своего, хлеб Богу дали, Славу Ему сказали, и нам заповедали работать в поле, чтоб хлеб был и старому, и малому, да чтоб люди от голода не пухли, да кореньями горькими не питалися. И потому царю тому Орайко славу скажемо, да коли бы не он, царь Орайко тот, так и днесь бы хлеба не знали, да в зиме лютой без хлеба бедовали!

Сказ про царя Тимоху

Коли остались наши Прадеды без царя, пошли они к святому человеку, который жил в лесу и все знал наперед, как будет, и тот сказал им: «Пойдите, и кого встретите в поле пашущим землю, тот и будет нашим царем». Они пошли и встретили мужика, который пахал землю, и выбрали его царем. Для этого они положили хлеб-соль на его соху, и тогда он сказал: «Ну, Бог благослови!» Поцеловал землю и стал царем.

Сказ деда Канунника «Наученье Дуба»

Жил-был Иван, великий до неба, а дурной, как треба, и пошел Иван землю пахать, да все не знает, с чего начать! А с краю поля было два дуба, видят, что работа Ивану люба, да что сам он, Иван, невеликий пан. Вот, он бился-бился, в труде уморился, заругался грубо и сел под Дубом. Иван все сидит, а конь перед ним стоит, стало солнце припекать, залег Иван спать. Спит и во сне видит, что один из Дубов не Дуб, а что растет у него чуб, в коре два сучка глазами стали, из коры губы зашептали, и говорит ему Дуб: «Ты мне,

Иване, люб, возьми ветку с другого Дуба, обтеши ее, как срубишь, и будет тебе соха, будешь ею землю пахать!» Иван сразу проснулся, птицей встрепенулся, за работу взялся, а как с ней справлялся, стал сохой землю пахать да Бога восхвалять, вернулся домой, к токам, рассказал старикам, а те удивлялись, Иваном похвалялись.

Сказ Захарихи про царя Усилу Доброго

А за старых часов, за древние дни были Пращуры наши в лесах-степях, пшеницы не сеяли, на мясо меняли, на кожи, сало на волну овчую. А жили-были они счастливо, просто, наукы не знали, читать-писать не умели, Богу молились, как в душу пришло, а были рядными, были честными, добрыми, а никогда ничем друг перед другом не кичились. Водили они скот в степях, овец в траве, коней пасли, да на них скакали, а коли царь скажет, так казаковали, береглися, саблею хранились, умели драться, семьи свои защищая, а и кажд знал коня, как мужик уздечку, а и кажд знал скот, как ученый книгу, а коли корова падет, знал лечить, а коли человек заболеет, знал, как оздравить, и друг другу они говорили лишь правду, и никто не лгал, старших слухался, дедов почитал, баб поважал, детей хранил, жен защищал, слабому давал споможение, а и каждому было чего есть-пить, а и всякому место было у костра, в ночи ночлег, во дню поможение.

И ходили за стадами на конях они, а завидя вора, гнались за ним, от своих отар отгоняли, до богатства своего не допускали. И был царь у них Усила Добрый, и царь тот, как люди его, в телеге спал, попоной на ночь, как все, покрывался, в голову седло клал, сено подтыкал, а в ночи встанет, к костру пойдет, сторожей проверять в ночи начнет, а и горе тому, кто заснул в траве! Уж он его кием толстым огреет, по задам наколотит, всю пыль выбьет!

На заре вставали прадеды наши, на восток ясный молились, а так говорили в молитвах тех: «Красуйся, заря ясная, красуйся в небе! Встаешь рано, до нас ходишь, молоко нам в горшке несешь, да небом шла, молоко пролила, и горит твой след в ночи ясной, серед звезд Божиих, через все небо. Будь счастлива, Заря ясная! И будь счастлива, Заря утренняя! Будь счастлива,

пастушка Зорька! А се бо поклон отцу с матерью, а се бо поклон дедам с бабами, а се брату родному, что рано преставился, а се сестре нашей, что умерла! Та пусть они звездочка горят в небе ясном, у Бога нашего!»

И так они молились, Бога славили, и давал им Бог добра много всякого, все на жизнь ихнюю потребное, а и лишнего не давал им Бог, бо от лишнего человек нищится, а от лишнего жена портится, сыны гуляют, работать бросают, дочки расходятся по чужим людям, а от лишнего человек остается один сам с собой, всем лишний. А в те часы люди добрыми были, соседу помогали, работали, за работу, за хлеб-соль платы не брали. И за те часы молодежь была до старых почтивая, до малых бережливая, и сама в простоте жила, чистоту хранила, и не знали люди греха в жизни, зла не знали друг к другу, зависти, ничем друг перед другом не хвалилися.

И ходил к ним Бог в простой свитке, говорил с ними, указывал, а они, люди, в простоте своей думали, что то Дед старый ходит к ним, с уважением отвечали, кланялись, и ниц падали, когда видели, что землею шел Старец тот, а то небом, дорогою светлою, заревою, что Заря шла да молоко несла, да, несши по небу, пролила, а то молоко в небе светится, Путь Господень людям показывает.

Вот, игрались дети в траве, а девочка одна землю рыла, вскапывала, а в нее травинки тыкала, и слышит голос позади: «А что, дитя, делаешь?» Отвечала она: «Разве не видишь? Поле сею!» И сел возле нее, в траве Старец Белый, сказал ей: «Не так надо сеять! Возьми это». — «А что это такое? Будто зернышки?» — «Ну да, зернышки, посади их, полей! Через две недели приходи, посмотри». Взяла девочка, сделала, как Дед сказал, посадила зерна в землю, полила, а через неделю на том месте ростки были, а через неделю огурцы, дыни, арбузы взошли, и все хвалили, ели, Деда славили.

И стали старики землю рыть, бороздить, стали зерна те в землю садить, и с того научилися хлебопашеству, и горох стали сеять, и чечевицу, и фасоль, и всякую бобовину, а с нею и лук степной, чеснок крепкий, и стал вырастать лук-чеснок, стал крепиться, а и людям стало чего есть, кроме молока, масла да

творогу сухого. И царь Усила Добрый к ним ходил, на огороды их глядел, потом к дубу шел, срубал дуба, плуга делал, потом волов запрягал, землю брал, а пашню ту скородил, зерно сам сеял, и людей научал, как работать в поле, а коли урожай был, Бога славил, мед пил, брагу крепкую, сусло сладкое, да ковш выпил, на землю лил, а сказал так: «Земле дайте пити! Бога хвалите, в честь его лейте, чтоб коли на землю глянет, да увидит пятно браги на ней, чтоб знали, что люди Его хвалят!»

И стали прады наши и прабы землю раяти, стали хлеба сеяти, зерна собирати, Бога славити. Ему хвальбу слати. И так жили прады наши и прабы в степи, скот гоняли, землю раяли, как Бог дал, как Бог повелел им, и больше не нуждались, и у других людей муки не брали. И пришел к ним богатый купец чужой, стал им сребро, злато показывать, на кожи, на сало выменивать, на мясо говяжье да на овчину. И набрала царица Гордыня сребра-злата, стала им покрашаться, стала в волосы цеплять, стала кольца носить, браслеты, в парчу, в бархаты тело завивать, а по ней почали все женки так делать, а за женками девчата стали краситься, а хлопцы стали златом сабли красите, серебром уздечки правити, и стали друг друга завидовати, у кого уздечка лепше, у кого саблюка, и стали величаться, над другими смеяться, и жизнь стала хуже, люди тоже, и не стало простоты прежней.

И сам царь стал скучати, стал войну промышляти, чтоб еще больше злата-серебра было, чтоб быть лучше другого царя, и на все то царица его подбивала, на те мысли ненужные навожала, а через то на лишнее в жизни людской, и стала жизнь уже завистная, стала она скаредная да тяжкая, ибо людям надо было к войне дбатися, надо оружие было сотворяти, надо кузни было поставляти, сабли ковати, ножи крепкие, и на войну идти среди лета. И стало у прадов с прабами тяжко жить, трудно дбатися, и стало царю от Гордыни той царицы-красавицы трудно работать, добиватися.

А узнал про то царь соседский, что Усила-царь на войну тщится, и сталось у него також беспокойство, стали люди сабли ковати, к ответу готовитися, людей научати, как других людей бити, как на конь садиться, в

поле чистом скакати, казаковати, воевати. И скоро соседский царь своих наставлял, а коли Усила-царь войска поднимал, да шли прады, кто с вилами, а кто саблею помахивал, выступило тут войско противное, и была тут сеча великая, а много народу перебили в ней, и воронью бросили на поклев, и столько зла пошло, что другие люди, дальние соседи друг в друга вцепилися, и пошли тоже казаковати, на людей налетати, и по всей земле, где прады жили, один царь повстал на другого, и добра с того не было, а зло одно, и скотину поели, и горох вытолкли, и кувшины побили, нечем есть стало.

И заплакали деды тут, стали жалитися, на Гордыню царицу нарекатися, что коли не она, так и царь Усила на соседей бы войной не пошел. И Гордыня кричала на людей тех, что коли б они царя слухалися, так врагов бы всех перебили давно. И пошло еще большее помрачение, на поля запустение, на скот убыль, и люди не знали, как дальше жити.

И напали тут враги на всех их, на тех, что билися, и на тех, что готовились, и забрали все, и Гордыню взяли, за шею до воза привязали, голую кнутами по задам били, в полон уводили, людям своим сказали, чтоб пришли смотреть на тех на прадов, а на тех праб, что немудрыми были, и что все потеряли, всего решилися, а царя самого в землю зарыли, а кто ушел, по всей земле бежал, а по всей земле русская людина растекалася, распылялася, а с того пошла и Русь великая, что ни в шапку собрать, ни конем объехать, и что краю-конца в ней не видано.

И сам Бог над землею нашей плакался, и не знал, как ее вызволяти теперь, да махнул рукой и так оставил, и так Русь наша выросла, размножалася, землю раяла, скот водила, и за тысячи годов восставалася. Так и деды наши с бабами песни про то пели, Бога просили, чтобы миру дал, чтобы хлеба дал, а что лишнего, то ненадобно.

Сказ Захарихи про царя Панька

<... > Еще Прадед мой с Прабабою говорили мне про царя Панька, а за того царя Панька земля была тонка, носом копнешь — и воду пьешь! А за те часы Русская земля объявлялася, а за те часы собиралася, а люди те до купы

гребли, наносили издали, насыпали, а и стала земля твердая, темная, и можно было по ней ходить, опираться, и никто больше вглубь не проваливался. А почали ветры дуть буйные, а почали дожди идти страшные, а та земля разъехалась, рассыпалася, и снова земля тонка была. А дул ветрами Самострибглупый, а лил дожди Самолей другой*, а они над тугой Русской потешалися, а что земля тонка стала, смеялися.

---

* Самострибб — Стрибог. Самолей — злой бог ливней (известен лишь по данному сказу).

И пришел тут Святожар святой*, он тому Самострибу погрозил пальцем, он Самолею тому показал кулак, и снова сонечко засветило жарко, и снова люди землю носили, от всех краев гребли, собирали ее, пока толщу целую не насыпали. И сказал им Святожар Святый, что под тонкой корой земной вода течет, а что нет той воде конца-краю, и что плавает на ней корка тонкая, а захочет Бог, так и потонет, а коли теперь нанести земли, так теперь утвердится и сложится, и останется твердо стоять до конца веков, пока не будет над ней благость Божия.

---

* Святожар — Святовит.

А сказал то Святожар святой, а сам в Рай пошел Путем Ясным, что в ночи горит всеми цветами, да что Зорька шла по небу ровно да коров доила, Молоко несла, а и то Молоко Небесное расплескала, и видно оно в небе, дорогу кажет, по которой в Рай Святые идут, по которой воины на коньках скачут, кто живот за землю отдал в поле брани, а кто пал за царя, за Родину, да за веру Святую Православную.

Самостриб про то слышал, головой качал, Самолей слышал, помалкивал, а коли Святожар Святой ушел по небу, Самостриб почал тучи гнать, задувать, а Самолей почал дождем хлестать. И дули они месяц целехонький, и дождем

лили тоже целый месяц, а земли Русской размыть не смогли, ни травы побить на ней высокой, ни скотину потопить не смогли они, уморились, оставили так, ушли догмой, отдыхать легли, а тем часом народ наш собрался, стариков позвал, судить начал, а как хаты строить, коли дерева нет, а как складывать, коли камня нет.

И сказали деды им с прадедами, чтоб копали яму великую, а землю до нее с водой замешали, чтоб добавили травы сухой, а и ту землю ногами месили, а из нее кирпичи делали, да на сонечку их высушивали, а из них себе хаты складывали. <...> Вот и скоро они все села сделали, города сложили из кирпичей тех, травой, соломой крыши покрыли, а и стали себе церкви Божьи ставити*, а потом стали себе царя искати, а нашли его, сделали царем Великим, над Землею Русскою Православною.

---

* Жилища из кирпича-сырца в Северном Причерноморье в древности не строились. Сырцовые дома и гробницы сооружали саки (азиатские скифы) на Сыр-Дарье.

А как стали звонить они, чтоб царя славить, а церква та земляная осела, пошатнулася, развалилася. Опечалились прадеды наши, заплакали, а царь сказал им так: «Не плачьте вы! Собирайте мне с двора каждого по рекруту молодому, сильному, а я их научу, как в поле ходить, а я их научу, где леса добыть, а где камня взять для Церквей Божьих, а и как города поставить покрепче!» А собрал царь со всей земли рекрутов, поставил их на площади, а и стал их учить дней пять подряд, как ходить уметь, как стоять уметь, аи как из ружья палить, из пушки, по всякому неприятелю. А потом повел их полем чистым в землю соседскую, дерева брать, камней накладывать телег больших, домой везти.

<...> А пошла с того война великая, а сказал царь Бурван солдатам своим: «Идите вперед, за землю нашу, за храмы Божьи, то не могут быть под соломой простой, из земли ставлены, из праха сделаны, а из камня, а чтоб все внутри из

дуба было, а чтоб знать, куда Сноп нести, за часы Спожин наших великих!» И пошли солдаты царские вперед, забирали они камень белый там, а из камня того белого после на Руси алтари Божьи делали, а из дерева того дубового доски тесали, а из досок тех иконы делали, а на них Божьи Лики писали Святые.

А когда соседи видели, что царь Бурван не хотел в их земле ничего другого, говорили они потом людям русским: «Как бы знали мы вначале все, так и против вас не стави-лися, и сами бы дали на храмы Божьи камень белый и лес дубовый!» А на то царь Бурван сказал: «Не верьте им! Лгут они вам с большой хитростью! Знали они все до последнего, да не хотели дать нам, а продать все, обмануть, за тридорога!»

А пока царь Бурван сказал своим то, те соседи к себе в капища шли, ворожили там перед идолами, да Черняка своего звали к себе, чтоб явился, помог им против Руси, да чтоб Мор забрал с собой в дорогу, да на нас, на Русь его выпустил! Появился Черняк, Морягу привел, а и с ним Мару его замурзанную, а и тех Мор-да-Мару на нас пущал! А как пошли люди корчиться, а за живот хвататься, муках мучиться, увидал то царь наш Бурван добрый, сплакался, Беляка позвал на подмогу*.

---

* Черняк —— Чернобог, Беляк — Белбог.

И явился Беляк на тройке коней, коней белых с подпаиною, а и спрыгнул он с воза своего, да погнался за Черняком и поймал его. Душит Беляк Черняка за горло, повалил наземь, в землю тычет, а сбежалась вся Русь кругом, помогать хотела, да сказал царь Бурван: «Сторонитеся! И не нам то дело, а Богу единому, а мы можем стоять, на то взирать, а не можем мы до того мешаться здесь, а можем молиться, Бога просить, чтоб дал он Беляку силу многую!» И стали люди кругом, стали — крестятся, Бога молят, чтоб на помощь шел Беляку тому в благовременье.

Вот лежит Черняк, посинел совсем, понатужился, понапрягся весь, да и сам Беляка хватил за душу, да уже сверху лежит, уминает его! А и тут пришел Младенец Ясный*, сам мал так, смешно взглянуть на него, подошел, пальчиком ткнул Черняка, а и тот свалился, как Громом побитый, без сил вовсе. И сказал тут Младенец Ясный: «Ты бери его, Беляк наш храбрый, да свяжи его веревкой крепкою, на телегу клади, ко Мне вези, а я его там поучу уму-разуму!»

---

* Младенец Ясный — очевидно, Даждьбог — Ясунь.

И сделал так Беляк с Черняком, вязал его веревкою крепкою, валил к себе на телегу свою, да вез его на край земли, а там повернул коней направо он, и люди уже видели, как в Небе везет, Дорогой-Путем Молочным едет, где Заря ходила, Молоко разлила, а где Бог пасет Овец Своих, да где звездочками сверкают Души Праведные, и где Бог сидит на Престоле Своем.

Как увез Беляк Черняка до Неба, где судить его будет Бог единый, тут Младенец взглянул на Мор-да-Мару, и сказал им: «Коли вы такие злые, так вцепляйтесь вы друг в дружку, а людей моих верных оставьте в покое!» Как сказал им Младенец Малый слова те, так вцеплялися Мор-да-Мара друг в дружку, руками врасталися, ногами, да так, злые друг на друга, ругаясь, и бегали кругом, на потеху людей. И Младенец тот Ясный ушел за телегой, по Пути Млечному, в Небо синее. <...>

И война бы та тем и кончилась, но забыли все про Крутягу* злую, что жила да шипела под старой колодой, а и та Крутяга злая была, как ведьма, волосы ее всегда распатланы, зубы у нее желтые да черные, из-под сухих губ выглядают гладко. А было ей, Крутяге злой, лет сто, а коли разозлится, совсем молодеет, и щеки румянцем горят, и глаза блестят, и глядит она, от зла радеет, от зла веселится, смеется даже.

---

* Крутяга напоминает Ягу (с ее змеиными чертами) и эддическую ведьму Гуллвейг (Жажду Золота).

И выползла из-под колоды она, как змея вытянулась, встрепенулась, и шипеть стала на людей Русских, наговаривать заклятья на них страшные, а еще к тем заклятьям чары пускала, чары темные, злые, навадливые, чтобы всех людей перессорить потом, и чтоб после разбить их, развеять, а и Церквей Божьих не строить совсем, чтоб остались они без помощи Божьей.

А в те часы Земля заневестилась, расцвела Земля, Весну ждала, а приехал сначала Жених* веселый, юноша молодой, голова в цветах, а за ним прилетела тройкой коней Невеста сама с подружками. И пришел Жених к Невесте той, и запели подружки песни свадебные, а Земля потянулась, понатужилась, треснула, ростками пошла, ростки потянулись, цветами стали, и сорвал Жених цветы те красные, понабрал он синих, желтых цветов, нарвал белых, в телегу бросил, и помчались все вперед, в дали дальние, с песнями, с цветами, с лентами, а Невеста цветами бросалась, а Жених, веселый, брагу пил, брагу пил и встречным давал: «Пейте, братья мои, люди Русские! Пейте за наше здоровье! За Весну мою, и чтоб счастья нам Бог послал немрачного!»

---

* Жених весенней Земли — Ярила.

И пили все, веселились с ними. А потом упились, чарами взялись, от Крутяги злой отправлялись, да поспори-лись, да повздорились, да пошли драться ни за что, ни про что, а пошли драться, Крутягу обрадовали, и стала она краше цвета в поле, щечки старые налились красой, волосы лохматые стали пышными, зубы желтые побелели как есть, и стала Крутяга красавицей, на чужом, на несчастье разжилась, на чужой боли обрадовалась, чужой страсти раздобрялась, и стала она одеваться в шелка свои, в шелка-бархаты, щеголять пошла, зазывать к себе молодых парней, да садиться с ними в уголку темном, да шушукаться, да присватываться.

И сдурели юноши молодые, стали бегать за ней, за бабой старой, а как та морщинку на лице видит, так опять колдует яростно, и опять люди дерутся

Русские, кто за кем ходит, да кто что сказал, да у кого два теляты, а у кого четверо. А как слышит то Крутяга злая, так и маковым цветом цветет, наливается, и румяна она, и бела собой, а и телом пышна, грудью крепкою, не знает никто, не ведает, что старуха та, ведьма злая, да что днем красна, хуже к вечеру, а в ночи на нее жутко глянуть совсем.

И задумался царь Бурван, сказал так всем: «За отца моего, за царя Панька, <...> не было такого сорому нигде, не было нигде побоища такого, ни питья такого, веселия, ни вражды такой невиданной. А клянусь я вам, что и сыну моему, Паньку-царевичу землю чистую дам, а что выведу зло на ней начисто, а что где оно скрывается, там и сцапаю я его, истреблю вконец!»

Услыхала то Крутяга злая, порешила, конец ей будет, коли царь найдет! Порешила, ворожить стала, чаровать пошла, напускать туман, чтоб и царь сам ничего не знал, и чтоб царь сам не знал, где она. Порешила так, поворожила она, всех нечистых себе на помощь звала, чтоб пришли они, ратовали ее, чтоб спасли ее, бабу лютую. И пришло их видимо-невидимо, всех цветов, всех мастей, с рожицами, у кого из них бороденки козлом, у кого — рога завитые, у кого копытца стоят бобриком, у кого они лаптем стоптанным, а у этого хвост крючком, как у пса дворового, шелудивого.

И сказала им Крутяга злая до соседей идти, народ мутить, чтобы кинулись они на Землю Русскую, чтоб войну начинали жестокую. И пошла вся сила ихняя, до соседей кинулась, навела тьмы на них, сбила с толку, одурманила, подняла, ружья дала, в поле бросила. Идут они на царя русского Бурвана, идут, похваляются, криком кричат: «Уж мы того царя на куски разорвем! Уж мы его в полон заберем! Уж мы на нем землю пахать будем!» Увидела стража на границе, как идут они, зажгла огни сторожевые, отступила. <...>

Собиралось ополчение Земли Русской, кто на коне, кто на воле, а кто пешком, доходило ополчение до царя русского, кланялось ему до земли, говорило: «А веди нас, царь наш, куда скажешь! А умрем за тебя, коли повелишь!» Отвечал им царь: «Ребятушки! Помирать и дурак может, а вот

жить-то надо! Надо так воевать, чтоб целы были! А идите теперь половина направо, а другая половина налево, да стойте, в траве прячьтесь, ждите приказа моего царского». Пошло ополчение на два конца. В траве залегло, разделилося, а царь собрал хромых, слепых, дал им всем оружие, послал вперед, да наказ дал, как завидят врага, так чтоб сразу отступать пошли.

Идут врага, в бубны бьют, в дуды гудят, в сопели, гусли звенят, в горшки стучат, на царство русское надвигаются, а и царство то по Волге сидит, а и царство то по Дону лежит, а оттуда до самого сонечка закату, там, где ложится оно в кроватку златую, где спит в ночи под кустами розовыми.* Увидали враги, как царь русский идет, а воины его слепые да хромые друг за дружку держутся, в пути падают, рассмеялись они, расхохотались, саблями в небо тычут, щитами звенят, победой легкой похваляются да на Русь нашу летят с пиками!

---

* Царство Бурвана (до Волги на востоке) соответствует державе Ория и Русколани.

А дал царь Бурван знак своим, а те две рати из травы выскочили, одна спереди, друга позади, да врагов зажали, тут им духу дали! Да били, гнали их, полонили, а враги сабли кидают, щиты свои, руки к небу вздымают, сдаются. И царь знак дал всех брать, никого не рубить, а ихнего царя к телеге привязал, да так с коньми вместе и ехал он, а царь чужацкий повозку вез, заместо пристяжного, буланого. Пришли они до Града Русского, что Гуляй-город* прозывался, а где царь наш на Столе сидел, ноги в чеботках сафьяновых на скамеечку поставивши.

---

* Гуляй-город — Голунь (Гелон).

И на улице народ кричит, царя славит нашего, русского, а над царем чужацким насмехается. А наш царь народ останавливал, а наш царь почести отдавать приказывал царю чужацкому, что в плен попал, а так говорил он

народу нашему: «Уж ты, народ, что дите малое! Победа наша была, ну и есть на том, а что царь ихний сорому набрался, заместо буланого в повозку запряженный, так и хватит него! Отпустим его!» А народ кричит: «Не пущай! Не пущай! Он тебе, выродок, еще не такого наделает! Ты, царь, бери его землю всю! Чего там много с ним растабаривать!»

Ну, царь наш знак дал воинству, разогнали народ солдатушки, по домам послали кашу варить, быков резать, овец готовить, чтоб было чем порадоваться, да чтоб квасу побольше в бочках катили, да чтоб вина несли, меду крепкого. А Крутяга злая народ возмущает, а Крутяга злая народ подбивает: «Возьмите царя чужацкого злого, убейте его! Зачем детей наших бил?» И народ стал помышлять недоброе, как царя ему схватить пленного, да как его увесть, изнущиться над ним, да чтоб там и убить его, на задворкаких, да чтоб бросить его воронью на съедение!

<... > А вышло так, что Крутяга злая пробралась кошкой на кухонь царскую, да везде огонь и сгасила там, да кресала всем послюнила, да труты всем обглодала, вот и нечем огня зажечь на кухонях! <...> А везде в печах огонь выгас! <...> А на весь Гуляй-град ни искорки! И как быть теперь, никто не ведает. Побежали к попу, может, у него есть, от лампадки зажечь, коли нет огня. А и там, у попа, огня нет как нет. «Ну, служи-ка, поп, нам молебен! Пущай Бог сам нас надоумит, как!» Пошел поп служить все молебены, а сам служит, кадила разжечь нельзя пустым кадилом и помахивает. Ни свечи тебе, ни лампадки нет.

А входил туг до церкви малыш такой, а совсем еще он маленький, а и тот малыш сказал людям: «Не печальтесь! Огонь будет! Пойдите к дубу из церкви и там ждите!» И все смотрели, где же мальчик тот? А его уже нигде не было. Вот и вышли все на площадь большую, где дуб старый рос, а где царь суд правил, и стали люди подле дуба, и видят, будто птица летит, а та птица огонь в клюве несет, ветку дубовую горящую! А та птица ветку кидает, а людям так говорил: «Зажгла я ветку дубовую от сонечка! А летала к нему, а перья опалила, а теперь лечу в гнездо свое, а там ждать буду, аж перо отрастет». И,

сказав так, летела низко, летела боком, улетела к себе, а люди, хватив ветку горящую, бежали до кухонь, огня зажигали, и был в тот день огонь везде, и люди, празднуя, страву ели, о птице Горючей рассказывали, Бога славили и царя поважали.*

---

* Птица Горючая — Матерь Сва.

И слышала про то Крутяга злая, а еще больше злобилась, распалялась на людей, на царя русского, да на град-Гуляй — Град большой, да на все его население. И шла она бочком от столов общих, в избе своей запиралась, в хате окна занавешивала, ворожила на горшках старых, бесовское варево делала, насылала беды на царство русское.

А тем часом Беляк пришел, а Паруньку* приводил, а давал он Паруньке дручок большой, а тот не простой, а дубовый, и давал ему еще пику длинную, а та не простая, а дубовая. И шел Парунька, на коня садился, а конь его рыжий, седелка новая, повода парчовые, стремена серебряные, узда золотая, а конь не конь, а чудовище! Как воспрянет конь, как начнет бить задама, как заржет человечьим голосом: «А и здесь она, треклятая! На Кривой на улице сидит, ворожит!»

---

* Парунька — Перун. Миф о бое Громовника со Змеем или змеевидной богиней — общеиндоевропейский (Зевс и Тифон, Персей, сын Зевса, и Горгона и др.).

Да как кинется вскачь к дому тому, что на улице бочком стоит, крышей соломенной покосившись, да как сиганет через забор, да как в двери ударяет копытами, а двери гнилые валятся в прах, а ведьма косматая в окно сигает, а Парунька ее копьем тычет да дубинкой дубовой по головешке — раз! Тут и выскочил из нее дух поганый, а засмердел он так, что все носы заткнули, от той хаты, от Кривой улицы побежали. А Беляк идет следом, хочет ведьму вязать, а

она издохла уже, старая, дряхлая, и вся красота ее навороженная сошла с нее, и поганой стала.

И сказал Беляк: «Вот что, люди добрые! Собирайте солдат побольше, бо успела она, треклятая, на Русь нашу добрую врагов назвать! А идут они по полю чистому, идут многие, конями и пешие, и будут здесь назавтра-че, и треба буде их бити, а я, Беляк, помогу вам!» Поднимался тут народ весь за землю, а валил народ до царя русского, говорил ему: «Веди ты нас, а уж мы тебе послужимо!»

И наутречко гадяки* были у самого Гуляй-града Руска, и билися с ними прадеды наши, до последнего отбивалися, а гадяки те изумлялися, и откуда та Русь силу бере, и откуда Парунька взялся? Как даст дубиной по полку ихнему, так и нет полка совсем. А как грохнет своей оружией, так гремит громом долго в небе, и никак с ним гадяки не справляются! А Беляк на них теме скоро, а их разгоняет во все концы, а гадяки не знают, куда текать!

---

* Гадяки — готы.

И скоро стал конец войне, запрошали они миру от Руси, а коли стали просить того миру, пришел Панько-царе-вич и сказал: «Батька мой, царь Бурван, помер даже, как узнал, что, гадяки, пришли вы! Ну, так я теперь замест его и даю вам знать, что оружию понесу мою аж до ваших степов, а заберу всю скотину вашую, а девчат, которых покра-ше, себе возьму, чтоб вы больше на злато наше да на сребро не зарились!»

И, сказавши так, пошел на гадяк, пошел на царство ихнее гадячее, и как сказал, так и сделал там, скотину брал, девчат забирал, а гадяков всех разгонял в степи, и сказал, что с ими миру не буде, пока Русь живет, пока русские на земле своей дышать будут! А и скоро царство то гадячее от других соседей знищилось, и по том, по Донце загину-ло, а и сами они, гадяки, ушли, а Русь наша в степах осталась! Так хотел Беляк с Парунькою, а так Бог велел, и так буде до конца веков, до скончания!

А то баба поведала Захариха, а пусть ей, бабе, Господь грехи простит!

Сказ Захарихи про царя Гороха

<...> А повстал тут Горей-царь* наш и сказал он: «Лучше сгинути, а побить скотину, чтоб врагам не осталась, а забрать телушек молодых до середины да погнать туда с детьми, стариками, а кто шаблюку держать может, а кто на конь еще лезет, отрезай бороду наполовиц! Походи землю нашу защищати! А и так, аж борода одрасте заново, так и миру добьемся честного!»

_____

* Горей — Орий.

Сказ Захарихи про царя Огыла Чудного*

_____

* В основе этого и следующего сказов — индоевропейский миф о близнецах. В нем обычно фигурирует женщина — их мать, сестра или жена (Диоскуры и Елена и др.). В одних вариантах мифа близнецы убивают друг друга из-за женщины (осетинский эпос, сказка «Два брата» и др.). В других — вместе женятся на ней (Ашвины и Сурья).

За старого часу, в древнее время, когда пасли пращуры наши скотину в степи, да жили там же, домов не стро-ючи, был царем у них Огыла Чудный, а был тот царь силен, как два быка, что деревянным плугом поле пашут, что с возом пшеницы по горам скачут <...> такой Огыла царь был Чудный, что телегу за задки брал одной рукой, из колеи вытягивал, сбоку ставил, и что кони на него оборачивались, силе той страшной дивилися. И ходило с царем в степях много люду, почитало его и поважало за силу его страшную, за доброст, за заботу всегдашнюю про всех людей.

И было у Огылы два сына молодых, два сына, яко два месяца, молодые да пригожие, чисто в матерь их, что давно померла. <...> И выросли сыны те, как два явора, друг в друга подобные, а и сам отец не знал, кого из них зовут Бровко, а кого Вовко. И росли дети те, как трава в степи, сильные, здравые,

веселые, да и стали подрастать, стали бороться, на конях скакать, до людей тулиться, военному делу учиться, саблей рубить, пикою врагу грозить невидному, говорить такие слова всякий раз: «Погоди, вра-же, царями будемо! Мы тебе укажемо, как наших бить, как девчат хватать, уводить в степи!»

И любил их за то народ вольный, за ласку их, за храбрость ту, да за то, что всех защищать обещалися, что клялися быть людям верными, отцу не перечить, всех хранить, и за то, что братья целовали бляхи, что на возу отцовском были повешены, и гремели, звенели, когда кони идут, а то, чтоб все знали, что царь Огыла едет*! И еще целовали бляхи те царевичи, обещались всякую беду сломить, да чтоб народ живал счастливо, чтоб слезы единой ни по чем не пролил, да чтоб было отцам уважение, матерям почитание, детям хранение, да чтоб старцам был хлеба кусок, молока крынка, покой к старости, да чтоб дети кормили их, во всем слухались, и не было бы нигде небрежения, ни вдовам, ни сиротам забвения. <...>

---

* Царские повозки у скифов украшались ритуальными навершиями, увешанными бубенчиками или бляхами.

И скоро стал слаб царь Огыла тот, и скоро Богу преставился. Положили его сыновья на сани богатые, украсили златом, сребром, цветами, в бубны били, людей сзывали на похороны, на погребение великое царское*. И вырыли люди могилу большую, в земле хоромы сложили из дерева, камнем кругом обстроили, положили царя Огылу в санях, дали ему коней борзых, чтоб ехать дале, на Тот Свет, до Навь-Реки, и чтоб было чем платить перевозу, положили горшки с червонцами, серебром, медью мелкою, чтоб всех царь Огыла тот оплатить мог, чтоб ни в чем не нуждался на Том Свете.

---

* Описание похорон Огылы напоминает погребальный обряд скифских царей, особенно лесостепных (с деревянной гробницей). В нем, однако, не использовались монеты, тем более горшки с деньгами.

Положили ему мяса, творогу сухого, крынку сметаны, муки, зерна, хлеба мешок, и зарыли с плачем могилу ту, насыпали на ней курган большой, и на нем посадили дубок молодой, чтоб хранил царя, тень давал в лете, да чтоб гнездились в нем птички вешние, да спевали бы царю Огыле радостно, что пора ему вставати тож, потягатися, коли снег сойдет, трава выйдется, да вырастут петушки, да барвинок. А потом три дня поминки правили, за Огылу-царя пили мед, квас да вино, и песни перед курганом пели, боролися, чтоб еще раз царю Огыле среди них побыть, чтоб еще ему с ними радоваться.

<...> И почали братья-цари в степи жить мирно, за народ свой заботиться, о добре его дбатись, и прожили бы так до смерти самой, да напал на них враг лютый, людей побил, в ночи жен схватил, детей потоптал, скотину побрал, стариков избил, и огня ихнего вытоптал, погасил навек. <...> И рекши братья всем людям своим: «Буде вам теперь плакаться, жалиться! А берите всяк саблю вострую, а вставайтеся за спиной моей, а пойдем врагу метиться, жен отбивать, а пойдем телят загонять, коров наших, и чтоб кажден взял двух врагов убити, и чтоб всяк убил трех, если можется!»

И пошли вперед степями зелеными, в траве таиться, пешком пошли к врагам. <...> Врага били нещадно, до последнего. И тут нашли царицу ихнюю, что лежала на возу, красавица, волосы черны, глаза черные, а сама — бела, румяна, ровно кровь с молоком. Стали братья пред ней, руки опустили, захотели оба ее в жены взяти, впервые друг другу сказать не могли, впервые друг от друга в душе утаились. А была та царица хитрая-прехитрая, одному брату сказала, что будет его женой, и другому тоже сказала, что будет! Потаились братья, потом поспорились, за сабли взялись, друг на друга кинулись. Черкает сабля по сабле, искра летит, в ночи, к заре, видно уже.

Обступил их народ, кричит остановиться, про царя Огы-лу им вспоминает в словах, укоряет их, что за женку ту кровь хотят свою братскую проливать, а та смеется. И встал в тени старец один, стоит, смотрит, ничего никому не говорит совсем, и видят все, что за старец чуден тот, и братья видят,

вставились, не дерутся уже, и старец тот говорит им гласом громовым: «А бросайте, сынки, сабли ваши!» Тут узнали все голос Огылы-царя, и младший брат саблю кинул наземь, а старший брат стоял, не слухался, потом саблю в небо вздынул вверх, и срубил главу братнюю начисто!

«Будь же проклят, сыне мой, за зло твое! Во век веков будешь терзаться! Братню кровь пролил из-за бабы той, меня — отца ослушался!» И ушел царь Огыла во тьму утреннюю, а брат стоял, сам не свой, над убитым братом, и не слышал он ласки царицыной, что звала его к себе в постель теплую. И вышла к нему, с воза скочила, подбежала, а он крикнул страшно ей: «Не подходь! Не подходь!», и взмахнул саблей, начисто главу ей срубил нечистую. Потом сам ушел в поле темное, и никто больше не видал его, не слыхал, а и старые люди собирались, царя нового выбирали себе, радовались, а про брата того нечистого песни сложили.

Сказ Захарихи про близнецов

Было так за давнего часу, что Бог дал двум сынам матери одно тело и одну душу. Ударил Гром в Дуб, как Снопы жали, и родились близнецы по весне! А то Бог хотел, чтобы люди знали, что была на то Его Воля. И родились два мальчика, во всем подобные, друг на друга похожие, как две капли воды, один бежит, кричит: «Мама, это я!» И другой смеется: «Нет, это я!». И так были похожи они, что ни мать, ни отец, никто не мог их различить. А стали расти, один высокий и стройный, и другой также высокий и стройный, и оба они были светловолосыми, и оба были сероглазыми. Коли ударят одного, другой плачет, а коли захворает другой, первый плачет.

И жили они душа в душу, аж выросли, стали юношами, да ввечери повстречались с девицей одной, да оба в нее и влюбились. Один ее просит за него замуж идти, а другой кричит: «Я без тебя жить не могу!» Засмутилась она, заплакала, ответила: «Не знаю, как быть! Люблю каждого, не разберу, кто он, тот ли, кого встретила в первый раз, или тот, кто сказал после слово!» И почали два молодых юноши меж собой спориться, кому девица женой будет. Почали

спориться да подрались, один на другого с ножом кинулся, а первый другого ранил, а у самого кровь течет!

Развели их люди, сборы собрали, порешили, как быть, что делать. И сказал царю Прадедов наших, обратясь ко всем, такое слово: «Близнецы те единоутробные, а Близнецы единокровные, а то же один юноша в двух телах, а одна у них душа на двоих дана! Потому сделаем, как в старину делали, буде им Ганна женой обоим! И чтоб никто над тем не смеялся, чтоб никто пальцем на них не показывал!» Порешил царь так, и люди тоже, и стали они, трое, жить в одной хате, и счастливо прожили до самой смерти.

Сказка про царя Кучку

Царь Кучка... схватил быка за рога, да и сломал их, хватил корову за хвост, а она рванулась, так хвост в руке и остался! Ежели царь Кучка кого ударит, так насмерть. Хлопнул по плечу богатыря Глечика, да и перешиб ему плечо! А богатырь Глечик нужен был предкам. Если набегали злые кочевники, он за них брался, только пух да перья летели. Позвал царь Кучка лекаря и говорит: «Вылечишь — награжу — не вылечишь, голову сниму!» Лекарь взялся за богатыря, давай ему все косточки выправлять, палочка-ми подправлять. Больно было Глечику, да держался, только зубами скрипел. Скрипнет, а изо рта искры сыплются.

Выправил ему плечо лекарь и говорит: «Смотри же, раньше месяца сабли не подымай! Сломаешь руку заново». А у того была такая саблюка, что обычный человек поднять не мог. Крепился Глечик месяц, а тут воры налетели, скот отбивать начали. Погнался он за ними на коне быстром да левой рукой кого как схватит за голову, так и оторвет! Троим оторвал, остальные испугались, скот бросили, убежали, куда попало. Едет Глечик назад, а царь Кучка навстречу. «Здоров! — кричит. — Ну и задал ты им перцу! Молодчина!» Да, похвалив, как его по другому плечу хлопнет, и другое сломал! Зовут опять лекаря. Царь и говорит: «Ошибся я маленько... Опять другое плечо сломал!» Вылечил лекарь и это плечо. С тех пор царь Кучка боялся даже Глечика трогать.

Понадобилось царю траву для Суряницы искать, он и сказал всем: «Кто найдет, получит теленка!» Пошли все траву искать, и ее, ежели найдет человек, только помолясь срывать можно. Нашел один парень, да не помолившись и дернул ее, — да как загудит! Земля расступилась, взяло его и закрылось! Так и пропал. Царь Кучка выпивал утром жбан суряницы, лил в огонь остатки, потом раздавал всем, старому и малому, и такая сила в них была в это время, что подвернись кто хочешь, в клочья разнесут! Но царь Кучка наливал еще старого меду, сам пил и давал, кому хотел, чтоб еще лучше было.

И вот, задумал он сына женить, и выбрал ему невесту, дочку соседнего царя. А она было захотела, а как узнала, что за царевича Кучку идти, сразу же сказала, что не пойдет! И отец, и мать на коленях просили, не желает, и только. Тогда сам царь Кучка за ней поехал с Глечиком, и они стали ее уговаривать, не хочет, и только. Тогда царь ее схватил поперек стана, Глечику приказал защищать в случае чего, и помчал на коне домой. Как узнали братья царевны, вооружились и погнались за ними. Скачут это они по степи, царевна кричит: «Не хо-о-чу! Спасите меня!» А братья настигают, да который настигнет, а ему Глечик голову и оторвет! Боже, сколько народу перекалечил!

Привез ее царь до становища, бросил наземь и говорит сыну: «Бери твое золото!» Тот ее поднял, погладил по голове, обнял нежно за плечи и сказал: «Что же они тебя обижают? Сказала бы мне, я бы тебя защитил». А царевна сама плачет, а сама одним глазком на добра молодца поглядывает. Видит, а он ничего себе, и ус молодецкий, и стан у него прямой, парень хоть куда, ну тут она и повисла у него на шее! Царь Кучка на радостях целый месяц пил с Глечиком, кто кого перепьет, да так оба замертво под телегу и свалились. Пир шел коромыслом все время в стане. Пили и старый, и малый. Допились до того, что коровы слушаться перестали. <...>

И вдруг крик: «Разбойники!» Все заходило ходом, кто на коня брюхом лезет, а конь не стоит, и он носом в землю — тык! Кто уже сел в седло, да из пьяных рук узду выпустил, кричит: «Подай-ка мне уздечку! Где она?» А сам царь Кучка хотел себе ногу почесать, да давай драть ее, и слышит, Глечик

кричит: «Да то ведь моя нога!» Ну, сели кое-как, с помощью друг друга, на коней. Царь говорит: «Как знак дам, так чтоб, значит, все вперед летели!» «Не изволь, батька, беспокоиться!» — отвечают вояки. Ну, значит, царь и дал «знак», как навернет соседнего по шее, тот из седла кувырк! И нет, значит, его.

И все как двинут степью, как помчат, полетят! Налетели на воров, да Глечик как трахнет одного из них саблю-кой, так вдвоем с конем, на котором тот сидел, пополам перерубил! И пошла потеха: воры удирают, а Кучка со своими их не пускает. Они кинутся направо, а Кучка налево, они думают: «Это он нас, значит, куда-то заманивает». И тоже налево, а Кучке только того и надо, головы им рубит. Кучка кинется направо, и воры направо: «Чего бы это он стал от нас бежать?» Ну, а тот рубит, головы им рвет, как груши. Последние сдались. Привел их царь к становищу, да как стал с седла слазить, увидали тут они, что царь на ногах не стоит, да как кинутся в разные стороны, ну, значит, и разбежались!

Куда там пьяным было за ними по второму разу гнаться. Махнули рукой и пошли допивать. Съели за это время десять быков, полсотни овец да десятка два телят. Ели-пили, опять ели, так целиком целых быков, что на кострах жарили, наденут на палку и на огне пекут.

Когда царь Кучка состарился, хотели его мужики прогнать, так он взял дубину в руки и сказал: «А ну-ка подойди, кому надоело мне покоряться!» И такая оторопь всех взяла, что и не решились. У молодоженов родился первенец, сын, и такой крепкий, буйный, целиком в Деда Кучку. Нянчился с ним Дед все время, все учил, как надо обороняться от врагов, как нападать, как с мужиками говорить: «А подойди-ка, сучий сын! Мы с тобой покаляка-ем!», и рукава засучит при этом. У того и страх при этом появится. С малых лет сажал он его в седло казацкое, учил конем править, всему научил.

Когда совсем состарился Дед Кучка, поседел, пожелтел, передал дубину в руки сына и сказал: «Ну, ты тоже Кучка будешь. Хоть и не такой, как был я или внук будет, но все-таки». А сын был нрава тихого, больше на возу сидел с женой, да царица за него распоряжалась. Когда внук Кучки подрос, стал сам в

дело мешаться. Иной раз и с отцом повздорят. Придет он к Деду, а тот все: «Ну, конечно, если есть тут Кучка, так ты, а тот, отец твой... Да он и жены бы себе не добыл, ежели б не я!» Очень тот на старого обижался. Однако, как говорится, из песни слова не выкинешь.

Вот и решил старый Кучка помирать. Улегся на возу, приказал девкам любимые песни петь, что еще его мать-покойница пела, сам слушает, а сам говорит, как обрядить его, в какую одежу, какую саблюку с ним положить. Плачут бабы кругом, а старый Кучка им говорит: «И чего вы, собачье отродье, плачете? Всем помирать один раз надо!» Так и помер. Узнал про то старый Глечик, пришел к возу, да и тоже помер. Хоронили их вместе тоже, вместе с возом.

Сказ Захарихи про Трояка и Троян-царя

За те часы, когда Троян был, тогда же и Трояк живал, людей учил, а был он премудрым от Бога, сам знал и другим сказывал, как пшеницу сеять, как от суслика беречься, как от «овражка» (хомяк?) охраниться, какую корову до быка пускать, а какую яловицу дома держать, и, коли человек заболеет, он траву всякую, корешки знал, заварит, напоит, и тот здоров.

Был Трояк один на возу, и царь Троян к нему за советом ходил. Царь стоит, а он дудочку стружит, царь ждет, а он дудочку пробует, так ли гудит она, так ли играет, царь молчит, и Трояк молчит, будто царя не видит, а сам все стружет <...> а царь все ждет, с ноги на ногу переступает, Трояк молчит, будто не видит вовсе, а сам думает, да сказать не хочет. И говорит ему царь: «Чего же скажешь? Не видишь, что жду? Когда слово бросишь?» Отвечает ему Трояк: «А вот, дай дудочку кончить, а ввечери придешь, тогда и скажу».

И уходит царь Троян, как был, ни с чем, а ввечери приходит, а Трояк ему говорит: «А скажи-ка, царь Троян, что ты говорил мне? В утре-то я дудочку строгал, так не слышал». И скажет царь Троян, что надобно ему, а Трояк ему и ответит, порешал все, а ввечери ему и не трудно ответить <...>. А осердится царь, так Трояк ему скажет: «Иди до других, пусть они тебе помогут, а не помогут, так на себя пеняй, а я скоро отвечать не умею, бо дурость буде, а

дурость буде, всем людям зло, а коли дурак советы дает, так иди к нему и делай наипак (обратно), а увидишь, что то добре буде!»

Идут враги на Русь нашу, все бегут, и Трояк бежит, ни слова не скажет, а догонит его Троян, спросит: «А что же делать мне теперь? Как управиться?» А Трояк ему скажет: «Видишь, бегу? Беги и ты, пока придумаю <...>». И бегут все добрых полдня по степи <...> а Трояк встанет на возу своем и гаркнет: «А куды ж вы бежите, черти лысые? Ставай зараз все! Совет держать будем!» Крикнет так, и сам станет поперек пути, дорогу загородит всем, мешает бежать: «Стой! Стой! Куда летишь? Кони морены! Кони морены, в мыле уже, запыхались, а еще дальше и падут совсем наземь, а будешь бежать, дураче, на своих двоих!»

И станут люди, а он снова скажет: «И что там ворогу, кот наплакал! И силы у него нет совсем, все черные да костлявые, кожа-кости, а берите батоги да макагоны, а берите шабли вострые, что баба поднять не может! А гоните их в три шеи, бейте наголову! Осейчас мне тут Ангел был, сказал, что побьем басурманов всех до единого!» И станут все кругом, и смеются, и страха нет, а страха нет, повернут все назад, врага завидят, кинутся на него, отобьют скотину, назад врага поженут, а кинется тот, уже не опомнится.

А то царь станет судить дело трудное, позовет Трояка, а тот сливу сухую ест, да набьет полон рот ягод, рукой указывает, что нельзя ему сказать, из-за слив, а коли съест, так и слово скажет, а за тот час успел подумать он, успел подумать, и решить успел, а скажет, так уж скажет, что все, и правые, и виноватые, все признают, и с царем согласятся, и друг другу поклонятся, разойдутся мирно <...>.

Любил его народ, и царь тоже любил, дети все вокруг него, на возу сидят, со всей Руси нашей дедовской, собираются, смеются с ним, а он смеется, а сам детей учит! Да коли дети повыросли, стали дружно жить, совсем не ссориться, а стала Русь от того крепчать пошла, а стада добра наживать, друг друга любить, и царь Троян Трояка славил, и люди ему всегда кланялись.

Сказка про Черняву-царевну

Снилась молодому парню девушка такой красоты, что и во сне не увидишь. Решил он идти на край земли, чтоб найти ее. Идет и видит: широка земля, обильна она реками, горами и лесами, и везде дома, везде люди живут. Торопятся они встать с Солнцем, ложатся спать с закатом, и везде трудятся, едят, снова трудятся. Сон их краток, работа длинная. Но нигде нет снившейся ему красавицы. И где ни спросит: «Не видали ли в вашем краю такой красавицы, что и во сне не увидишь?», все отвечают: «Не видали ни во сне, ни наяву». <...>

Встречает он пахаря в поле и спрашивает его, но тот отвечает: «Некогда мне, вот полоску докончу, тогда домой, а завтра надо новую начинать... Да и не видел я ее! Где же нам, людям трудящим, видать?» Идет дальше и спрашивает старушку, бредущую по дороге: «Ох, иду я по Святым Местам... Грехи замаливаю... Не видала я твоей Чернявы-царевны» .

В отчаянье, что не может найти Чернявы-царевны, обращается он к земле, говоря: «Земля-Мать Сырая, не видала ли ты...» Отвечает ему она: «Видала я много пахарей, много работников, что лопатами взрывали меня, всякого зверя видала я, травы, деревья, цветы, да и Черняву где-сь видала, да не упомню». Как ни просил он ее, не могла сказать: «Много видала, много вижу, да стара стала, забыла!» Попросил он ее еще подумать, может, вспомнит, а земля и отвечает: «Помню, как быки пасутся на моих полях, помню овечек беззащитных, и волки к ним подбираются, деток кормить надо — нечем, и коней помню, как траву едят, да после, наевшись, по мне валяются. Все помню, а Чернявы не упомнила!» А Чернявы-царевны не видала, потому как сама баба, и она тоже баба!

И долго-предолго бродил он, да и остановил Добра Молодца, спрашивает и его. А тот рассмеялся, да и отвечает: «Ну и дурень же ты, братик! Да назад-то поглянь!» Оглянулся Ваня, и видит, правда, там же, где он только что был, царевна ходит, людей спрашивает, а ей отвечают: «Видали, видали! Да только вчера был здесь, а где нынче, не ведаем!» Тут и побежал он ей навстречу, и

упал ей в ноги, поклонился, а та и говорит: «Хоть царевна я, да — баба! Чего же ты бабе кланяешься! Богу поклонись!»

В церквах зазвонили, все царство-государство обрадовалось, что нашел Ваня Черняву-царевну да что Чернява-царевна Ваню нашла! Нашел Ваня царевну Черняву на краю земли, там, где небо с землей сходится, да откуда ночью свет светит.

Сказ Захарихи про Буянко-царя

Коли булы Пращуры наши в степах, та скотину там гоняли, так був Буянко-царь над руськымы, а той царь був сыльный, та мог он скотину сам наземь валить, за рога взявшись руками, та мог подкову сломать, шаблюку скру-тыты в кольцо, а за версту закынути далеко.

А сидив раз Буянко-царь на возе, а на огонь дивився та думав, а и видит, всадник скачет к нему, а и видит, другой летит, а за ним — видимо-невидимо. Доскакал первый, наземь пал, сказал: «Царь, по пятам за мной турки гонются!» А царь Буянко встал потиху, а рукой знак дал, коня требовал, а сам на турков смотрит, глаз с них не спускает. <...> А потом рукою знак давал, тихо к туркам ехал, не торопясь, а снова знак дал шаблюкою, а и все казаки его в скок пошли, на турок поганых полетели! У тех кони мореные, тяжко идут, а у Буянко-царя — как вихорь степной, а туркам в лицо солнце светит, а Буянку-царю в потылицы, да как налетел царь на турок тех, как хватил царя ихнего за бороду да об земь грякнул, так и дух из того вон вышел поганый!

А как видели турки то, да давай текать по степу, а казачество буянское за ними, настигло их, главы рубило, а коней забирало, до царя вело, а и сам Буянко Бела-Коня брал, а хотел его Богу дати*, да жалел, бо такого и сам не имел, а ему поп сказал, что Бог не требует, чтоб коней давали ему, а чтоб верили, так Буянко тому радовался, а хотел зараз креститься, а сказал ему поп, что веры не знает, а что надо вере тысячу лет учиться, а по той по тысяче лет только может царь Буянко хрестьяном стати.

---

* Принесение царем в жертву коня, как и почитание белого коня, — общеиндоевропейские обычаи.

ВЕЛЕСОВА КНИГА

СЛАВЯНСКИЕ ВЕДЫ

Редактор Ю. Кулишенко

Художественный редактор А Пилипенко

Оформление переплета Е Шамрай

Компьютерная верстка Ю. Кулишенко

Корректоры И. Желанникова, И. Коновалова

Сканирование, редактирование электронной версии Айг Аргайл

Редактор сайта HECTOR Славянский

Подписано в печать с готовых диапозитивов 13.03.2002

Формат 70x100У32. Гарнитура «Академия»

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,3

Тираж 7 000 экз. Заказ № 646

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс». Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97. 125190,

Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (e-mail) — info@eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «ЭКСМО"

обращаться в рекламное агентство «ЭКСМО». Тел. 234-38-00

Книга — почтой: Книжный клуб «ЭКСМО» 101000, Москва, а/я 333.

E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1/

Тел./факс: (095) 932-74-71

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК»

представляет самый широкий ассортимент книг

издательства «ЭКСМО».

Информация в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Книжный магазин издательства «ЭКСМО»

Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»)

ООО «Медиа группа «ЛОГОС». 103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2

Единая справочная служба: (095) 974-21-31.

E-mail: mgl@logosgroup.ru

contact@logosgroup.ru

ООО «КИФ «ДАКС». Губернская книжная ярмарка.

М. о. г. Люберцы, ул. Волковская, 67. т. 554-51-51 доб. 126, 554-30-02 доб. 126.

Отпечатано с готовых диапозитивов во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати», 432980,

г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14